

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**УЧЕНЫЕ
ЗАПИСКИ**
юридического факультета
Выпуск 36(46)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2015

Председатель редакционной коллегии
ректор СПбГЭУ, д. э. н. **И. А. Максимцев**

Редакционная коллегия:

д. ю. н., проф. **В. М. Анисимков**, д. ю. н., проф. **Г. Г. Бернацкий**,
д. э. н., д. ю. н., проф. **М. Н. Бродский**, д. ю. н., проф. **Г. П. Ермолович**,
д. ю. н., проф. **В. А. Кряжков**, д. ю. н., проф. **В. В. Мамонов**, д. ю. н. **А. Б. Новиков**,
д. ю. н., проф. **И. Е. Нельговский**, д. ю. н., проф. **В. А. Сапун**, д. ю. н., проф. **А. П. Сергеев**,
д. ю. н., проф. **В. И. Тюнин**, д. ю. н., проф. **А. А. Фомин**

Председатель редакционного совета
д. ю. н. **В. П. Сальников**

Редакционный совет:

д. ю. н., проф. **И. А. Антонов**, д. п. н., проф. **В. А. Ачкасов**, д. ю. н., проф. **С. А. Авакьян**,
д. ю. н., проф. **Г. Г. Арутюнян** (Армения), д. ю. н. проф. **Р. Б. Булатов**,
д. ю. н., проф. **Г. А. Гаджиев**, д. ю. н., проф. **С. И. Захарцев**,
д. ю. н. проф. **М. И. Клеандров**, доцент **Э. Б. Курзенин**,
д. ю. н., проф. **В. А. Малиновский** (Казахстан), к. ю. н., проф. **М. А. Митюков**,
к. ю. н. **И. Марино** (Италия), д. ю. н., проф. **С. Э. Несмеянова**,
д. ю. н., проф. **В. Б. Романовская**, д. ю. н., проф. **И. Л. Третьяков**,
д. ю. н., проф. **М. Ф. Чудаков** (Белоруссия), д. ю. н., проф. **Е. Н. Щендригин**,
д. ю. н., проф. **А. И. Экимов**, д. ю. н., проф. **А. Г. Хабибулин**

Научный редактор
д. ю. н. **А. А. Ливеровский**

Ответственный секретарь
к. т. н., доцент **В. Н. Антонов**

Журнал «Ученые записки юридического факультета» Санкт-Петербургского государственного экономического университета входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются Высшей аттестационной комиссией (ВАК) Министерства образования и науки РФ при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

У91 **Ученые записки юридического факультета**. Вып. 36 (46) / Под ред. А. А. Ливеровского. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2015. – 139 с.

Первый выпуск журнала «Ученые записки» Института права Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов вышел в 1999 году. До 2004 года было опубликовано 10 выпусков журнала. В июне 2004 года журнал зарегистрирован как средство массовой информации под названием «Ученые записки юридического факультета». В журнале печатаются работы, посвященные теоретическим исследованиям в различных отраслях права и анализу юридической практики.

Подписной индекс по каталогу агентства «Роспечать» – 46705.

Учредитель издания – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет».

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ № ФС 77-57278.

ББК 67

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Теоретические исследования

<i>Куницын А. С.</i> Формирование и развитие естественно-правового направления в русской науке права.....	5
<i>Реуф В. М.</i> Правовые ограничения в контексте стимулов и ограничений в праве.....	12

Раздел 2. Юридическая практика

<i>Андреева Е. М.</i> Правовые и финансовые основы делегирования государственных полномочий.....	16
<i>Верхогляд А. С.</i> Динамика правового статуса Государственной Думы и членов Государственного Совета (1906–1917 гг.).....	23
<i>Захарцев С. И., Кирюшкина Н. О.</i> ОРД и другие юридические науки: взаимосвязь и взаимодействие.....	27
<i>Иванов Д. В.</i> Правовое регулирование биобанкинга в России: проблемы и перспективы.....	37
<i>Левитанус Б. А., Алехина О. В., Кучерова Л. А.</i> Утилизация отходов электрического и электронного оборудования: эколого-правовой аспект... ..	42
<i>Морозов А. В.</i> Ситуационный подход и алгоритмизация действий в использовании возможностей экспертно-криминалистических учетов при расследовании преступлений прошлых лет.....	48
<i>Никонова М. Ю.</i> Безналичные денежные средства: противоречия в теории и законодательстве до и после внесения изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации.....	54
<i>Павлова А. В.</i> Нормативно-правовые аспекты переселений в Сибирь и Туву в первой половине XX века.....	61
<i>Рогачевский А. Л.</i> Цензура туристической литературы в СССР (1930–1941 гг.).....	66
<i>Хлусов Т. М.</i> Органы внутренних дел в контексте управленческого и структурно-функционального анализа (историко-правовая ретроспектива): понятие и сущность.....	77
<i>Храмова Т. М.</i> Право на публичное пространство: допустимы ли мирные собрания на территории частных владений.....	84
<i>Яльшиев С. А.</i> Об иностранном опыте использования психологического профиля преступника при расследовании серийных преступлений.....	95

Раздел 3. История государства и права

<i>Ананских И. А., Сэруа В. С.</i> Малоизвестные страницы истории российской юридической науки (наука административного права и наука государственного права).....	102
<i>Калинина Е. В., Романовская Л. Р.</i> Концепция происхождения и развития государства в иудаизме и христианстве: некоторые размышления.....	105
<i>Курзенин Э. Б., Сальников В. П., Романовская В. Б.</i> Особенности методологии научного творчества Самуэля Пуфендорфа.....	111
<i>Минеева Т. Г., Цыганов В. И.</i> Самозванные претенденты на престол и легитимизация их власти в Европе XII–XVII вв.	115
<i>Миненко С. В.</i> Христианизация востока России в XIX веке как фактор обеспечения социальной стабильности Империи.....	120
<i>Сальников М. В., Федюшкина А. И.</i> Правовые идеи в работах Христиана Томазиуса.....	125

Part 1. Theoretical studies

Kunitsyn A. S. Formation and development of natural law direction in Russian science of law	5
Reuf V. M. Legal restrictions in the context in incentives and restrictions in law	12

Part 2. Legal practice

Andreeva E. M. Legal and financial framework of delegation of state powers	16
Verkhoglyad A. S. Dynamics of the legal status of State Duma and members of the State Council (1906–1917)	23
Zakhartzev S. I., Kiryushkina N. O. Investigative activity and other juridical sciences: interrelation and interaction	27
Ivanov D. V. Biobanking legal regulation in Russia: problems and prospects.....	37
Levitanius B. A., Alekhina O. V., Kucherova L. A. Recycling of waste electrical and electronic equipment: ecological and legal aspects	42
Morozov A. V. Situational approach and algorithmization of actions in use of opportunities of expert-criminal records in an investigation of previous years	48
Nikonova M. Y. Cashless money resources: controversy in theory and legislation before and after the introduction in the Civil Code of Russian Federation	54
Pavlova A. V. Legal aspects of resettlement in Siberia and Tuva in the first half of the XX century	61
Rogachevskiy A. L. The Censorship of the Tourist Literature in the Soviet Union (1930–1941)	66
Khlusov T. M. Bodies of the interior in the context of the management and structural and functional analysis (historical and legal retrospective): concept and essence	77
Khramova T. M. Right to public space: is freedom of peaceful assembly permitted on private lands.....	84
Yalyshev S. A. On foreign experience of using psychological profile of criminals in the investigation of serial crimes	95

Part 3. History of state and law

Ananskikh I. A., Serua V. S. Unknown pages of the Russian legal science (science of administrative law and science of state law).....	102
Kalinina E. V., Romanovskaya L. R. The concept of the origin and development of the state in Judaism and Christianity: some thoughts	105
Kurzenin E. B., Salnikov V. P., Romanovskaya V. B. The specific methodology of scientific research by Samuel Pufendors.....	111
Mineeva T. G., Tsyganov V. I. Self-appointed claimants to the throne and legitimisation of the power in Europe from the 12 th to 17 th centuries.....	115
Minenko S. V. The Christianization of the east of Russia in the XIX century as a factor of social stability empire	120
Salnikov M. V., Fedyushkina A. I. Legal ideas in the works of Christian Thomasius	125

*А. С. Куницын
А. S. Kunitsyn*

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВОГО НАПРАВЛЕНИЯ В РУССКОЙ НАУКЕ ПРАВА

FORMATION AND DEVELOPMENT OF NATURAL LAW DIRECTION IN RUSSIAN SCIENCE OF LAW

Отечественная правовая мысль уходит своими корнями в глубь истории, ее истоки следует искать еще в Древней Руси. Однако как самостоятельная отрасль научного знания она оформилась в XVIII в., который для России стал эпохой «осевого времени». «Этот необычайный расцвет русской культуры в новое время оказался – по словам видного философа Г. П. Федотова (1886–1951) – возможным лишь благодаря прививке к русскому дичку западной культуры. Но это само по себе показывает, что между Россией и Западом было известное сродство; иначе чуждая стихия искалечила бы и погубила национальную жизнь»¹.

Историки русской правовой науки традиционно ведут ее начало со времени петровских реформ. Показательным в этом плане можно считать мнение одного из ведущих представителей русской естественно-правовой мысли, профессора Санкт-Петербургского университета А. П. Куницына (1783–1840), который в 1821 г. в одной из статей отмечал, что от «проницательного ума Петра I не скрылась и та истина, что для надлежащего исполнения и охранения силы законов необходимо нужны просвещенные блюстители оных; ибо и самые ясные законы для несведущего человека бывают немые». В итоге автором был сделан вывод о том, что начало теоретического правоведения в России «должно относить к царствованию Петра Великого»².

Влияние Запада со времени петровских преобразований являлось важнейшим фактором жизни русского общества, существенно сказывалось на развитии отечественной науки, в том числе науки права. Это зарубежное влияние определяло как содержание научных исследований, так и направление и методы научной деятельности.

По утверждению известного русского правоведа Г. Ф. Шершеневича (1863–1912), «зная исторические условия умственного развития России, принужденной скачками догонять Западную Европу, с которой после долгого разобщения ей пришлось в XVIII в. сблизиться, нельзя, конечно, ожидать, чтобы наука права развивалась в России самостоятельно... Много нужно было времени, чтобы в России появились самостоятельные ученые, которые дерзнули бы высказать свои собственные взгляды, независимые от западных учений»³.

Представители различных поколений исследователей, по-разному оценивая результаты западного влияния на русскую правовую науку, тем не менее признавали «последовательное отражение в ней влияния западной науки, постепенную смену направлений, соответствующую движению науки права на Западе». Причем, как было отмечено в свое

© А. С. Куницын, 2015

¹ Федотов Г. П. Россия и свобода // Избр. труды. М., 2012. С. 609.

² Куницын А. П. Старание Петра Великого о введении в России теоретического образования для юношества в Правоведении // Сын Отечества. 1821. Ч. 67. № 6. С. 253.

³ Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России. М., 2003. С. 26.

время Г. Ф. Шершеневичем, «русская наука проявляет замечательную чуткость и восприимчивость ко всяким новым веяниям западной науки, и чуть зародившееся на Западе направление, еще не окрепшее на отечественной почве, непременно находит сторонников и пропагандистов среди русских ученых». «В этом, – по мысли русского правоведа, – заключается вместе и сила, и слабость русской науки»⁴.

Поскольку в XVIII и в начале XIX в. доминирующее положение в западноевропейской правовой науке принадлежало школе естественного права, то неудивительно, что именно это направление правовой мысли стало занимать ведущие позиции в нарождающемся русском правоведении.

По свидетельству крупного ученого-юриста Н. М. Коркунова (1853–1904), «с начала XVIII столетия учения естественного права проникали и к нам. Особенно посчастливилось при этом Пуффендорфу. Уже в 1726 г. был напечатан перевод его книги, сделанный по приказанию Петра I. По ней читали свои лекции профессор нравоучительной философии в Академии наук Х. Ф. Гросс (1725–1731) и первый профессор московского юридического факультета Дильтей. Да еще и в 90-х гг. прошлого столетия ею руководствовался московский профессор Скиадан»⁵.

Исследователи сходятся на том, что теория естественного права была активно воспринята русской общественной мыслью. Свидетельством влияния идей естественного права в России может служить прежде всего довольно широкое распространение трудов представителей европейской естественно-правовой мысли, причем как в оригинале, так и в переводе на русский язык. В своем капитальном труде видный отечественный философ В. В. Зеньковский (1881–1962) сообщает, например, что в течение XVIII и в начале XIX в. в России было 140 переводов сочинений Вольтера. «К этому надо прибавить, – пишет далее ученый, – что, по свидетельству современников, “сочинения Вольтера ввозились тогда в великом множестве и находились во всех книжных магазинах”... Вольтера издавали даже в провинции; так, один тамбовский помещик, Рахманинов, издал полное собрание сочинений Вольтера... Конечно, значение Вольтера не было исключительным – русские люди увлекались и Руссо, и Дидро, энциклопедистами, позднейшими материалистами»⁶.

По свидетельству писателя и историка В. А. Боголюбова (1871–?), «кроме переводов, большое количество философов было известно в подлинниках, так как французский язык был тогда разговорным в высшем дворянском обществе, а, кроме того, многие знали и другие языки. Иметь большую библиотеку известных авторов считалось тогда признаком хорошего тона, и таких библиотек встречалось действительно немало... При множестве путей, которые давали знакомство с французской философией, она широко распространялась в русском обществе. Среди столичного дворянства встречались общепризнанные знатоки этой философии, изумлявшие своими познаниями даже самих французов. Французские эмигранты, какие во множестве прибывали в Россию во время революции, удивлялись, что люди высшего общества лучше знают сочинения Руссо и речи Мирабо, чем их знают во Франции. Но и в провинции знакомство с новой философией было немалое, об этом свидетельствуют чуть ли не все записки современников XVIII века»⁷.

Так, выдающийся русский просветитель Я. П. Козельский (ок. 1729 – после 1793) кроме основной книги своей жизни «Философических предложений», написанной с позиции теории естественного права и изданной в 1768 г., в 1770 г. осуществил перевод двух томов знаменитой французской Энциклопедии. В числе переведенных были такие ключевые энциклопедические статьи, как «Философия», «О естественном праве», «Политика», «Логика», «Физика» и др.⁸

Примечательно также, что из предисловия к книге профессора Петербургского университета П. Лодия «Теория общих прав, содержащая в себе философское учение о есте-

⁴ Там же. С. 26.

⁵ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 40.

⁶ Зеньковский В. В. История русской философии. В 2 т. Т. 1. Ростов н/Д, 1999. С. 96, 97.

⁷ Боголюбов В. Н. И. Новиков и его время. М., 1916. С. 155–156.

⁸ Варшавский А. С. Сыны Отечества (Эпоха русского Просвещения 50–70-х годов XVIII века). М., 1987. С. 239.

ственном всеобщем праве» можно узнать, что ее автор в процессе работы руководствовался трудами выдающихся представителей европейской естественно-правовой мысли: Г. Гроция, С. Пуфендорфа, Х. Вольфа, Шрота, Еггера, а также венских профессоров Карла де Мартини и Франца фон Цейлера⁹.

Успехи теории естественного права в России определялись как глубокими внутренними процессами, так и мощным воздействием идеологии европейского Просвещения и событий Великой французской революции. По словам профессора И. А. Покровского (1868–1920), «особенную глубину и интенсивность естественно-правовое настроение приобрело, как известно, в XVII и XVIII вв., – в эпоху, которой и дается по преимуществу название эпохи естественного права... Чем более то, что наблюдалось в действительности, казалось несправедливым и неразумным, тем ярче выступала мечта о праве абсолютно справедливом и абсолютно разумном, т. е. о праве естественном. Великая французская революция явилась горячей попыткой осуществления этой мечты; это был поразительный по своему подъему опыт перестроения человеческих отношений на началах естественного права»¹⁰.

Размышляя о притягательной силе естественно-правовой теории, «завоевавшей власть над умами и расчищавшей почву для свободной критики государственного устройства во имя прав человека», профессор А. А. Кизеветтер (1866–1933) писал: «Гроций, Пуфендорф, Гоббс – стали теоретическими руководителями русской дворянской интеллигенции на первых шагах ее политического воспитания. И русские читатели не замедлили не только усвоить, но и попытаться применить на деле два практических вывода, которые могли быть извлечены из названных учений. Учение о договорном происхождении государства приводило к выводу о возможности изменять существующий политический строй... Учение о прирожденных правах человека, соответствующих естественной природе человеческой, – ставило границу государственному вмешательству в гражданское общество и в частную жизнь гражданина»¹¹. Теория естественного права привлекала русских мыслителей своим философско-этическим обоснованием необходимости прав и свобод человека, тем, что, оценивая право как социокультурный феномен, имеющий глубокие метафизические основания, она позволяла вести разработку проблем государства и права в рамках широкого культурно-исторического контекста, давала возможность использовать достижения европейской естественно-правовой мысли для поиска оптимального пути развития России. Одна из привлекательных для русских правоведов сторон доктрины естественного права заключалась в ее способности плодотворно влиять на процессы формирования общественного правосознания, на воспитание общества в духе уважения к религиозно-нравственным ценностям.

Считается общепризнанным, что история русской правовой науки, в том числе ее естественно-правовое направление, неотделима от истории отечественного юридического образования. «Только университетской науке, и то не сразу, удалось создать русское правоведение», – утверждал, например, Г. Ф. Шершеневич¹². Причем обращает на себя внимание их взаимное положительное воздействие. Курсы естественного права в рассматриваемый период занимали главное место в учебных программах университетов и лицеев, составляли основу юридической подготовки воспитанников Кадетского корпуса, Пажеского корпуса, а также духовных учебных заведений¹³. Известно, например, что в период учебы в Нежинской гимназии юный Николай Гоголь и его соученик, будущий выдающийся правовед

⁹ Лодий П. Теория общих прав, содержащая в себе философское учение о естественном всеобщем праве. СПб., 1828. С. 1.

¹⁰ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 62–63.

¹¹ Кизеветтер А. А. Исторические очерки. М., 1912. С. 62.

¹² Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России. М., 2003. С. 27.

¹³ См., напр.: Устав императорского шляхетского кадетского корпуса. СПб., 1776; Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. М., 1855; Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870; Соловьев И. М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Вып. 1. СПб., 1914; Томсинов В. А. Юридический факультет Московского университета во второй половине XVIII века // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 2004. № 6. С. 3–26; и др.

П. Г. Редкин слушали лекции по естественному праву выпускника философского факультета Харьковского университета профессора Н. Г. Белоусова¹⁴.

Первыми профессорами юриспруденции в российских университетах были по преимуществу ученые из Германии. Доктор права Венского университета Ф. Г. Дильтей (1723–1781) в 1756 г. был приглашен читать лекции во вновь открытый Московский университет, став первым профессором юридического факультета данного университета. Вначале он читал лекции на французском языке, но уже через год был готов преподавать и на русском языке. Читал курсы римского, государственного и уголовного права, по истории русского права. Но главное внимание Дильтей уделял преподаванию философии права, полагая, что в основе всех юридических наук должна лежать определенная философская система. Курс естественного права он в основном излагал по системе Пуфендорфа. Интересно, что первая же лекция, с которой Дильтей выступил в Москве, была на тему: «О нужде и пользе права перстом Божеским во всех сердцах написанного». В случаях неполноты или неясности закона Дильтей призывал своих слушателей обращаться к положениям естественного права. Кроме ряда сочинений, им было напечатано несколько актовых речей, в том числе «О единственном, истинном и точном основании естественного права» (1763). Из школы Дильтея вышли С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков, ставшие впоследствии первыми русскими профессорами права¹⁵.

Среди профессоров Московского университета, стоявших у истоков преподавания юриспруденции в России, можно упомянуть немецкого правоведа И. М. Шадена, который вплоть до своей смерти в 1797 г. читал курсы лекций по естественному праву, политике, логике и риторике. Учениками Шадена были писатель Д. И. Фонвизин, историк Н. М. Карамзин, профессор-юрист Московского университета Л. А. Цветаев и др.¹⁶

Это способствовало пропаганде идей естественного права и их проникновению в общественное сознание, началу их научного осмысления с учетом специфических российских условий. Обосновывая необходимость изучения естественного права в российских университетах, известный юрист и экономист, первый ректор Санкт-Петербургского университета М. А. Балугьянский (1769–1867) подчеркивал, что оно представляет собой введение, основание и теорию положительных прав, что «в наших временах нельзя совершенно молчать о сих предметах», что в отношениях между отдельными государствами, в законодательной практике каждого государства, в историко-статистических описаниях, даже в журналах и газетах говорится о естественном и других науках права. На этом основании Балугьянским был сделан вывод, что «монархическое правление не имеет никакой причины не допускать своих подчиненных к познанию» естественного права, что незнание одного приносит только вред, что «незнание точных оснований» естественного права стало одной из главных причин революционных бедствий во Франции¹⁷.

В то же время использование теории естественного права в качестве главного предмета преподавания положительно сказалось на развитии отечественного юридического образования, поскольку позволило отказаться от старой, так называемой «приказной» системы, носившей исключительно прикладной характер, и перейти к системе юридического образования, основанной на изучении теоретических основ права. По свидетельству М. Ф. Владимирского-Буданова (1838–1916), «разнообразие и несовершенство действующих кодексов привели к мысли о возможности установить лучшие правовые нормы *a priori* (путем философских построений), что выразилось в попытках обосновать т. н. “естественное право”, общее для всех времен и народов»¹⁸.

Развитию русской естественно-правовой мысли в значительной мере способствовала утвердившаяся еще со времен Петра I практика приглашения в Россию известных

¹⁴ Золотусский И. Гоголь. М., 1984. С. 48–53.

¹⁵ Куницын А. С. Естественное право и правовая мысль России. Учеб. пособие для вузов. Курск, 2007. С. 251.

¹⁶ Жоль К. К. Философия и социология права. Учеб. пособие для вузов. М., 2005. С. 294.

¹⁷ Центральный государственный исторический архив СССР (далее – ЦГИА). Ф. 1260. Оп. 1. Д. 339. Л. 228–230.

¹⁸ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1900. С. 2.

зарубежных ученых, а также направления наиболее способных представителей русской молодежи для обучения или прохождения стажировки в европейские университеты. По возвращении они привносили в российскую университетскую среду не только солидную научную подготовку, но и новые идейные веяния. «В конце XVIII века, – отмечает шведский юрист Э. Аннерс, – многие представители русской интеллигенции обучались на знаменитых западноевропейских юридических факультетах. Некоторые из них после своего возвращения опубликовали работы по правоведению»¹⁹.

Как вспоминал выдающийся русский мыслитель Б. Н. Чичерин (1828–1904), «в каком-то поэтическом упоении знанием и мыслью возвращались молодые люди в отечество и сообщали слушателям одушевлявшие их идеалы, указывая им высшие цели для деятельности, зароняя в сердца их неутолимую жажду истины и пламенную любовь к свободе»²⁰.

Объективный анализ становления и развития русской естественно-правовой мысли дает основания для некоторых выводов. Прежде всего, следует иметь в виду, что ее формирование происходило в рамках проекта модернизации и европеизации страны, и потому ее история не может быть понята вне европейского контекста, вне общего хода западноевропейской естественно-правовой мысли. Причем социокультурная почва России оказалась весьма плодотворной для восприятия интеллектуального опыта Запада, для творческой интерпретации и оригинального развития естественно-правовых идей.

Начальный период развития русской правовой мысли не мог быть не чем иным, как ученическим усвоением европеизма. Это было время активной рецепции западной правовой науки, отмеченное ученическим следованием западной традиции. Разумеется, в подобной ситуации создавались трудности для развития отечественной научной мысли и собственных научных поисков. При этом важно иметь в виду, что конкретное своеобразие исторических условий России делало невозможным механическое воспроизведение теории естественного права.

Думается, что известное выделение в отечественной философской науке «философии в России» и «русской философии» вполне применимо и к характеристике отечественной философии права, в которой так же допустимо различие «естественно-правовой мысли в России» и собственно «русской естественно-правовой мысли». «Нам приходилось начинать с освоения плодов чужой работы, – признавал Н. М. Коркунов, – и нам прежде всего надо было подняться до уровня иноземной науки... Тем не менее в какие-нибудь полтора-два года мы почти успели наверстать отделявшую нас от западных юристов разницу в шесть с лишком столетий»²¹.

Как верно заметил в связи с этим известный американский исследователь А. Валицкий, «европейское Просвещение было хорошей школой правосознания, и русские учились в этой школе неплохо»²². Отвергая издавна бытующее среди западных исследователей мнение об отставании русской науки права, об отсутствии в ней значительных сочинений, выполненных в русле естественно-правовой теории, А. Валицкий напомнил, что «Александр Радищев был в действительности вдохновенным певцом права, правозаконности и охраняемой ею свободы личности. Культ Права – разумного законодательства и неотъемлемых прав личности был характерен и для других русских просветителей, наравне с просветителями Запада»²³.

По свидетельству профессора Г. С. Фельдштейна (1868 – после 1930), «наряду с преподаванием естественного права в юридической школе и переводной литературой, в половине XVIII в. начинают зарождаться, в качестве нового фактора научного развития, и полусамостоятельные опыты в этой области. В них авторы комбинируют по своему

¹⁹ Аннерс Э. История европейского права. М., 1994. С. 357.

²⁰ Чичерин Б. Н. Воспоминания. М., 2001. С. 37.

²¹ Коркунов Н. М. История философии права. СПб., 1908. С. 233.

²² Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX – начала XX века // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 28.

²³ Там же. С. 26–27.

выбору учения западных правоведов и снабжают их в виде иллюстраций примерами. С такой попыткой мы встречаемся в труде Владимира Золотницкого»²⁴. В отечественном правоведении эту работу можно считать первым опытом самостоятельного изложения теории естественного права²⁵. Согласно оценке Н. М. Коркунова, «автор основой всего естественного права признает правило: “познавай себя”, приводящее нас к сознанию зависимости нашей от Бога, от ближних и необходимости заботиться о собственном самосохранении»²⁶.

В первой четверти XIX в. появились первые труды русских правоведов, представлявшие собой попытки самостоятельной разработки естественно-правовой проблематики²⁷. Поэтому было бы ошибочно считать русских мыслителей XVIII в. заурядными компиляторами, механически воспринимавшими европейские доктрины.

Необходимо подчеркнуть, что русская естественно-правовая мысль имела свои характерные черты и особенности, которые не остались без внимания исследователей. «Сперва могло бы показаться, – писал выдающийся правовед, профессор П. И. Новгородцев (1866–1924), – что русская систематическая философия права, возникшая под эгидой университетов в прямом и непосредственном взаимодействии с западной наукой, сложилась более на европейский, на западнический лад. Но если посмотрим ближе и внимательнее, то и в этой систематической, университетски представленной философии права мы обнаружим те же своеобразно русские черты, следы влияния русской почвы и развития русского духа»²⁸.

Западное влияние, оставаясь постоянным фактором развития русской правовой науки, тем не менее нередко дополнялось в разумных пределах и сочетаниях национальными факторами, что придавало русской естественно-правовой мысли своеобразные черты.

Представители русской естественно-правовой мысли были сторонниками правозаконности и естественных прав человека, которые, по определению известного в свое время поэта и драматурга В. С. Филимонова (1787–1858), «суть верные стражи человеческого бытия, они как корень законодательства должны служить основанием для всех прочих прав, в гражданской жизни человеку свойственных»²⁹. Исходя из теории естественного права, с помощью разумного законодательства они надеялись разрешить насущные вопросы современности, ограничить произвол власти, добиться торжества законности. Общей чертой русских правоведов было отрицание обязывающего характера законов, противоречащих естественному праву и основанных только на силе. «Сила и право совершенно различны как в существе своем, так и в образе действия, – писал Д. И. Фонвизин (1745–1792). – Праву потребны достоинства, дарования, добродетели. Силе надобны тюрьмы, железо, топоры»³⁰. Основание всех законов русские мыслители видели в их соответствии естественному праву, т. е. праву, отвечающему самому «естеству» человека как духовно-нравственного существа. По их общему мнению, закон, если он «основания не имеет в естественности», как закон вообще не существует³¹.

Русскую естественно-правовую мысль XVIII в. отличало общественное, социальное толкование естественного права, согласно которому русские правоведы главным объектом своего внимания считали не права и интересы отдельного индивида, а общее благо народа.

Характерной чертой русских приверженцев естественного права в указанный период было стремление к критическому осмыслению достижений европейской философско-право-

²⁴ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2003. С. 77.

²⁵ Золотницкий В. Т. Сокращение естественного права, выбранное из разных авторов для пользы российского общества. СПб., 1764.

²⁶ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. С. 40.

²⁷ См., напр.: Наумов И. М. Начертание естественного права, принадлежащее к первой части практического правоведения для граждан. Ч. 1. М., 1808; Ч. 2. М., 1809; Филимонов В. С. Система естественного права. СПб., 1811; Чильев Е. С. Начертание права природного. СПб., 1812; Цветаев Л. А. Первые начала права естественного, изданные для руководства учащихся. М., 1816; Куницын А. П. Право естественное. Кн. 1–2. СПб., 1818–1820; и др.

²⁸ Новгородцев П. И. О своеобразных элементах русской философии права // История философии права. СПб., 1998. С. 517.

²⁹ Филимонов В. С. Система естественного права. СПб., 1811. С. 87.

³⁰ Фонвизин Д. И. Собр. соч. В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1959. С. 263.

³¹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 310.

вой мысли, к оригинальной трактовке положений естественно-правовой теории, исходя из своих социально-политических воззрений.

По свидетельству современного исследователя профессора Н. Я. Куприца, «само представление о естественном праве как выражении вечных и неизменных требований, с которыми должно считаться позитивное право, имело различные направления – от сочетания естественно-правовых идей с богословскими доводами и обоснованием абсолютизма (Ф. Прокопович) до революционного толкования этих идей и выступлений против монархии (А. Н. Радищев)»³².

Широкое внедрение естественно-правовых идей в русское общественное сознание, их доминирование в юридическом образовании, появление первых самостоятельных трудов русских правоведов, посвященных естественному праву как обособленному предмету исследования, попытки творческой интерпретации положений теории естественного права применительно к специфике российских условий, наличие в естественно-правовых воззрениях общих черт и отличительных особенностей можно рассматривать как убедительное свидетельство формирования в первой четверти XIX в. особого самостоятельного естественно-правового направления, которому в дальнейшем суждено будет сыграть заметную роль в истории отечественной науки права. интерпретации положений теории естественного права применительно к специфике российских условий, наличие в естественно-правовых воззрениях общих черт и отличительных особенностей можно рассматривать как убедительное свидетельство формирования в первой четверти XIX в. особого самостоятельного естественно-правового направления, которому в дальнейшем суждено будет сыграть заметную роль в истории отечественной науки права.

Аннотация. В статье исследуется история распространения теории естественного права в России в XVIII – первой четверти XIX в., анализируется процесс зарождения и эволюции отечественной естественно-правовой мысли, формирования самостоятельного естественно-правового направления в российском правоведении, раскрываются характерные черты и особенности отечественной естественно-правовой мысли.

Ключевые слова. Естественное право, теория естественного права, естественно-правовая мысль, генезис и эволюция российской естественно-правовой мысли, естественно-правовое понимание права, естественно-правовое направление в российской науке права.

Annotation. The article observes the history of the spread of the natural-justice theory in Russia in XVIII – the first quarter of XIX centuries. The process of appearance and evolution of the domestic natural law idea and the formation of an independent natural law direction in Russian jurisprudence are analyzed. The specific characteristics and features of the domestic natural law idea are represented in the research.

Keywords. Natural law, theory of natural law, natural law idea, genesis and evolution of Russian natural law idea, natural and legal understanding of the law, natural law direction in russian science of law.

³² Куприц Н. Я. У истоков юридического образования в России // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1979. № 6. С. 6.

ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СТИМУЛОВ И ОГРАНИЧЕНИЙ В ПРАВЕ

LEGAL RESTRICTIONS IN THE CONTEXT IN INCENTIVES AND RESTRICTIONS IN LAW

Право, выступая регулятором общественных отношений, призвано влиять на поведение субъектов, корректировать его в соответствии с определенными целями. Одни поступки правовые средства стимулируют, другие – ограничивают, оказывая при этом положительное воздействие либо отрицательное мотивационное воздействие на процесс удовлетворения тех или иных интересов личности, коллектива, государства, общества.

Проблема стимулирования социально полезного поведения является фундаментальной по своей теоретической и практической значимости. Актуализация правового стимулирования в значительной степени обусловлена практической потребностью России в формировании соответствующей социальной инфраструктуры, демократических традиций и механизмов в политической сфере, когда расширяется свобода выбора для человека, начала добровольности поведения¹. Хотелось бы особо подчеркнуть роль и назначение отечественных политико-правовых традиций, которые все чаще начинают о себе заявлять и играть все более активную роль в творческой жизни российского общества, обеспечивая такую правовую реальность, которая является желаемой для большинства наших граждан².

Однако правовое стимулирование нельзя полноценно рассматривать в отрыве от категории «правовые ограничения». Проблему стимулирования в праве некоторые исследователи решали без одновременного анализа проблемы ограничения как противоположной стороны мотивационного действия права. Этот методологический недостаток приводит к тому, что понятие «правовое стимулирование» необоснованно расширялось за счет понятия «правовое ограничение», правовые стимулы видели и в тех явлениях (запрет, обязанности и т. д.), которые на информационно-психологическом уровне к ним не относились.

Правовые стимулы должны разумно сочетаться с правовыми ограничениями, ведь для законодателя важно не только побуждать к социально полезному поведению, но и сдерживать поведение социально вредное, которое может причинить урон интересам общества, личности, коллектива, государства. Правовые ограничения ставят индивида в определенные рамки, сужают их возможности до юридически и социально требуемого состояния³.

Принцип сочетания стимулов и ограничений выявляется путем анализа конкретных мер регулятивного характера, которые использует законодатель, в частности, субъективных прав и юридических обязанностей. Идея сочетания прав и обязанностей получила закрепление в принятой ООН Всеобщей декларации прав человека 1948 г., провозглашающей, что «каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности», что осуществление прав и свобод гражданином требует «должного признания и уважения прав и свобод других, удовлетворения справедливых требований морали, общего порядка и благосостояния в демократическом обществе».

В Международном пакте о гражданских и политических правах также зафиксировано, что «отдельный человек имеет обязанности в отношении других людей и того коллектива,

© В. М. Реуф, 2015

¹ Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве (теоретико-информационный аспект): [Электронный ресурс]: Дис. ... докт. юрид. наук. 2007.

² Сальников В. П., Сальников М. В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 3. С. 1096–1099.

³ Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. 3-е изд., перераб. и доп. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & co KG 2011.

к которому он принадлежит». Исходя из этих общих положений, соответствующие государства закрепляют в своем законодательстве более развернутый перечень обязанностей применительно к конкретным условиям и национальным интересам. При этом речь, конечно, идет не только об обязанностях граждан, но и об обязанностях органов власти, должностных лиц, других субъектов⁴.

Субъективное право и юридическая обязанность не могут существовать в отрыве друг от друга. Праву одного лица всегда корреспондируют обязанности другого. Наличие у какого-то субъекта права предполагает возложение обязанности на конкретное лицо или неопределенный круг лиц. Вместе с тем, существование обязанности имеет смысл только тогда, когда у кого-то есть соответствующее право требовать ее исполнения.

А. В. Коновалов по данному поводу указывает: «Мы помним определение права как меры возможного поведения субъекта в общественных отношениях. Корреспондирует праву обязанность, я имею в виду субъективное право и субъективную обязанность, принадлежащую конкретному субъекту. Корреспондирует праву обязанность как мера должностного поведения. И такое сочетание прав и обязанностей, их баланс жизненно необходим»⁵.

Права человека и гражданина в Конституции РФ расписаны достаточно подробно, чего нельзя сказать об обязанностях. Примечательно, что глава 2 Конституции называется «Права и свободы человека и гражданина»; упоминание же об обязанностях в названии главы отсутствует.

В Конституции РФ предусмотрены следующие обязанности:

- обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2);
- обязанность органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, граждан и их объединений соблюдать Конституцию РФ и законы (ч. 2 ст. 15);
- обязанность каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры (ч. 3 ст. 44);
- обязанность каждого платить законно установленные налоги и сборы (ст. 57);
- обязанность каждого сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам (ст. 58);
- обязанность защищать Отечество (ч. 1 ст. 59);
- обязанность родителей заботиться о детях и воспитывать их (ч. 2 ст. 38);
- обязанность трудоспособных детей, достигших 18 лет, заботиться о нетрудоспособных родителях (ч. 3 ст. 38).

В международных актах, а также в конституциях развитых государств перечень обязанностей гораздо обширнее⁶. Налицо отступление российского законодателя от общепринятых международных стандартов в этой области и, следовательно, повод лишний раз напомнить о несовершенстве нашей Конституции.

Установленные Конституцией РФ основные права и свободы могут быть реализованы только путем возложения соответствующих обязанностей на определенных субъектов. В первую очередь, это касается самого государства, которое в ст. 2 Конституции РФ приняло на себя обязательства по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина. Однако обеспечение прав личности не является исключительной прерогативой федеральных органов. Сегодня ответственность за выполнение обязательств в сфере прав человека и гражданина в значительной мере ложится на органы государственной власти субъектов Российской Федерации. Так, в п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ записано, что

⁴ Матузов Н. И. Юридические обязанности личности // Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 2003.

⁵ Лекция министра юстиции Российской Федерации А. В. Коновалова. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 г. М.: Издание Государственной Думы, 2013. С. 50.

⁶ Романовская В. Б. Постановления Европейского суда по правам человека: юридическая характеристика // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Право. 2008. № 2. С. 210–213.

в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов находится «защита прав и свобод человека и гражданина».

Анализируя нормативно-правовые акты, можно выявить любопытную, на наш взгляд, деталь: законодатель не всегда может точно определиться в вопросе о том, имеет ли он дело с правом или с обязанностью, не всегда у него получается их разделить. Так, в ч. 5 ст. 32 Конституции РФ предусмотрено, что «граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия». Такое участие возможно в разных формах, в частности, в качестве присяжного или арбитражного заседателя.

Точно такая же норма содержится и в п. 1 ст. 8 Федерального конституционного закона РФ «О судебной системе Российской Федерации»⁷. А уже в п. 2 ст. 8 того же Закона говорится буквально следующее: «Участие присяжных, народных и арбитражных заседателей в осуществлении правосудия является *гражданским долгом*» (выделено мною. – В. Р.). Конституционное право гражданина неожиданно обернулось его гражданским долгом, а по сути, обязанностью. Указанное противоречие только подтверждает справедливость высказанной ранее мысли о тесной взаимосвязи и неразрывности прав и обязанностей.

Эксперты сходятся в том, что в ситуациях модернизации нынешнего российского общества список конституционных обязанностей человека нужно увеличить и привести в более или менее слаженное соотношение с перечнем прав. Более значимые обязанности, обладающие масштабной социальной ролью, разумно зафиксировать, прежде всего, в конституции государства, для того чтобы граждане как можно лучше их знали и неукоснительно придерживались.

Подобным образом принцип сочетания прав и обязанностей признан в международном праве и отображен в главных международных актах, о которых мы рассказывали выше. Концепция сбалансированного баланса субъективных прав и юридических обязанностей человека дает нужную стойкость государственной системе права, гармонизирует ее, гарантирует эффективность законных норм и в конечном счете увеличивает результативность правового регулирования. В нынешнем обществе принцип сочетания прав и обязанностей со временем получил вид общего, многоцелевого, общепринятого правового начала.

Это не значит, что все вопросы в данной общественной сфере мы давно уже решили. Нет, конечно. Продолжает оставаться острой проблема правозащитной деятельности. В лекции, прочитанной в Государственной Думе РФ, заместитель Генерального прокурора России С. Г. Кехлеров говорил о том, что лишь в 2012 г. прокурорами было выявлено «около 3 миллионов случаев нарушений прав и свобод человека и гражданина». Для защиты их в суд было направлено свыше 750 тысяч исков на общую сумму 12 млрд рублей. Это было связано с защитой прав в сфере трудовых и жилищных отношений, в области здравоохранения, касалось прав потребителей, пенсионеров, вопросов обеспечения других конституционных гарантий.

К сожалению, количество граждан, обращающихся за защитой своих прав, ежегодно не сокращается, а увеличивается. По информации С. Г. Кехлерова, в 2012 г. только в адрес прокуратуры поступило более 3 млн 600 тысяч обращений⁸.

Защита трудовых прав граждан всегда была и остается приоритетным направлением деятельности демократического государства и его органов. Если вспомнить Россию 5–10 лет назад, то наблюдались массовые злоупотребления работодателей, в том числе связанные с невыплатой заработной платы. Все это увеличивало социальную напряженность, влекло массовые протесты и выступления трудящихся. И только благодаря деятельности по реализации комплекса организационных и правовых мер со стороны органов государственной власти ситуацию удалось в целом стабилизировать. Среди этих мер использовалось в том числе и сочетание таких основополагающих правовых идей, как стимулы и ограничения⁹.

⁷ ФКЗ Российской Федерации от 31 декабря 1996 г. № 1-Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

⁸ Лекция заместителя Генерального прокурора Российской Федерации С. Г. Кехлерова. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет. С. 137.

⁹ Вихров А. А., Сальников В. П., Белозеров Б. П. Правоохранительная служба органов внутренних дел в механизме обеспечения охраны труда // Проблемы обеспечения реализации и защита прав, сво-

Обратим внимание на заключительную фразу прокурора. Там тоже понимают и видят то, что далеко не все принимаемые у нас законы совершенны. Поэтому при решении всех проблем, связанных с правами и свободами человека и гражданина¹⁰, в том числе и при разработке, обсуждении и принятии нормативно-правовых актов, необходимо помнить о такой основополагающей правовой идее, как сочетание стимулов и ограничений.

Важно понимать необходимость обеспечения оправданного баланса стимулов и ограничений; правильное сочетание двух этих сторон одной медали исключительно важно, их невозможно переоценить.

Также необходимо в отношениях власти и субъекта правовых отношений поощрение, стимулирование законопослушного поведения и, напротив, адекватные санкции за противоправное поведение. Такой баланс отношений «является важным залогом реализации законодательства в целом и Конституции как основного закона в частности».

Аннотация. В статье на основе тщательного изучения содержания действующей Конституции Российской Федерации анализируются стимулы и ограничения как основополагающие правовые идеи функционирования человека в правовом пространстве общества. Подчеркивается, что проблема стимулирования социально полезного поведения является фундаментальной по своей теоретической и практической значимости. Однако правовые стимулы должны разумно сочетаться с правовыми ограничениями, ведь для законодателя важно не только побуждать к социально полезному поведению, но и сдерживать поведение социально вредное, которое может причинить урон интересам общества, личности, коллектива, государства.

Ключевые слова. Основополагающие правовые идеи, Конституция, гражданское общество, правовое государство, права и свободы человека и гражданина, политико-правовые ценности, стимулы, ограничения, правотворческая деятельность.

Annotation. In the article the incentives and restrictions are examined as a fundamental legal ideas of human functioning in the legal sphere of society on the basis of nuanced studying of the contents of the current Constitution of the Russian Federation. It is emphasized that the problem of encouraging socially beneficial behavior is fundamental in its theoretical and practical significance. However, the legal incentives should reasonably be combined with legal restrictions, because the legislator is not only important to promote socially beneficial behavior, but also to restrain socially harmful behavior, which may cause damage to the social interests, the individual, community and the state.

Keywords. Fundamental legal ideas, Constitution, civil society, legal state, the rights and freedoms of man and citizen, political and legal values, incentives, restrictive, legislative activity.

бод и законных интересов субъектов семейных правоотношений: Матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2008 г. / Под общ. ред. П. П. Глушенко, Б. П. Белозерова. СПб.: Санкт-Петербургская академия управления и экономики, 2008. С. 98–104.

¹⁰ Сальников В. П., Цмай В. В. Современная защита прав человека // Правоведение. 1999. № 1. С. 82.

Е. М. Андреева
E. M. Andreeva

**ПРАВОВЫЕ И ФИНАНСОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЛЕГИРОВАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ**

**LEGAL AND FINANCIAL FRAMEWORK OF DELEGATION
OF STATE POWERS**

Прием делегирования широко используется в различных государствах и даже отраслях права. Заключается он в передаче исполнения части полномочий другим лицам на срочной основе¹. В административном праве его применяют при делегировании государственно-властных полномочий государственным органам, органам иностранных государств, органам власти другого уровня, отдельным организациям². Правовая наука выработала принципы, особенности, порядок такой передачи. Можно утверждать, что совокупность норм, регулирующих отношения по делегированию отдельных государственных полномочий, формирует отдельный правовой институт. Предметом настоящей статьи является анализ элементов передачи государственных полномочий публично-правовым образованиям другого уровня.

Институт делегирования известен со времен римского права. Делегирование (от лат. *delegare* – «возлагать, передавать») понималось как поручение части полномочий от носителя первичных прав – делеганта (делегатора) лицу, принимающему данные полномочия, – делегату³. Передача отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления широко практикуется конституционными моделями большинства стран – Франции, Италии, Испании, Бельгии, России и др.⁴ Аналогично происходит между федеральным центром и региональными властями иностранных государств. К. А. Пивоваров указывает, что в современной практике государственного строительства делегирование широко используется как способ перераспределения полномочий между субъектами публичного права (например, между органами, принадлежащими разным ветвям государственной власти), между субъектами международного права (например, передача государственно-властных полномочий межгосударственному объединению)⁵.

© Е. М. Андреева, 2015

¹ В Современном экономическом словаре делегирование полномочий определено аналогичным образом, как передача полномочий другому лицу. Применяется обычно как средство децентрализации управления (делегирующие полномочия подчиненным со стороны руководителя) (*Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б.* Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 1999. С. 189).

² *Губарева А. В.* Делегирование государственно-властных полномочий и внешнеэкономический надзор как приемы правового регулирования внешнеэкономического права // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 3. С. 9–12.

³ *Пивоваров К. А.* Делегирование государственных полномочий местным органам власти: зарубежный опыт // Сибирский юридический вестник. 2002. № 1.

⁴ *Ковалева Т. К.* Наделение отдельными государственными полномочиями органов местного самоуправления: американская модель // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 11. С. 73–74.

⁵ *Пивоваров К. А.* Делегирование государственных полномочий местным органам власти: зарубежный опыт.

Что касается терминологии, то в юридической науке и в законодательстве наравне используются три термина: «делеги́рование», «наделе́ние» и «переда́ча». При этом вопросы об их взаимном соответствии и установлении понятия, наиболее точно отражающего рассматриваемое явление, носят дискуссионный характер⁶. В Конституции Российской Федерации говорится как о передаче, так и о наделении государственными полномочиями других органов (ст. 78, 79, 132)⁷. Термин «делеги́рование» не применяется. Вторя Конституции, иные нормативные правовые акты, за незначительным исключением, используют словосочетание «передача полномочий».

Автор отдает предпочтение термину «делеги́рование полномочий», при этом признает возможность использования понятий «передача» и «наделение» как тождественных, но с оговоркой об отзывном характере полномочий. То же самое касается слов «возложение» и «закрепление»⁸.

В Российской Федерации данный правовой институт широко используется с 90-х годов XX в. Взаимное делегирование полномочий было предусмотрено Федеративным договором от 31 марта 1992 г. о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации, краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга, автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации⁹.

Понятие «делеги́рование полномочий» в современном законодательстве не раскрывается. Н. А. Игнатюк, А. В. Павлушкин под делегированием понимают форму передачи определенных полномочий органа власти или управления (должностного лица) другому органу власти, управления или органу местного самоуправления¹⁰. К этому определению добавим срочный характер с правом отзыва предоставленных полномочий, а также возмездный характер их исполнения.

К задачам рассматриваемого механизма относят следующие:

- оптимизация и повышение эффективности государственного управления;
- учет местных условий, что повлияет на правильность принятых решений;
- экономия бюджетных средств;
- единообразное осуществление государственных полномочий на всей территории страны;
- децентрализация власти;
- разгрузка центральных органов управления;
- сближение государства с гражданским обществом, обеспечение участия населения в осуществлении властных полномочий, политическом процессе;
- оперативное реагирование на необходимость совершенствования современного федерализма.

Большинство авторов, если и высказывают критические замечания к рассматриваемому правовому институту, относятся к нему как к неизбежному и целесообразному явлению. Как пишет А. С. Чепрасов, посредством делегирования обеспечивается создание единой исполнительной вертикали на всех пространственных уровнях государственной власти посредством организационного и функционального переплетения федеральных и региональных органов исполнительной власти. Более того, данная вертикаль взаимодействует и с исполнительно-распорядительными органами местного самоуправления, например, посредством наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями¹¹. Однако есть мнение, что перераспределение законодательных полномочий

⁶ Так, данной проблематике посвящены работы следующих авторов: Л. Т. Жанузакова, Р. И. Загидуллин, Н. А. Игнатюк, Б. М. Лазарев, И. А. Кривых, В. С. Мокрый, А. Н. Сагиндыкова, М. С. Чакалова, А. В. Чекрызов.

⁷ СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

⁸ Загидуллин Р. И. Наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями: проблемы понятийного аппарата // Российский юридический журнал. 2010. № 5. С. 125–131.

⁹ Федеративный договор: Документы. Комментарий. М., 1994.

¹⁰ Игнатюк Н. А., Павлушкин А. В. Муниципальное право. Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2009. С. 319.

¹¹ Чепрасов К. В. Административная реформа и территориальные органы федеральных органов исполнительной власти России // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 51–54.

при определенных обстоятельствах может создавать условия для некоторого доминирования правительства, разрушения системы сдержек и противовесов, искажения принципа разделения властей¹².

Обзор нормативных правовых актов о делегировании полномочий следует начать с Конституции Российской Федерации. Так, в п. 2 и 3 ст. 78 предусмотрена возможность взаимной передачи части полномочий федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. О делегировании государственных полномочий публично-правовым образованиям как таковым не упоминается. Порядок передачи государственных полномочий на муниципальный уровень урегулирован в Основном законе более подробно. В п. 2 ст. 132 Конституции установлено, что органы местного самоуправления могут наделяться отдельными государственными полномочиями с передачей необходимых для их осуществления материальных и финансовых средств. Примечательно, что формой делегирования в первом случае определено соглашение, а во втором – закон. В Конституции не говорится о сроках исполнения полномочий.

Наиболее значимыми федеральными законами в рассматриваемой сфере являются законы от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (далее – Закон № 184-ФЗ) и от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Закон № 131-ФЗ)¹³.

Закон № 184-ФЗ разделяет отношения по передаче государственных полномочий от Российской Федерации субъектам РФ, регулируя их п. 6 ст. 26.3 закона, и отношения по передаче исполнительным органам государственной власти субъекта Российской Федерации части полномочий федеральных органов исполнительной власти (ст. 26.8).

В первой статье определено, что полномочия Российской Федерации по предметам ведения Российской Федерации, а также по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (за исключением тех, что исполняются субъектами РФ самостоятельно) могут передаваться для осуществления органам государственной власти субъектов Российской Федерации федеральными законами. В Законе № 184-ФЗ перечислены положения, которые должны и (или) могут содержать такие федеральные законы. В частности, они должны определять способ (методику) и (или) федеральные стандарты расчета нормативов для определения общего объема субвенций для осуществления соответствующих полномочий.

Передача исполнительным органам государственной власти субъекта Российской Федерации части полномочий федеральных органов исполнительной власти и наоборот (далее – исполнительно-распорядительные полномочия) допускается, если это не противоречит Конституции Российской Федерации, иным федеральным законам и осуществление части полномочий не может быть возложено федеральным законом в равной мере на исполнительные органы государственной власти субъекта РФ. Условия и порядок передачи исполнительно-распорядительных полномочий, в том числе порядок их финансирования, срок, ответственность участников, основания и порядок прекращения, иные вопросы отданы на откуп соглашения, заключаемого между его сторонами (ст. 16.8 Закона № 184-ФЗ). Порядок заключения и вступления в силу соглашений между федеральными органами исполнительной власти и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации о передаче ими друг другу осуществления части своих полномочий установлены Постановлением Правительства РФ от 8 декабря 2008 г. № 924¹⁴.

С 1 января 2007 г. в Закон № 184-ФЗ введена поправка, согласно которой делегированные федеральные полномочия могут передаваться законами субъекта РФ для исполнения органам местного самоуправления, если такое право предоставлено

¹² Аксенович О. А. Понятие и современное значение делегированного законодательства // Общество и право. 2009. № 5. С. 80–86.

¹³ СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005; 2003. № 40. Ст. 3822.

¹⁴ Там же. 2008. № 50. Ст. 5953.

федеральными законами, предусматривающими передачу соответствующих полномочий. В юридической литературе этот механизм обозначен термином «субделегирование»¹⁵. В п. 6 ст. 26.3 анализируемого закона указывается, что в порядке, определенном федеральным законом, устанавливающим общие принципы организации местного самоуправления, органы местного самоуправления могут наделяться (за некоторым исключением) также отдельными государственными полномочиями субъекта Российской Федерации.

Законом № 131-ФЗ об общих принципах организации местного самоуправления механизм делегирования муниципалитетам государственных полномочий как Российской Федерации, так и субъектов Российской Федерации регламентирован более подробно (ст. 19–21 главы 4). Определено, что органы местного самоуправления могут наделяться отдельными государственными полномочиями на неограниченный срок либо, если данные полномочия имеют определенный срок действия, – на срок действия этих полномочий. Финансовое обеспечение осуществляется за счет предоставляемых местным бюджетам субвенций из соответствующих бюджетов. В ст. 21 Федерального закона № 131-ФЗ регламентированы обязанности субъектов РФ по осуществлению государственного контроля за деятельностью органов местного самоуправления в данной области.

Кроме проанализированных документов, к нормативным источникам правового регулирования необходимо отнести законы, которыми непосредственно зафиксировано делегирование полномочий (далее – законы о делегировании полномочий). Передача полномочий – процесс динамичный. Ежегодно список передаваемых полномочий уточняется и пересматривается. По состоянию на март 2015 г. количество федеральных законов о делегировании полномочий составляет 28. Двумя законами федеральными полномочиями наделены непосредственно органы местного самоуправления: это законы от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (ст. 18)¹⁶ и от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»¹⁷. В остальной части федеральные мандаты отданы регионам с правом субделегирования (12 федеральных законов) либо без такового (14 федеральных законов). Чаще всего субпередача муниципалитетам исполнения государственных полномочий допускается в области социальной защиты населения. Количество субъектов Российской Федерации, использующих данную практику, высоко. По анализу, проведенному О. И. Баженовой, в 2006 г. это 65, 2007 г. – 70, 2008 г. – 70, в 2009 г. – 68 субъектов Российской Федерации. Предпринятые в 2010–2011 гг. попытки регионов уйти от этой практики не принесли ожидаемых результатов: после кратковременного сужения (2010 г. – 19, 2011 г. – 15 субъектов Российской Федерации) произошло ее «обратное» расширение до уровня прошлых лет: 2012 г. – 68 субъектов Российской Федерации. Широко распространенной (68 субъектов Российской Федерации) остается и практика делегирования муниципальным образованиям полномочий по опеке и попечительству¹⁸. Соответственно, нормативная база увеличивается в разы за счет регионального законодательства о субделегировании. Кроме того, к источникам рассматриваемого правового института относится субвенционное законодательство.

Остановимся на основных элементах делегирования государственных полномочий. Предметом данных отношений могут являться: 1) исключительные полномочия Российской Федерации; 2) полномочия по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, не предусмотренным для осуществления органами государственной власти субъектов Российской Федерации за счет своих бюджетов;

¹⁵ См., напр.: *Мадьярова А. В.* Передача субъектами Российской Федерации делегированных им федеральных полномочий органам местного самоуправления // *Муниципальная служба: правовые вопросы*. 2008. № 3; *Мишин А. А.* Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Учебник для вузов. 14-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2008.

¹⁶ СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

¹⁷ Там же. 2004. № 34. Ст. 3528.

¹⁸ *Баженова О. И.* К проблеме наделения муниципальных образований полномочиями в сфере социальной поддержки и социального обслуживания граждан // *Конституционное и муниципальное право*. 2014. № 7. С. 62–68.

3) полномочия по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, предусмотренным для осуществления органами государственной власти субъектов Российской Федерации за счет своих бюджетов; 4) собственные полномочия субъектов Российской Федерации; 5) исполнительно-распорядительные полномочия федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Федерации. Как следует из п. 6 ст. 26.3 Закона № 184-ФЗ, собственные полномочия субъект Российской Федерации передавать органам местного самоуправления не вправе.

Правовыми формами делегирования признаны закон (в случае наделения государственными полномочиями муниципальные образования) и закон или соглашение (при передаче полномочий между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации). Автор столкнулся с принципиальным вопросом, возможно ли признать передачу исполнительно-распорядительных полномочий одним из видов делегирования государственных полномочий публично-правовому образованию либо это отдельный правовой механизм? В пользу первого мнения можно привести следующие аргументы: органы исполнительной власти входят в структуру органов власти известного публично-правового образования, их полномочия являются государственными полномочиями (либо РФ, либо субъекта РФ). Вторая точка зрения также имеет право на существование, поскольку нормативное регулирование рассматриваемых правовых явлений предусмотрено разными статьями Закона № 184-ФЗ; отличаются форма, условия передачи полномочий, в том числе порядок их финансирования. Тем не менее автор склоняется к первой точке зрения.

Делегирование в обязательном порядке обеспечивается материальными и финансовыми ресурсами стороны, передающей полномочия. В качестве общего способа финансирования избран такой вид межбюджетных трансфертов, как субвенции. Примечательно, что другие формы финансирования исполнения муниципальными образованиями государственных полномочий, например, закрепление за местными бюджетами сборов, государственных пошлин и прочих поступлений от оказания государственных услуг, не допускаются. Обеспечение отдельных полномочий, исполняемых субъектами РФ, может осуществляться также за счет зачисляемой в бюджеты субъектов Российской Федерации государственной пошлины, связанной с осуществлением данных полномочий. Вопрос о вариантах финансирования исполнения полномочий на основании соглашений законом не решен. Законодатель предлагает регулировать денежные отношения в соответствующих соглашениях. В качестве права предусмотрена возможность органов, исполняющих полномочия, дополнительно использовать собственные материальные ресурсы и финансовые средства для осуществления переданных им полномочий. Однако на практике публично-правовые образования пользуются им весьма неохотно.

Как уже было сказано выше, делегирование предполагает срочный характер, при этом неопределенный срок также следует признать сроком. В большинстве нормативных правовых актов о передаче полномочий период их осуществления не оговорен, тем не менее есть исключения. Так, полномочия Российской Федерации по управлению и распоряжению некоторыми земельными участками, иными объектами недвижимого имущества были «доверены» органам государственной власти субъектов Российской Федерации на один год в целях жилищного строительства и полтора года в целях создания и размещения жилищных объектов (ст. 13 Федерального закона от 24 июля 2008 г. № 161-ФЗ «О содействии развитию жилищного строительства»)¹⁹.

В связи с этим интересен момент, когда государственные полномочия считаются переданными. В п. 7 ст. 26.3 Закона № 184-ФЗ и п. 7 ст. 19 Закона № 131-ФЗ содержались похожие нормы, согласно которым положения законов, предполагающие делегирование отдельных государственных полномочий, вводятся в действие ежегодно соответствующим законом о бюджете при условии, если в нем предусмотрено предоставление субвенций на осуществление указанных полномочий. Следовательно, для возникновения обязанности по выполнению полномочий нужен был сложный юридический состав – сам факт передачи,

¹⁹ СЗ РФ. 2008. № 30 (ч. 2). Ст. 3617.

оговоренный в соответствующем законе, и введение его в действие законом о бюджете, «если в нем предусмотрено предоставление субвенций». Последняя фраза вызывает неопределенность в случае, если субвенции не предусмотрены в бюджете, но должны были быть предусмотрены. В мае 2013 г. Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 104-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием бюджетного процесса» приведенная норма была исключена из Закона № 184-ФЗ²⁰. Взамен законодателем ничего предложено не было. В пояснительной записке к законопроекту в качестве обоснования коротко сказано, что «введение в действие положений указанных федеральных законов и нормативных правовых актов не является предметом федерального закона о федеральном бюджете»²¹. Если проблема в неподведомственности данного вопроса закону о бюджете, непонятно, почему указанный пункт сохранен в Законе о местном самоуправлении.

Автор в своих публикациях отмечал неудачность данной нормы, акцентируя внимание на недопустимости выполнения переданных полномочий ставить в зависимость от их бесперебойного финансирования. Можно предположить, что это приведет к нестабильности оказания государственных услуг их конечным потребителям – гражданам. На наш взгляд, должны использоваться другие способы гарантированного финансирования, в частности, закрепление права требовать компенсации соответствующих расходов в судебном порядке.

Таким образом, в настоящее время у муниципальных образований обязанность по осуществлению «чужих» полномочий возникает с момента введения в действия законов о делегировании законом о бюджете «передающей» стороны. Ввиду отсутствия прямой нормы о том же в отношении субъектов РФ, очевидно, должен сработать общий принцип о вступлении в силу федеральных законов. Как правило, они вводятся в действие либо со дня опубликования, либо спустя непродолжительное время. Такой подход вызывает существенные возражения. На наш взгляд, исполнению полномочий должен предшествовать подготовительный период (этап), который не может являться предметом индивидуальных решений, а должен быть учрежден законодательно. Это позволит «передающей» стороне своевременно принять подзаконные нормативные акты, учесть материальные и финансовые аспекты делегирования, а «принимающей стороне» организовать работу по исполнению новых обязанностей (создать рабочие места, принять на работу персонал, обучить сотрудников и пр.). Кроме того, процесс формирования бюджетных расходов занимает длительное время. Так, согласно ст. 184 Бюджетного кодекса Российской Федерации порядок и сроки составления проекта федерального бюджета и проектов бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации устанавливаются Правительством РФ. Согласно п. 17, 22 названного порядка, утв. Постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2007 г. № 1010, субъекты бюджетного планирования до 1 мая текущего финансового года должны направить в Министерство экономического развития и Министерство финансов Российской Федерации предложения по изменению объема и (или) структуры расходных обязательств Российской Федерации на очередной финансовый год, а до 20 июня текущего финансового года согласовать с Минфином проекты методик распределения субвенций между бюджетами субъектов РФ²². Кроме того, для межбюджетных трансфертов предусмотрен сложный поэтапный механизм их распределения, перечисления и учета²³.

Исходя из приведенных доводов, а также учитывая необходимость своевременного формирования реестра расходных обязательств, автор предлагает дополнить п. 7 ст. 26.3

²⁰ Там же. 2013. № 19. Ст. 2331.

²¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части совершенствования бюджетного процесса и в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Внесен Комитетом Государственной Думы по бюджету и налогам 25.07.2012 // Официальный сайт Государственной Думы РФ // www.duma.gov.ru. Дата обращения 02.03.2015.

²² СЗ РФ. 2008. № 4. Ст. 263.

²³ Андреева Е. М. Субвенционная система Российской Федерации: анализ правовых и экономических отношений. Монография. 2012.

Закона № 184-ФЗ положением: «Федеральные законы о передаче полномочий должны содержать положения о вступлении в силу указанных федеральных законов не ранее восьми месяцев с начала очередного финансового года». Аналогичную норму следует включить в ст. 19 Закона № 131-ФЗ о федеральных законах и законах субъекта РФ.

Подводя итог, выделим главные мысли. Термин «делегирование» для обозначения рассматриваемых отношений должен иметь приоритет перед терминами «передача» и «наделение». Основными нормативными документами, регламентирующими процесс делегирования государственных полномочий, являются Конституция Российской Федерации, федеральные законы, определяющие правовой статус публично-правовых образований (Закон 184-ФЗ и Закон № 131-ФЗ), а по финансовым вопросам – Бюджетный кодекс Российской Федерации. В качестве форм финансирования законодатель выделяет субвенции, а также зачисляемую в бюджеты субъектов Российской Федерации государственную пошлину, связанную с осуществлением данных полномочий. Для укрепления стабильности механизма делегирования, повышения эффективности предлагается закрепить в законодательстве как минимум восьмимесячный подготовительный период, предшествующий началу исполнения переданных полномочий. Автор критически относится к положению законодательства о введении в действие законов о делегировании соответствующим законом о бюджете и предлагает иные способы гарантированного финансирования, в частности, регламентировать право «принимающей» стороны в судебном порядке требовать компенсации понесенных на исполнение государственных полномочий затрат.

Аннотация. Данная статья посвящена анализу правовых и финансовых основ делегирования полномочий Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Автором рассматривается законодательство о делегировании, а также раскрываются способы финансирования передаваемых полномочий, выявляются дискуссионные вопросы.

Ключевые слова. Бюджет, финансирование делегированных полномочий, межбюджетные трансферты, субвенции, Бюджетный кодекс Российской Федерации, предмет ведения, предмет исключительного федерального ведения, предметы совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, государственные финансы, субвенции.

Annotation. This article analyzes the legal and financial framework of delegation of the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation. The author considers legislation of the delegation, as well as disclose methods of financing transmitted powers, revealed discussion questions.

Keywords. Budget, financing of the delegated powers, interbudgetary transfers, subventions, uniform subvention, Budget Code of Russian Federation, conducting subject; a subject of exclusive federal conducting; subjects of joint conducting the Russian Federation and its constituent entities, state finances, subventions.

А. С. Верхогляд
A. S. Verkhoglyad

ДИНАМИКА ПРАВОВОГО СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ И ЧЛЕНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА (1906–1917 гг.)

DYNAMICS OF THE LEGAL STATUS OF STATE DUMA AND MEMBERS OF THE STATE COUNCIL (1906–1917)

Характеристика динамики правового статуса депутатов Государственной Думы и членов Государственного совета в 1906–1917 гг. требует определения его изменений в контексте политико-правовой ситуации одного из самых сложных периодов истории российского парламентаризма и сопоставления статуса депутатов нижней палаты российского парламента – Государственной Думы имперского периода со статусом членов верхней палаты – Государственного совета.

Систему нормативных актов, определивших правовой статус депутатов Государственной Думы и членов Государственного совета Российской империи, составляют: глава X «О Государственном Совете и Государственной Думе и образе их действий» Свода Основных Государственных Законов Российской империи, содержащая ряд основных норм о статусе депутатов Госдумы и членов Госсовета; Учреждение Государственной Думы, Учреждение Государственного Совета и Приложения к некоторым статьям названных учреждений. К системе этих документов относится также акт, выполнявший функцию регламента Государственной Думы – Наказ.

Государственный совет как законосовещательный государственный орган, координирующий всю законодательную деятельность Российской империи и выполняющий совещательную функцию при императоре, был создан 1 января 1810 г. В период своей деятельности данный орган неоднократно реорганизовывался, что приводило к изменениям его полномочий, а в 1906 г. – его главной функции, принципов и порядка формирования. Порядок формирования Госсовета в 1810–1906 гг. предусматривал традиционную для совещательных органов монархий схему единоличного назначения всех его членов императором. Должность члена Государственного совета была пожизненной, специальные процедуры принятия решения о включении в состав данного органа отсутствовали. Этот порядок был изменен в ходе реформ 1905–1906 гг. на порядок, обеспечивавший возможность взаимодействия Госсовета с избираемой Государственной Думой. Порядок формирования Госсовета в 1906–1917 гг. предусматривал смешанную схему, в равных частях из членов, назначаемых императором, и избираемых представителями сословно-профессиональных групп: православные священнослужители; должностные лица земств; дворяне; представители академической науки и преподаватели университетов; предприниматели (промышленники и торговцы). Государственная Дума, как представительный орган государственной власти, состоящий из избираемых депутатов, была учреждена подписанными Николаем II 6 августа 1905 г. Манифестом, Учреждением Государственной Думы.

Условия приобретения статуса депутата Государственной Думы определялись системой избирательных цензов. Об этом свидетельствует п. 2 ст. 18 «Учреждения Государственной Думы», установивший, что депутат выбывает из состава Думы в случае утраты ценза, дающего право на участие в выборах¹. Анализ избирательного законодательства позволяет сделать вывод, что условиями приобретения статуса депутата Госдумы являлись цензы, установленные для реализации активного избирательного права, поскольку выборщики в избирательных собраниях имели право избирать депутатов из своей среды.

К избирательным цензам относились: возрастной (избирательные права получали лица, достигшие 25 лет); гендерный (правом избирать и быть избранными наделялись мужчины); оседлости (к выборам не допускались «бродячие инородцы»); отношения к образовательному процессу (не получали избирательных прав учащиеся); отношения к действительной военной службе (не наделялись избирательными правами состоящие на ней); подданства (исключались из участия в выборах иностранные подданные); морально-этический (не допускались к участию в выборах наказанные в судебном порядке за ряд преступлений, лишенные духовного сана и исключенные из сословных обществ, и др.); имущественный. Динамика была характерна главным образом для имущественного ценза, который был изменен в 1907 г. в пользу крупных собственников. По нашему мнению, можно выделить лишь один дополнительный к цензам активного избирательного права ценз осуществления пассивного избирательного права – ценз знания государственного языка: депутатами не могли избираться лица, не знающие русского языка.

Вопрос о моменте приобретения полномочий депутатами Госдумы не был однозначно решен в нормативных актах, что определялось особой процедурой подтверждения полномочий, осуществляемой каждым составом Госдумы после ее избрания. Эта процедура была длительной, в связи с чем органы управления Госдумы начинали формироваться, во избежание затягивания начала законотворческой деятельности, еще до проверки законности избрания всех депутатов. По итогам проверки депутат мог быть лишен статуса, т. е. выведен из состава Государственной Думы. При этом в соответствии с § 17 Наказа II Государственной Думы до постановления Госдумы об отмене выборов в силу их неправильности избранные в тех выборах лица сохраняли право участия в заседаниях со всеми принадлежащими члену Госдумы правами². В Наказе же I Государственной Думы (1906 г.) для депутатов, в отношении которых возникли сомнения в правомерности избрания и проводилась проверка, вводилось ограничение полномочий: они не имели права вносить законодательные предложения. Уже II Дума отказалась от данной нормы, что свидетельствует о динамике статуса депутата, направленной на улучшение условий для осуществления депутатом своих полномочий.

Для депутатов Государственной Думы была предусмотрена еще одна процедура, анализ которой может помочь в ответе на вопрос о моменте наделения полномочиями. Депутаты, как и члены Государственного совета, при вступлении в должность подтверждали свои будущие обязательства по добросовестному исполнению обязанностей. Для должностных лиц Российской империи, в том числе выборных, присяга была традиционным символическим актом, обязательным в процессе наделения полномочиями. Депутаты Государственной Думы подписывали документ, называемый «Торжественное обещание»³. Члены Государственного совета, также вне какой-либо торжественной процедуры, подписывали документ, официально называемый присягой. Из изложенного очевиден вывод о том, что первое заседание палаты, на котором происходило подписание «Торжественного обещания» и присяги, являлось для депутатов Госдумы и членов Государственного совета моментом приобретения полномочий.

В настоящее время депутаты Государственной Думы РФ и члены Совета Федерации при вступлении в должность не приносят присягу и не выполняют каких-либо других символических действий. Момент наделения полномочиями депутатов современной Госдумы определен федеральным законодательством и отнесен ко дню избрания. Подобная определенность является возможной в результате того, что в настоящее время правомерность избрания депутата устанавливается не самой Государственной Думой, а уполномоченным органом – избирательной комиссией, и это происходит до начала работы Госдумы как законодательного органа. Для членов верхней палаты – Совета Федерации порядок установления сроков начала и окончания полномочий определен федеральным законодательством. При этом с учетом такой особенности, как избрание членов Совета Федерации законодательными органами субъектов федерации в разное время, момент наделения полномочиями

² Наказ Государственной Думы (по работам 2-й Государственной Думы) с объяснениями / сост. В. А. Маклаков и О. Я. Пергамент. СПб., 1907.

³ Торжественное Обещание членов Государственной Думы. Приложение I к статье 13 // Свод законов Российской империи. Книга первая. Т. I. Ч. 2. С. 46.

для них, в отличие от депутатов Госдумы, не является единым. В этом сходство верхних палат российского парламента различных периодов – современного Совета Федерации и Государственного Совета 1906–1917 гг. Последний формировался по смешанной схеме, из членов по выборам и по назначению, и его члены приобретали полномочия в разное время.

Депутаты Госдумы 1906–1917 гг., начиная с первого созыва, были наделены достаточно широкими для того времени правами. Они наделялись индемнитетом, т. е. полной свободой мнений и высказываний по вопросам ведения Госдумы, и свободным мандатом – они не были обязаны отчитываться перед избирателями. Индемнитет предоставлял депутатам неограниченную свободу слова только по вопросам депутатской деятельности. Такая же норма действовала для выборных членов Государственного совета, причем для них она была введена впервые в 1906 г. Можно предположить, что статус депутата нового законодательного органа – Госдумы повлиял на динамику статуса членов Госсовета. Законодательно провозглашенное равенство палат российского парламента предусматривало максимально возможное выравнивание статусов их членов.

Депутаты получили иммунитет в следующей форме: в соответствии со ст. 16 «Учреждения Государственной Думы» для привлечения депутата к ответственности палата должна была дать во время своей сессии разрешение на лишение депутата свободы путем выведения его из состава Госдумы. Такое разрешение не требовалось в двух случаях: совершение депутатом преступления, связанного с исполнением им своих обязанностей; задержание депутата на месте преступления либо на следующий день после совершения.

Члены Государственного совета по выборам впервые в истории этого государственного органа получили в 1906 г. ограниченную должностную неприкосновенность в том же объеме, что и депутаты Государственной Думы, которых могли подвергнуть ограничению или лишению свободы только по решению судебной власти. Необходимо особо подчеркнуть, что нормы неприкосновенности не распространялись на назначенных императором членов Госсовета, которые, таким образом, с точки зрения права являлись должностными лицами, не обладавшими иммунитетом.

Права депутатов достаточно полно обеспечивали их законодательную деятельность. В то же время права депутатов, обеспечивающие представительскую функцию Государственной Думы, содержали ряд ограничений. Так, ст. 61 «Учреждения Государственной Думы» прямо запрещала являться в Госдуму депутациями, а также подавать словесные или письменные заявления и просьбы. Право контролировать деятельность исполнительной власти было минимальным.

Права членов Госсовета по выбору регламентировались в соответствии со ст. 26 «Учреждения Государственного совета» главным образом нормами, предусмотренными для членов Госдумы Учреждением Государственной Думы от 6 августа 1905 г.⁴ Статус как депутата Госдумы, так и члена Госсовета признавался несовместимым с отсутствием российского подданства; утратой ценза, дающего права на участие в выборах, и ряда других. В то же время члены Госсовета по выборам, в отличие от депутатов Госдумы, могли состоять на действительной военной службе; государственной гражданской службе по должности, для которой предусмотрено денежное содержание.

Необходимо отметить, что в нормативных документах отсутствовало сколько-нибудь систематизированное закрепление социальных гарантий, как это сделано в действующем российском законодательстве, регламентирующем статус депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации. В июле 1908 г. депутаты Госдумы получили право на ежегодное жалованье, которое составляло 4200 рублей. Депутаты, участвующие в работе комиссий, получали дополнительно 10 рублей в день, что свидетельствует о стимулирующем характере депутатского довольствия.

Члены Госсовета в период после реформы этого государственного органа 1905–1906 гг. не получали жалованья. Однако в соответствии с нормой «Учреждения» 1906 г. они имели право на компенсацию за время, проведенное на сессиях, из расчета 25 рублей за каждый

⁴ Учреждение Государственной Думы // Там же.

день. В то же время содержание, установленное члену Госсовета по месту его постоянной работы, выплачивалось за эти дни только в случае его отказа от суточного довольствия. Один раз в год член Госсовета, как и депутат Госдумы, мог получить компенсацию за проезд от места жительства в Санкт-Петербург и обратно из расчета 5 копеек за версту.

Обязанности депутатов Госдумы не закреплялись в каких-либо разделах нормативных документов и выявляются главным образом по формулировкам санкций. К обязанностям необходимо отнести следующие: присутствовать на заседаниях Думы; в случае участия в комиссии – присутствовать на заседаниях комиссии; соблюдать порядок в ходе работы в Госдуме; участвовать в поименных голосованиях; уведомлять председателя Думы об отпуске и соблюдать ограничения по продолжительности отпуска. К обязанностям необходимо также отнести некоторые требования, соблюдение которых позволяло не лишиться статуса депутата: подписать «Торжественное обещание» в ходе первого заседания Думы; оставаться в рамках ценза, в соответствии с которым депутат был избран; сохранять подданство Российской империи; не поступать на военную или государственную гражданскую службу.

Ответственность депутатов была неразрывно связана с их обязанностями. Важным видом ответственности депутатов Госдумы и членов Госсовета была дисциплинарная ответственность за нарушения в ходе заседаний. Как уже было отмечено, за нарушения порядка в ходе заседаний депутаты Госдумы могли быть удалены с заседания. В соответствии с Наказом использовались также финансовые санкции: за отсутствие на общем собрании без уважительной причины назначался вычет из денежного довольствия в размере 25 рублей за каждый день.

Е. А. Юртаева в систему дисциплинарных взысканий, налагавшихся на членов Госсовета, включает: замечание, лишение слова; временное отстранение от участия в собраниях. Дисциплинарная ответственность не исключала возможность уголовного наказания члена Госсовета, однако снижала вероятность применения норм уголовного законодательства. Например, уголовные нормы не применялись в случае, если резкое заявление члена Совета было адресовано общему собранию или отдельным его членам и не относилось к иным лицам, не принадлежащим к Госсовету⁵. Таким образом, можно говорить об иммунитете членов Госсовета в отношении дисциплинарных правонарушений, связанных со свободой слова.

Отметим, что Регламент ныне действующей Государственной Думы РФ по-иному определяет набор санкций по отношению к депутату и порядок их применения. Так, установлено, что оратор в Госдуме не может нарушать правила этики депутатов. Эти правила предусматривают запрет на употребление грубых, оскорбительных выражений, наносящих ущерб чести и достоинству депутатов и иных лиц, недопущение необоснованных обвинений, применение заведомо ложной информации. Запрещены также призывы к незаконным действиям. За нарушения предусмотрены следующие санкции: предупреждение со стороны председательствующего; лишение председательствующим в случае повторного нарушения права выступления в течение всего дня заседания. Нарушение названных выше правил может наказываться также лишением права выступления на срок до одного месяца. Эта санкция принимается большинством от общего числа депутатов Госдумы. По сравнению с депутатами Госдумы имперского периода снижен уровень дисциплинарных санкций (отсутствуют финансовые санкции, например, вычеты из заработной платы) и изменен порядок применения такой санкции, как лишение права выступления на один день (заседание); данная санкция применяется по единоличному решению председательствующего.

Сравнительный анализ правового статуса депутатов Государственной Думы 1906–1917 гг. и депутатов Государственной Думы РФ позволяет сделать вывод о существенном развитии в настоящее время норм, определяющих представительскую, контрольную функции депутата, право на объединение в составе фракций, социальные гарантии деятельности. В то же время уменьшились количество и значимость дисциплинарных санкций, предусматривающих ответственность за невыполнение обязанностей депутата, допущено

---

⁵ Юртаева Е. А. Преобразованный Государственный совет в системе органов власти Российской империи 1906–1917 гг. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995.

отступление от принципа коллегиального принятия решений о применении дисциплинарных санкций.

Аннотация. Статья посвящена анализу правового регулирования и содержанию правового статуса депутатов Государственной Думы и членов Государственного совета в имперский период. Автор предлагает ряд законодательных новелл для повышения эффективности регулирования статуса депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ.

Ключевые слова: Государственная Дума, Государственный совет, депутат, правовой статус, права и обязанности, гарантии депутатской деятельности.

Annotation. This article analyzes the legal regulation and content of the legal status of deputies of the State Duma and members of the State Council in the imperial period. The author offers a number of legislative developments to improve the efficiency of regulation status of a deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation

Keywords. State Duma, the Council of State, deputy, legal status, rights and obligations, the guarantee of parliamentary activities.

*С. И. Захарцев, Н. О. Кирюшкина
S. I. Zakhartzev, N. O. Kiryushkina*

ОРД И ДРУГИЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ: ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

INVESTIGATIVE ACTIVITY AND OTHER JURIDICAL SCIENCES: INTERRELATION AND INTERACTION

Рассматривая взаимосвязь ОРД с другими юридическими науками, в первую очередь следует говорить о теории государства и права. По отношению к любой из отраслевых и прикладных наук теория государства и права является наукой обобщающей. С ее помощью все знания о государстве и праве приводятся в единую систему, изучаются все правовые явления и процессы, накапливается информация о праве во всем его многообразии.

Значение теории государства и права для ОРД может быть выражено как минимум тремя тезисами.

1. Теория государства и права исследует всю правовую систему, правовую материю, т. е. формулирует общие знания и представления о государстве и праве, которыми пользуется наука ОРД.

2. Теория государства и права вырабатывает единый понятийно-категориальный аппарат, который используют другие юридические науки, в том числе ОРД.

3. Теория государства и права вырабатывает общие для всех юридических наук методы и принципы познания, т. е. выступает для других юридических наук, включая ОРД, методологической основой¹.

© С. И. Захарцев, Н. О. Кирюшкина, 2015

¹ По поводу теории государства и права как методологической основы юридических наук имеются разные мнения. Например, Д. А. Керимов считает: «Благодаря тому, что общая теория права является

В то же время сама наука ОРД, имея специфический понятийно-категориальный аппарат («оперативно-розыскное мероприятие», «конфиденциальное сотрудничество», «оказание помощи на негласной основе» и т. п.), специфические принципы (конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств), специфические правоотношения и пр., «питает» теорию государства и права, заставляет ее развиваться с учетом положений оперативно-розыскного законодательства, т. е. заставляет уточнять знания о праве.

Следует отметить, что для любой юридической науки, в том числе теории государства и права, важное значение имеют философия и философия права². В наших предыдущих работах мы предприняли попытку рассмотрения ОРД с философских и философско-правовых позиций. Отрадно, что такой подход был позитивно воспринят научной общественностью – как философами, так и «оэрдэшниками», – а в науке ОРД появилось направление под названием «философия ОРД»³.

Взаимодействие ОРД с историко-правовыми науками связано с изучением оперативно-розыскного опыта предыдущих поколений, существовавших нормативных актов и практики их применения. На наш взгляд, взаимодействие ОРД с историко-правовыми науками находится не на высоте. В нашей науке недостаточно исследований, посвященных истории проведения оперативно-розыскных и оперативно-технических мероприятий, конфиденциального сотрудничества, тактики проведения ОРМ, оперативных методик раскрытия некоторых преступлений, других моментов, важных для понимания современного состояния науки и практики в историческом аспекте. При этом многие интересные исторические факты о проведении ОРМ мы подчас черпаем либо из уже проведенных историко-правовыми науками исследований, либо из воспоминаний и публицистики.

Сильные работы по истории ОРД, несомненно, имеются. Так, проделанная В. И. Елинским работа по изучению истории уголовного сыска заслуживает уважения и поддержки⁴. В. В. Лысенко защитил докторскую диссертацию по проблемам работы полиции дореволюционной России в сфере общественной нравственности⁵. В. П. Галицкий посвятил работу более позднему историческому периоду, исследуя деятельность органов контрразведки в среде военнопленных⁶. Имеются и другие работы, которые высоко оцениваются специалистами по истории государства и права, дополняют их знания⁷. Вместе с тем историческая

обобщающей в системе юридических наук, она и приобретает *через философию права* методологическое значение в этой системе. Именно философия права, используя прежде всего общие диалектические методы в их приспособленном для познания правовых явлений и процессов виде, обеспечивает методологическое единство отраслевых юридических наук... Философия права, будучи одним из основных направлений теории права, разрабатывает основополагающие проблемы диалектики, гносеологии и логики правового бытия, обслуживающих как саму общую теорию права, так и весь комплекс отраслевых юридических наук» (Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000. С. 77, 83).

² Захарцев С. И., Сальников В. П. Философия. Философия права. Юридическая наука. Монография. М., 2015; Чукин С. Д., Сальников В. П., Балахонский В. В. Философия права. Учебник. М., 2002; Захарцев С. И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. В. П. Сальникова. М., 2014; Сальников В. П., Кальной И. И., Гуцериев Х. С., Сандулов Ю. А. Философия для аспирантов. СПб.: Лань, 1999; Философия. Учебник для юридических вузов / Под общ. ред. В. П. Сальникова. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Фонд «Университет», 2006; Реалистическая философия. Учебник / В. Л. Обухов, В. П. Сальников, З. С. Алядьева и др.; под ред. В. Л. Обухова, В. П. Сальникова. СПб.: СПГАУ, Санкт-Петербургский университет МВД России, Химиздат, 1999. С. 432–445.

³ Захарцев С. И. 1) Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. СПб., 2011; 2) Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. В. П. Сальникова. М., 2014.

⁴ Елинский В. И. История уголовного сыска в России (X — начало XX в.). М., 2004.

⁵ Лысенко В. В. Полиция дореволюционной России и противоправные проявления в области общественной нравственности (теоретический и историко-правовой аспект). Дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 1998.

⁶ Галицкий В. П. Деятельность органов государственной безопасности среди военнопленных. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 1995.

⁷ Министерство внутренних дел России: 1802–2002: исторический очерк в 2 т. Т. 1 / Б. В. Грызлов, В. П. Сальников, А. А. Стрельников, Д. Б. Рыскин, С. Б. Глушаченко, А. И. Александров, Н. С. Нижник; под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет», 2002 (Серия: «МВД России 200 лет»); Министерство внутренних дел России: 1802–2002: исторический очерк в 2 т. Т. 2 / В. П. Сальников, Ю. Е. Аврутин, А. Е. Алексенков, И. В. Говоров, М. Ю. Гутман, М. Э. Жаркой, В. А. Журавлев, В. А. Иванов, А. М. На-

тема, к сожалению, мало привлекает специалистов в области ОРД, хотя все и сознают, что без знания истории невозможно должным образом понять настоящее и заглянуть в будущее.

Наука ОРД, конечно, взаимодействует с наукой конституционного права. Конституция Российской Федерации, являясь основным законом страны, закрепила нормы, имеющие непосредственное отношение к осуществлению ОРД. К ним относятся, например: равенство граждан перед законом (ст. 19), право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а также право на неприкосновенность жилища, ограничение которого возможно только на основании судебного решения (ст. 23, 25), гарантия судебной защиты прав и свобод граждан (ст. 46), презумпция невиновности, статус суда, прокурорский надзор и т. д. В ч. 3 ст. 55 Конституции устанавливается, что права и свободы человека и гражданина могут ограничиваться только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, прав и законных интересов иных лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Человек, его права и свободы определяются Конституцией как главная социальная ценность⁸.

Указанные положения изучает наука конституционного права, которая обеспечивает своими выводами другие науки, в том числе науку ОРД.

В ходе изучения практики раскрытия преступлений, например экономических, нередко выявляются пробелы и упущения в гражданско-правовом, административном и другом законодательстве⁹.

Данные упущения рассматриваются специалистами в области ОРД в рамках своих исследований. Здесь важно взаимодействие этих специалистов с представителями отраслевых наук некриминального цикла для выработки предложений по внесению корректив в соответствующее законодательство. Такое взаимодействие развито недостаточно, по крайней мере специалисты других отраслей права неохотно соглашаются с предложениями «оэрдэшников» по совершенствованию правового регулирования.

И все же взаимосвязь между науками существует. Она проявляется при подготовке специалистами в области ОРД научных и практических работ по методике раскрытия, например, экономических преступлений, когда необходимо владение знаниями в области гражданского, земельного и др. права. Поскольку с помощью ОРД раскрываются преступления во всех сферах жизнедеятельности человека, науки, регулирующие общественные отношения в этих сферах, должны «подпитывать» ОРД своими знаниями и предложениями¹⁰.

заренко, Н. С. Нижник; под общ. ред. В. П. Сальникова; *Нижник Н. С., Сальников В. П., Мушкет И. И.* Министры внутренних дел Российского государства (1802–2002): Библиографический справочник. СПб.: Фонд «Университет», 2002; Министерство внутренних дел: страницы истории (1802–2002 г.) / Под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет», 2001; *Борисов А. В.* Министры внутренних дел России. 1802 – октябрь 1917 / Вступительная статья В. Ф. Некрасова и В. П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет», 2002 (Серия: «Внутренние войска и органы внутренних дел России»).

⁸ *Сальников М. В.* Равноправие граждан пред законом как условие стабильности общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2003. № 1 (17). С. 103–104; *Сальников В. П.* Право и свободы в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2006. № 9. С. 6–15; *Сальников В. П., Цмай В. В.* Современная защита прав человека // Правоведение. 1999. № 1. С. 82; *Александров А.* «Высшая цель – человек» // Российская Федерация сегодня. 2012. № 23. С. 10–11; *Булатов Р. Б., Каюмов Д. Р.* Гражданин как высшая ценность конституционно-демократического, гражданского общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 2. С. 118–122.

⁹ *Аврутин Ю. Е., Егоршин В. М., Сальников В. П., Шапиев С. М., Гуляев А. П.* Преступность, общество, государство: проблемы социогенезиса. СПб., 2003. Серия: «Криминалистика в борьбе с преступностью»; *Сальников В. П., Ростов К. Т., Морозова Л. А., Бондуровский В. В.* Компьютерная преступность: уголовно-правовые и криминологические проблемы // Государство и право. 2000. № 9. С. 101; *Очередько В. П., Сальников В. П., Соболев И. А.* Экологическая преступность в Ленинградской области: общее и особенное // Региональная экология. 2004. № 3–4. С. 63–66; *Сальников В. П., Морозова Л. А., Ростов К. Т., Денисов Е. А.* Безопасность человека и преступность: Материалы междунар. науч.-практ. конф. // Государство и право. 1995. № 12; *Сальников В. П., Морозова Л. А.* Полиция. Женщина. Гуманизм // Там же. 1996. № 1; *Сальников В. П., Некрасов А. П.* Сущность взаимодействия исправительных учреждений с криминальной милицией в борьбе с преступностью // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 3. С. 213–218.

¹⁰ *Очередько В. П., Сальников В. П., Соболев И. А.* Экологическое и земельное право в Санкт-Петербургском университете МВД России: черты научно-педагогической школы // Вестник Санкт-

Наиболее тесными являются взаимосвязи ОРД с науками криминального цикла. Указанной темы мы ранее касались в публикациях¹¹. Уровень взаимосвязей названных наук постоянно варьируется. Так, науки уголовного права и процесса к разработкам науки ОРД пока относятся с настороженностью. Предложения, выдвигаемые «оэрдэшниками», названными науками обычно не рассматриваются. Это касается и проблемы уголовной ответственности лица, внедренного в преступную группировку и принявшего участие в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, и использования результатов ОРД в уголовном процессе. Вместе с тем определенная взаимосвязь между науками, естественно, имеется и тут. Например, ОРД активно использует разработанные наукой уголовного права положения и выводы.

С прикладными юридическими науками дело обстоит по-другому. Хорошо налажено взаимодействие науки ОРД с криминологией, юридической психологией, криминалистикой.

С криминологией ОРД была связана всегда, черпала из нее необходимые знания. Как известно, криминология изучает закономерности и тенденции развития преступности, преступное поведение, личность преступника.

Представление о закономерностях и тенденциях развития преступности оказывает сильное влияние на оценку оперативной обстановки. На основе имеющихся знаний вырабатываются решения и рекомендации по оптимальной расстановке оперативных сил, своевременному оперативному прикрытию направлений работы. Рассмотрение с криминологических позиций личности преступника позволяет установить его привычки, потребности, интересы, навыки, нюансы характера. Через свойства личности изучаются и предпосылки преступного поведения, что ценно для ОРД¹².

Как пишет А. П. Исиченко, данные криминологического анализа преступности и ее видов с разной степенью глубины и регулярности используются в организации деятельности оперативных подразделений криминальной милиции, правда, преимущественно при подготовке особо важных аналитических документов и разработке прогнозов развития криминогенно-криминальной ситуации, планов и программ борьбы с преступностью, законопроектов. Особенно активизируется такая деятельность в ходе разработки проектов федеральных и региональных комплексных программ борьбы с преступностью, при подготовке материалов к заседаниям коллегиальных органов, межведомственных координационных советов и комиссий, международным, всероссийским, региональным конференциям и т. п.¹³

Криминология и ОРД тесно взаимосвязаны. С одной стороны, криминология «вооружает» ОРД своими знаниями. Как точно заметил А. П. Исиченко, идеи и постулаты криминологии используются при обосновании многих положений и выводов оперативно-розыскной науки, для содержательного обогащения ее понятийного аппарата; при этом они трансформируются в те или иные оперативно-розыскные категории, частные теории и учения. Представляется, что во многом под влиянием криминологических идей в теории ОРД появились и разрабатываются такие понятия и направления исследований, как опе-

Петербургского университета МВД России. 2005. № 1. С. 95–100; Сальников В. П., Роганов С. А. Совершенствование криминологической профилактики преступлений в сфере криминального бизнеса синтетических наркотических средств // Там же. № 4. С. 189–195.

¹¹ Евстратиков Б. М., Захарцев С. И., Медведев В. Н., Сальников В. П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (правовой анализ) / Под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2005 (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»); Захарцев С. И., Медведев В. Н., Сальников В. П. Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы / Под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2004 (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»); Захарцев С. И., Игнащенков Ю. Ю., Сальников В. П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке. СПб., 2006 (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»); Захарцев С. И., Игнащенков Ю. Ю., Сальников В. П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке. Монография. М., 2015; Захарцев С. И., Сальников В. П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 11. С. 11–29.

¹² Теория оперативно-розыскной деятельности / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова. М., 2006. С. 121–122.

¹³ Исиченко А. П. Оперативно-розыскная криминология. М., 2001. С. 8.

ративно-розыскное прогнозирование, оперативно-розыскная профилактика преступлений, оперативно-профилактическая информация, оперативная обстановка¹⁴ и др.

С другой стороны, ОРД подпитывает криминологию интересующей эту науку информацией. Криминология, в отличие от ОРД, не может глубоко проникнуть в «мир преступности». ОРД с помощью своих негласных возможностей позволяет ознакомиться со скрытыми от криминологов процессами, протекающими в преступной среде, и обстоятельствами преступной деятельности, что повышает точность криминологических знаний. Поэтому вопрос о зарождении новой юридической дисциплины – оперативно-розыскной криминологии – вполне уместен.

Взаимодействие психологии, юридической психологии и ОРД в настоящее время привело к зарождению и обоснованию новой юридической дисциплины – оперативно-розыскной психологии. Эта дисциплина находится в настоящее время в стадии формирования. По мнению специалистов, предметом оперативно-розыскной психологии являются закономерности и механизмы психики людей, выступающих в качестве субъектов ОРД, и противостоящих им лиц, занимающихся противоправной деятельностью, а также их окружения. К предмету данной дисциплины авторы относят не только закономерности психики отдельного индивида, но и психологию оперативно-розыскных коллективов, психологию преступных групп и преступных сообществ, а также психологию их конфликтного взаимодействия между собой в соответствующих объективных условиях. Дальнейшее становление оперативно-розыскной психологии обеспечит внедрение в практику эффективных рекомендаций, относящихся к организационно-управленческому и оперативно-тактическому уровням ОРД¹⁵.

По мнению Г. К. Синилова, оперативно-розыскная психология – это наука, изучающая психические явления и процессы, проявляющиеся в условиях исполнения оперативно-розыскной функции защиты личности, общества и государства от преступных посягательств. Она исследует механизмы и закономерности этих явлений и процессов, разрабатывает научно обоснованные рекомендации субъектам оперативно-розыскной деятельности по повышению качества их профессиональной деятельности¹⁶.

Психология имеет большое прикладное значение для ОРД. Она активно применяется в подборе и расстановке кадров, формировании здорового морально-психологического климата в коллективе. При зачислении в органы, осуществляющие ОРД, обязательно прохождение психофизиологических исследований личности. В случае необходимости сотрудникам может быть предложено повторно пройти указанные исследования.

При проведении психофизиологических исследований очень важен профессионализм психологов, ибо цена ошибки в данном случае может быть слишком велика. Понимая значение в исследованиях человеческого фактора (т. е. психологов), некоторые руководители к результатам таких исследований относятся скептически. Нам не раз приходилось видеть и ошибки психологов, к мнению которых прислушались, что негативно отразилось на карьере сотрудников, и, наоборот, верные заключения психологов, от которых отмахнулись, что в дальнейшем привело к печальным последствиям. К сожалению, психологические исследования пока предполагают точные выводы лишь при явных отклонениях от нормы.

Следует обратить внимание на практическое использование оперативными сотрудниками психологических методов. По признанию сотрудников оперативных подразделений, их знания в области психологии носят бессистемный характер. В частности, по результатам опроса 815 оперативников, 331 человек (более 40 %) признал свои знания по психологии неудовлетворительными и желал бы их дополнить. По словам опрошенных, в общении с людьми они, как правило, руководствовались и руководствуются собственным опытом, приобретенным ими методом «проб и ошибок»¹⁷.

¹⁴ Там же. С. 8–9.

¹⁵ Теория оперативно-розыскной деятельности / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. С. 128–129.

¹⁶ Синилов Г. К. Введение в оперативно-розыскную психологию. М., 2006. С. 16.

¹⁷ Захарцев С. И., Игнащенко Ю. Ю., Сальников В. П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке. Монография. М., 2015. С. 263.

К такому же выводу пришли В. Л. Цветков, В. М. Шевченко и Н. В. Шаматава. Они пишут: «На практике мало внимания уделяется психологической стороне оперативно-розыскной деятельности, низок уровень психологических знаний оперативных работников, недостаточна их психологическая подготовка в области оперативно-розыскной деятельности. Одним из ключевых средств совершенствования системы профессиональных кадров для ОВД является психологическое обеспечение учебно-воспитательного процесса, направленное на создание оптимальных условий для эффективного обучения, развития и воспитания личностных качеств будущих специалистов ОРД»¹⁸.

Обсуждая значение психологии для ОРД, необходимо сказать и о так называемой концепции использования психофизиологических реакций человека для раскрытия преступления. Ее суть заключается в применении известного психологического тезиса о том, что чем более значима для человека ситуация, тем ярче протекают его психофизиологические реакции, т. е. при подготовке, совершении преступления или воспоминании о нем психофизиологические реакции проявляются ярче, отчетливее и труднее поддаются внутреннему контролю человека.

Традиционно в науке выделяются следующие направления использования психофизиологических реакций человека для раскрытия преступления:

- составление поисковых психологических портретов серийных преступников;
- психолингвистический анализ как метод идентификации преступника;
- применение гипноза;
- использование хронобиологии (биоритмологии) в оперативно-розыскных и следственных целях;
- применение полиграфов.

О. Г. Ковалев и В. А. Лукашов приводят данные, согласно которым применение полиграфа позволяет установить причастность к совершенному преступлению в 86–92 % случаев, а непричастность к преступлению – в 95–98 % случаев¹⁹.

Эти цифры можно оценить двояко. С одной стороны, они служат несомненным доказательством правильности психофизиологических методов, с другой стороны, процент неточностей пока велик: так, из 100 невиновных на 5 человек, т. е. на каждого двадцатого (при цифре 95 %), может пасть подозрение в совершении преступления.

Может быть, поэтому названные ученые пришли к выводу о том, что полученная с помощью указанных методов информация имеет не доказательственный, а ориентирующий характер и может быть использована в процессе проведения ОРМ для формирования и выдвижения оперативно-розыскных и следственных версий²⁰. Думается, однако, что в дальнейшем такая позиция, по крайней мере в отношении полиграфа, может быть изменена. Уже сейчас итоги полиграфического исследования могут официально использоваться в качестве судебных доказательств в ряде штатов США, в Японии (по усмотрению судьи), Польше, Индии²¹.

В России нормативной базой для признания полиграфических исследований доказательством может стать действующий ныне принцип свободной оценки доказательств, заключающийся в том, что доказательства не имеют приоритета друг перед другом. Таким образом, данные полиграфа будут просто одним, но вовсе не главным (главного тут быть не может) доказательством виновности или невиновности человека. При этом мы, естественно, ждем от полиграфа и полиграфистов еще большей точности результатов.

Прецеденты признания российским судом полиграфических исследований доказательствами по уголовным делам уже созданы. Так, в 2009–2010 гг. Гагаринский рай-

¹⁸ Цветков В. Л., Шевченко В. М., Шаматава Н. Е. Психология оперативно-розыскной деятельности. М., 2009. С. 4.

¹⁹ Теория оперативно-розыскной деятельности / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. С. 133.

²⁰ Там же.

²¹ Журин С. И. Практика и теория использования детекторов лжи. М., 2004. С. 44–47.

онный суд Москвы в ходе судебного заседания провел полиграфическое исследование Дмитрия Тихонова, осужденного ранее на восемь лет лишения свободы за убийство Д. Варужана. Полиграфическое исследование показало непричастность Тихонова к названному убийству. После этого с помощью полиграфа проверили Ирину С., являющуюся основной свидетельницей обвинения по указанному делу. Исследование указало на причастность Ирины к убийству и лжесвидетельствование. Как было установлено судом в дальнейшем, Ирина С. лично совершила убийство Варужана из корыстных мотивов и подстроила доказательственную базу против Тихонова. По указанному делу, получившему из-за публикаций в печати широкий общественный резонанс, Гагаринский суд Москвы вынес в отношении Д. Тихонова оправдательный приговор, а в отношении Ирины С. – обвинительный приговор. При этом в приговоре содержалась ссылка на полиграфическое исследование как на доказательство. Московский городской суд признал правоту Гагаринского районного суда и оставил приговор, вынесенный в отношении Ирины С., без изменений²².

Зарождение оперативно-розыскной криминологии и оперативно-розыскной психологии является объективным результатом современного развития науки. Комментируя процессы слияния наук, Д. А. Керимов высказался так: «Характерной особенностью современного развития научного знания является образование своеобразного поля пересечения, активного взаимодействия и взаимопроникновения различных, казалось бы, далеко друг от друга стоящих наук, теоретических концепций и методов познания, что обогащает их и приносит исключительно плодотворные результаты. Если в прошлом внутренняя связь наук имела весьма ограниченные пределы и сами эти связи были очень слабыми, то со временем контакты между науками расширились и углублялись, между науками возводились “мосты“, их контакты превращались в устойчивые отношения. На смену слабым связям и контактам наук приходило их взаимодействие, взаимопроникновение, на основе которых образовывались двуединые и даже многоединые науки»²³.

Наиболее тесными являются связи ОРД с криминалистикой, что обусловлено историей развития обеих наук, в ходе которой криминалистика оказывала влияние на формирование теории оперативно-розыскной деятельности. Более того, вплоть до середины XX в. оперативно-розыскная деятельность рассматривалась многими специалистами как часть криминалистики, хотя в таком подходе, конечно, есть преувеличение²⁴. Тем не менее в одной из своих последних книг «История отечественной криминалистики» Р. С. Белкин не без юмора назвал параграф, посвященный истории оперативно-розыскной деятельности, «Плоть от плоти криминалистики»²⁵.

И. А. Возгрин выделяет три процесса взаимодействия криминалистики и ОРД на современном этапе²⁶. Во-первых, происходят диффузия этих наук и объединение проводимых в их рамках исследований. Стала довольно распространенной практика разработки и издания научных работ, посвященных проблемам предотвращения, раскрытия и расследования преступлений, в которых реализуются положения как криминалистики, так и оперативно-розыскной деятельности²⁷. Являясь продуктом общего труда ученых различных специальностей, такие разработки в большей степени, чем изолированные исследования, удовлетворяют потребностям правоохранительной практики и поэтому являются более ценными.

Во-вторых, происходит интеграция научного знания, накопленного в криминалистике и оперативно-розыскной деятельности. Например, опираясь на криминалистические

²² Пятиминутка правды // Российская газета. 2010. 9 февр.

²³ Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000. С. 80.

²⁴ Захарцев С. И., Игнащенко Ю. Ю., Сальников В. П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке. Монография.

²⁵ Белкин Р. С. История отечественной криминалистики. М., 1999. С. 235.

²⁶ Возгрин И. А. Введение в криминалистику: история, основы, теория, библиография. СПб., 2003. С. 123–125.

²⁷ Основы борьбы с организованной преступностью / Под ред. В. С. Овчинского, В. Е. Эминова, Н. П. Яблокова. М., 1996.

разработки алгоритмизации расследования преступлений, ОРД также предпринимает попытки алгоритмизации процесса предотвращения и раскрытия преступлений с помощью особых сил, средств и методов борьбы с преступностью и т. д. В криминалистике также используются отдельные достижения ОРД в части разработки рекомендаций (например, по использованию результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовных делах).

В-третьих, наряду с интеграцией происходит все более отчетливая дифференциация криминалистики и оперативно-розыскной деятельности. Если криминалистика продолжает развиваться как прикладная наука, то в ОРД в последнее время делаются попытки обосновать существование особого оперативно-розыскного процесса (тем самым ОРД претендует на положение новой самостоятельной отраслевой науки); разрабатывается собственное понятие раскрытия преступлений; создается особая теория оперативного учета и т. д. Процесс дифференциации криминалистики и оперативно-розыскной деятельности в целом является положительным явлением, так как более отчетливо разграничивает содержание этих наук и способствует исключению дублирования научных исследований²⁸. Приветствуя взаимодействие криминалистики и ОРД, тем не менее хотим обратить внимание на следующее. За плечами криминалистики более чем вековой опыт становления и развития как науки, десятки учебников, сотни монографий²⁹.

Этим багажом на сегодняшний момент объективно не обладает оперативно-розыскная деятельность. Иначе говоря, криминалистика, по сравнению с ОРД, является более развитой наукой. Мы согласны с И. А. Возгриным в том, что по состоянию разработанности научных основ криминалистика не только в прошлом, но и сегодня существенно опережает оперативно-розыскную деятельность, которая все еще определяет свою природу и систему, выясняет связи с другими науками, ищет решение многих иных фундаментальных науковедческих проблем³⁰.

Видимо, этим объясняется желание некоторых «оэрдэшников» копировать систему, методологию и другие научные основы криминалистики. Например, часть ученых, не мудрствуя лукаво, объект и предмет ОРД определяет под очевидным влиянием криминалистических знаний. Систему науки тоже определяют по подобию криминалистики, выделяя:

- общую теорию ОРД;
- оперативно-розыскную технику;
- оперативно-розыскную тактику;
- оперативно-розыскную методику.

Однако такой подход не всегда приемлем. Обычно система юридических наук основывается на законе и, соответственно, включает в себя Общую и Особенную части. Такое разделение подсказывает и Закон об ОРД. К общей части, в качестве одного из вариантов, следует отнести науковедческие вопросы, принципы, задачи и т. д., имеющие общий характер. Все прикладное, в том числе содержащее специфику оперативной работы на конкретных линиях, секретные диссертации и пр., следует отнести к Особенной части. Такая структура более естественна для основной массы юридических наук. Кроме того, этот подход будет устраивать науку независимо от расширения или сужения ее содержания (например, от того, войдет ли в предмет исследования ОРД контрразведка) и учитывать специфику работы органов, осуществляющих ОРД.

Разделение на тактику, технику и методику подходит для криминалистики как прикладной науки. Однако криминалистика всегда была и будет вспомогательной юридической наукой, не зря ее именуют «помощницей уголовного процесса». Отраслевой наукой криминалистика никогда не станет. Закона о криминалистической тактике или методике

²⁸ Возгрин И. А. Введение в криминалистику: история, основы, теория, библиография. С. 125.

²⁹ Белкин Р. С. 1) История отечественной криминалистики. М., 1999; 2) Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд. М., 2000; Чельшева О. В. Объект и предмет криминалистики. СПб., 2001; Бастрыкин А. И. Криминалистика. Современные методы криминалистического исследования. Учеб. пособие. СПб.: Ольга, 2003; Торвальд Ю. 1) Сто лет криминалистики. М., 1976; 2) Криминалистика сегодня. М., 1980.

³⁰ Возгрин И. А. Введение в криминалистику: история, основы, теория, библиография. С. 123.

никогда не будет. Наука ОРД в этом смысле существенно отличается. Она имеет не только прикладной, но и отраслевой характер, обеспечивая оперативно-розыскное право. Поэтому для нее более целесообразно иметь систему, принятую в большинстве юридических наук. Это необходимо для дальнейшего развития ОРД как правовой науки.

Учитывая сказанное, представляется не вполне верным относить к предмету ОРД «причинно-следственные связи механизма образования криминалистически значимой информации»³¹. Даже исходя из названия криминалистически значимая информация, видимо, должна относиться к предмету криминалистики, равно как и механизм образования этой информации. Мы согласны с И. А. Климовым и Г. К. Сениловым в том, что использование криминалистических знаний о механизме образования криминалистически значимой информации позволило разработать в ОРД типовые методики документирования преступных действий по однотипным группам и видам преступлений. Но в данном случае речь должна идти именно об эффективном применении в ОРД знаний других наук, в частности криминалистики. В предмет ОРД криминалистически значимая информация не входит. В противном случае в предмет ОРД следует включать информацию всех наук (уголовного права, уголовного процесса и т. д.), если такая информация имеет значение для решения задач оперативно-розыскной деятельности.

Когда же далее И. А. Климов и Г. К. Сенилов пишут, что анализ закономерностей функционирования оперативно-розыскной информации и эффективности ее применения для выявления, предупреждения и раскрытия преступлений показывает, что информационный аспект является важнейшим элементом предмета ОРД, с этим следует полностью согласиться³². В данном случае указанные авторы говорят уже о закономерностях функционирования оперативно-розыскной, а не криминалистически значимой информации.

Встречаются и другие примеры того, как криминалистические разработки пытаются перенести на науку ОРД. Но это не всегда дает положительный эффект. У криминалистики и ОРД разные пути развития.

Размышляя о дальнейшем взаимодействии ОРД и криминалистики, можно предположить, что в перспективе последнюю будут считать «помощницей» не только уголовного процесса, но и оперативно-розыскной деятельности. Практически это так и есть. Криминалистические знания могут применяться для проведения любых оперативно-розыскных мероприятий. Например, методика раскрытия преступлений «подсказывает» оперативным работникам, в отношении какого лица, когда и какие именно ОРМ следует проводить. Именно криминалистика диктует оперативным сотрудникам, где искать и как закрепить следы преступления. Есть мероприятия, проведение которых без криминалистических знаний невозможно (в частности, сбор образцов для сравнительного исследования, исследование предметов и документов). Поэтому мы должны не копировать систему криминалистики и ее подходы, а, напротив, «притягивать» криминалистику к себе, делая из нее «помощницу» ОРД.

Может быть, в дальнейшем жизнь заставит рассмотреть вопрос о создании новой юридической дисциплины – оперативно-розыскной криминалистики. Как точно сказал Д. А. Керимов, «современная наука переживает небывалый в своей истории подъем именно благодаря объединению различных наук и их познавательного потенциала. Этот процесс, постепенно охватывающий и юридическую науку, приносит исключительно плодотворные результаты, приводит к возникновению множества новых и оригинальных методологических направлений именно “на стыке наук”»³³.

Конечно, тезис о создании оперативно-розыскной криминалистики имеет дискуссионный характер. Ведь не ставится же вопрос о формировании уголовно-процессуальной криминалистики. Впрочем, поставить такой вопрос можно, потому что криминалистика в настоящее время направлена на помощь уголовному процессу. Исходя из этого в криминалистике раз-

³¹ Теория оперативно-розыскной деятельности / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова. С. 98.

³² Там же. С. 99.

³³ Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000. С. 81.

рабатывается криминалистическая техника для открытых криминалистических исследований по уголовному делу, методика раскрытия преступлений. Для ОРД нужна, например, малогабаритная, иногда замаскированная, но именно криминалистическая техника, позволяющая оперативно проводить необходимые исследования. Кроме того, в последнее время все чаще наблюдается потребность в стыковке (уже именно в стыковке, а не во взаимодействии) оперативно-розыскной и криминалистической методик раскрытия преступлений и пр.

В настоящей статье мы рассмотрели лишь некоторые аспекты взаимодействия ОРД с другими юридическими науками. Специфика оперативно-розыскной деятельности заключается, в частности, в том, что при раскрытии конкретных преступлений она вступает во взаимодействие с соответствующими отраслями права, регулирующими общественные отношения, которым преступлением был причинен вред. А поскольку преступления совершаются во всех сферах общественных отношений, оперативно-розыскной деятельности приходится по мере необходимости взаимодействовать практически со всеми отраслями права. Поэтому наука ОРД, вырабатывающая рекомендации по раскрытию конкретных преступлений (конституционных, экономических, трудовых и т. д.), в большей или меньшей степени взаимосвязана со всеми юридическими науками в системе права. Кроме того, нельзя полностью игнорировать и использование в процессе оперативно-розыскной деятельности и вненаучных знаний. Это еще одна интересная страница использования возможностей ОРД в борьбе с преступностью.

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы взаимодействия науки оперативно-розыскной деятельности с другими юридическими науками. Наиболее подробно рассматривается взаимосвязь с науками так называемого криминального цикла: криминологией, криминалистикой и др. Формулируется вывод о создании, в перспективе, оперативно-розыскной криминалистики как самостоятельной прикладной юридической науки.

Ключевые слова. Юридические науки, оперативно-розыскная наука, оперативно-розыскная криминалистика.

Annotation. Article presents the issues of interaction of science operational and investigative activities with other legal sciences. More detail examines the relationship with the sciences so-called criminal cycle: criminology, forensics and others. Draw conclusions about the creation, in the long term, operational and investigative criminology as an independent application of legal science.

Keywords. Juridical sciences, investigative science, investigative forensics.

Д. В. Иванов
D. V. Ivanov

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БИОБАНКИНГА В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

BIOBANKING LEGAL REGULATION IN RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS

Биобанкинг в широком смысле может быть определен как деятельность биобанков по сбору, систематизированному хранению и использованию биологических образцов.

Биобанки могут быть использованы в интересах клинических исследований и фундаментальной науки, в частности, при создании биомаркеров, новых лекарственных средств и методов лечения.

Данная статья посвящена использованию биобанков в интересах фундаментальной науки и клинических исследований. За рамками настоящего исследования остались смежные сферы, к которым, например, относятся диагностика заболеваний, тестирование на биологическое родство (родство между ребенком и отцом, матерью и ребенком и т. д.), криосохранение и др. Также в статье не рассматриваются правовые вопросы, связанные с созданием и функционированием банков органов и тканей, используемых при трансплантации либо в качестве медицинских материалов, банки спермы, эмбрионов и др.

По данным Института проблем развития науки РАН, сегодня в мире созданы сотни биобанков, большая часть которых находится в США и в Европе. Одни предназначены для изучения заболеваний, другие – для хранения данных о ходе клинических испытаний, третьи – для архивирования результатов диагностики¹.

В России ведется создание биобанка на базе Федерального медицинского исследовательского центра имени В. А. Алмазова. Также нужно учесть наличие уникальных материалов и коллекции, которые собирались на протяжении многих лет проведения молекулярно-генетических исследований и могли бы послужить основой для формирования системы биобанков. Однако нашей стране пока лишь предстоит решение задач, связанных с созданием и развитием биобанков различного уровня. В частности, потребуется урегулировать ряд вопросов правового характера.

Прежде всего, следует отметить полное отсутствие специальных нормативных правовых актов, которыми были бы урегулированы вопросы создания, функционирования и ликвидации биобанков. Положения Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»², Федерального закона от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»³, а также Федерального закона от 05.07.1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»⁴ имеют лишь косвенное отношение к рассматриваемой сфере общественных отношений.

По мнению автора, в основу правового регулирования биобанкинга должны быть положены правовые принципы, определенные в таких международных правовых актах, как Нюрнбергский кодекс 1947 г., Всеобщая декларация ЮНЕСКО о геноме человека и правах

© Д. В. Иванов, 2015

¹ Трофимов Н. А. Отрасль биобанков в ближайшем будущем [Электронный ресурс] // Наука за рубежом: электрон. издание. 2012. № 13 URL: http://www.issras.ru/global_science_review/Nauka_za_rubejom_n13.pdf (дата обращения: 07.04.2014).

² СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

³ Там же. 1996. № 35. Ст. 4137.

⁴ Там же. № 28. Ст. 3348.

человека от 1997 г., Конвенция Совета Европы о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины 1997 г. Отметим, что некоторые из этих принципов нашли отражение в отечественном законодательстве. Например, согласно ч. 2 ст. 21 Конституции РФ никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам⁵. Другим принципам лишь предстоит послужить основой для национальных законодательных актов в области биобанкинга.

Нет единых подходов к определению содержания понятия «биобанк». Согласно одной из распространенных точек зрения «биобанки представляют собой систематизированные хранилища человеческих биологических образцов, включая органы, образцы тканей, крови, плазмы, мочи и внутриклеточные компоненты, такие как ДНК и РНК»⁶. Встречаются и другие сходные с предыдущим подходы к трактовке рассматриваемого термина. Например, биобанк может рассматриваться как разновидность биорепозитория, в котором могут содержаться образцы, полученные от разных живых организмов⁷.

В Стратегии развития медицинской науки в РФ на период до 2025 г. (утв. Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2012 г. № 2580-р⁸), в Плане мероприятий («дорожная карта») «Развитие биотехнологий и генной инженерии» (утв. Распоряжением Правительства РФ от 18.07.2013 г. № 1247-р⁹), а также в Плане фундаментальных научных исследований Российской академии медицинских наук на 2013–2020 годы (Приложение № 9 к Программе фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 годы (утв. Распоряжением Правительства РФ от 03.12.2012 г. № 2237-р¹⁰)) указывается на необходимость создания биобанков. Тем не менее из содержания данных правовых актов непонятно, какой смысл вкладывается в термин «биобанк», легального определения которого не существует. Также непонятно, какие биобанки планируется создавать, ведь они могут значительно отличаться в зависимости от технических параметров, целей использования и т. д.

Пока остается открытым вопрос о юридической природе биобанков. По мнению автора, отождествление биобанка с обычным хранилищем биологических материалов не совсем корректно. Чтобы такое хранилище могло функционировать в качестве биобанка, нужно обеспечить в том числе правовую взаимосвязь между биологическими материалами, их донорами и лицами, которые проводят соответствующие исследования. Биологический материал имеет максимальную научную и практическую ценность лишь при условии обеспечения привязки к соответствующему донору. Не менее важным фактором является систематизация коллекций биологических материалов, хранящихся в биобанке. Данную ситуацию кратко, но достаточно точно характеризует термин «биологическая библиотека», который является одним из синонимов «биобанка». Такая библиотека должна обеспечить системность своих коллекций, оптимальное сочетание доступности коллекций биобанков и обеспечения прав и законных интересов доноров биологического материала, координацию и кооперацию с другими биобанками и т. д.

Следует не только установить юридическое содержание понятия «биобанк», необходимо определить, должны ли биобанки признаваться имущественным комплексом либо, по аналогии с банками – кредитными организациями, они должны признаваться субъектами правоотношений.

Если биобанки будут признаваться самостоятельными субъектами правоотношений, то следует определить особенности их правового статуса. Особого внимания заслуживает проблема обеспечения соответствия деятельности биобанка не только правовым, но и этическим нормам.

⁵ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993. Официальное издание. М., 1993.

⁶ Трофимов Н. А. Отрасль биобанков в ближайшем будущем.

⁷ Смирнова Ю. «Банковское дело» как путь к персонифицированной медицине // Наука и жизнь. 2013. № 1. С. 14.

⁸ СЗ РФ. 2013. № 2. Ст. 111.

⁹ Там же. № 30 (ч. II). Ст. 4155.

¹⁰ Там же. 2012. № 50 (ч. 6). Ст. 7089.

Если биобанки будут признаваться имущественным комплексом, то потребуются нормативно закрепить особенности его правового режима. Потребуется определить принципы формирования и финансирования такого комплекса. Зарубежный опыт свидетельствует, что при должном подходе биобанки способны привлекать значительные инвестиции. «Отдельным пунктом стоит вопрос о том, стоит ли создавать для биобанкинга специальные экономические модели, или же будет достаточно адаптировать под него уже существующие стратегии. Появился новый термин — “биобанкономика” (Biobankonomics). Имеются некоторые основания предполагать, что современный биобанкинг формирует не только новую модель экономики медицинских отношений, но и новую модель экономики вообще»¹¹.

Необходимо нормативно закрепить правовой статус донора биологического материала. Данная необходимость продиктована тем, что функционирование биобанков способно оказывать негативное воздействие на соблюдение таких конституционных прав граждан, как право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, право на охрану здоровья и медицинскую помощь и др. Решать эту задачу можно по-разному. Коллекции и данные биобанка могут быть доступны только исследователям организации, при которой этот биобанк функционирует, либо по примеру Биобанка Соединенного Королевства (Великобритании) сделать данные, предоставляемые на условиях анонимности, доступными любым исследователям (в том числе иностранным).

Для донора должна быть юридически обеспечена возможность знать: кто обладает его биологическим материалом; кто и на каких условиях получает доступ к обозначенным материалам и соответствующим данным; для каких целей используются указанные материал и информация; какие последствия (в том числе правовые) возникают или могут возникнуть в результате такого использования.

Донор, вступая в правоотношения, связанные с получением от него биологического материала, может оказаться в достаточно уязвимом положении. Российскому законодательству неизвестна такая форма дискриминации, как ограничения прав граждан по признакам генетических характеристик. Очевидно, что предоставление работодателям, страховщикам, правоохранительным органам и ряду других лиц доступа к сведениям о состоянии здоровья доноров, об их генетических характеристиках и т. п. далеко не всегда будет отвечать интересам последних. Данная проблема выходит далеко за рамки права, затрагивая в том числе этические аспекты использования биобанков. Ее решение должно основываться на обеспечении баланса интересов донора, общества и государства.

В связи с развитием биобанкинга требуется совершенствование законодательства о персональных данных, которое на сегодняшний день не позволяет обеспечивать надлежащую защиту прав и законных интересов доноров биологических материалов. В данном законодательстве вообще не используются такие понятийные категории, как «генетическая информация», «ДНК», «биологический материал (образец)», «биобанк».

При привлечении добровольных доноров к формированию коллекций биобанков количество оснований, по которым допускается обработка персональных данных без согласия таких доноров, должно быть значительно сокращено.

Оформление письменного согласия донора биологического материала на обработку его персональных данных (в обиходе часто именуемого «информированное согласие») также сопряжено с решением множества правовых вопросов: на каких условиях может предоставляться такое письменное согласие; вправе ли биобанки (лица, содержащие биобанки) самостоятельно определять условия письменного согласия на обработку персональных данных и предлагать их для подписания донорам по аналогии с договором присоединения, существующим в гражданском праве, и т. д.

Следует нормативно закрепить правовой статус исследователя биологического материала, содержащегося в биобанке. Необходимы правовые предпосылки для создания условий осуществления научной деятельности в рассматриваемой сфере. И, как показывает

¹¹ Смирнова Ю. «Банковское дело» как путь к персонализированной медицине // Наука и жизнь. 2013. № 1. С. 16.

зарубежный опыт¹², также следует создавать правовые предпосылки для возникновения фидуциарных отношений между донорами и исследователями.

Требуется законодательно определить допустимость проведения различных «банковских операций» с хранящимися в биобанках коллекциями, в частности: основания и порядок получения, хранения, уничтожения биологического материала и соответствующей информации; условия обработки данных; условия и порядок доступа к хранящимся в биобанке биологическим материалам и информации для различных категорий лиц (например, исследователи, доноры биологического материала, сотрудники правоохранительных органов и др.), в том числе возможные ограничения доступа для отдельных категорий лиц (в том числе страховщиков, работодателей); условия и порядок обмена биологическими материалами и информацией между биобанками (в том числе условия международного сотрудничества).

Особого внимания со стороны законодателя требует проблема коммерческого использования результатов исследований, полученных на основе коллекций биобанков. Как показывает зарубежный опыт, работодатели и страховщики, проявляя интерес в получении данных из биобанка относительно состояния здоровья и (или) генетических характеристик работника (застрахованного лица), преследуют свои коммерческие интересы и пытаются извлечь определенную финансовую выгоду для себя в ущерб законным интересам соответствующего донора.

Другой проблемой, связанной с коммерциализацией биобанкинга, является стремление бизнеса к закреплению монополии в отношении данных, полученных в результате исследований. Это выражается в распространении на такие результаты права интеллектуальной собственности либо правового режима конфиденциальной информации. Однако создание монополий в рассматриваемой сфере может привести к тому, что правообладатель будет ограничивать для доноров либо третьих лиц возможность доступа к новым разработкам (в том числе новым лекарственным препаратам, методам лечения) либо возможность их использования.

Иногда процессы коммерциализации биобанкинга сопровождаются попытками включения биобанковских коллекций в хозяйственный оборот. Не является секретом, что «в современных условиях биоматериалы стали вполне ликвидным, хотя и очень специфическим коммерческим активом»¹³. С одной стороны, очевидно, что подобная бизнес-практика может идти вразрез с российским уголовным законодательством. В частности, в Уголовном кодексе РФ¹⁴ предусмотрены такие составы преступлений, как убийство в целях использования органов или тканей потерпевшего (п. «м» ч. 2 ст. 105), принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в целях использования органов или тканей потерпевшего (п. «ж» ч. 2 ст. 111); сделки в отношении человека, совершенные в целях изъятия у потерпевшего органов или тканей (п. «ж» ч. 2 ст. 127.1). С другой стороны, необходимость создания и развития биобанков в нашей стране и поддержки научного сотрудничества в рассматриваемой сфере требуют законодательного урегулирования оборота органов и тканей человека. В частности, потребуется определить правовой режим (правовые режимы) коллекций биобанка. Потребуется установить обязательные условия, при наличии которых допустима и возможна передача биологических образцов из одного биобанка в другой. Законодатель должен определить, какая судьба ждет коллекцию, если биобанк (организация, управляющая биобанком) обанкротится, и т. д.

Необходимо установить стандарты деятельности биобанков. Такая стандартизация могла бы способствовать экономии бюджетных средств и инвестиций, направляемых на финансирование биобанков. Отсутствие единых методик сбора, систематизации биологических материалов и информации может привести к тому, что аккумулируемые данные будут

¹² Hughes R. Gulf grows between research practice and participant preferences in genetic research. URL: <http://www.washington.edu/news/2011/01/20/gulf-grows-between-research-practice-and-participant-preferences-in-genetic-research/> (дата обращения: 07.04.2014).

¹³ Смирнова Ю. «Банковское дело» как путь к персонализированной медицине. С. 16.

¹⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Там же. 2003. № 50. Ст. 4848.

неточными и (или) неполными, вследствие чего полезность последних для клинических и научных исследований находится под вопросом и может привести к ложным выводам относительно взаимосвязи между генетическими особенностями донора, его образом жизни и заболеванием. Кроме того, необходимо обеспечить юридическую возможность кооперации между биобанками. Для этого, в частности, нужно стандартизировать не только методики сбора и обработки данных, но также используемую терминологию.

Подводя итог, отметим, что общественные отношения, возникающие в связи с созданием и деятельностью биобанков, в силу своей высокой общественной значимости нуждаются в правовом регулировании на уровне федерального закона. Это связано в первую очередь с тем, что биобанкинг способен оказывать существенное влияние на обеспечение и защиту прав и свобод человека и гражданина.

Правовая регламентация должна осуществляться на основе положений конституционного, административного и информационного права. Донор биологического материала изначально находится в неравном положении по отношению к исследователям и пользователям результатов соответствующих исследований. Поэтому вызывает сомнения эффективность возможного применения в рассматриваемой сфере только диспозитивного метода правового регулирования. Для исправления данной ситуации и достижения баланса интересов участников правоотношений в основу правового регулирования должен быть положен императивный метод. Разумеется, это не исключает возможность и необходимость наряду с императивным методом в ряде случаев использовать и диспозитивный метод правового регулирования.

Организация биобанков, основанных на взаимодействии доноров биологического материала и исследователей, требует особых подходов в правовом регулировании, которые были бы приемлемы с этической точки зрения.

Аннотация. Статья посвящена актуальным правовым вопросам развития биобанкинга в Российской Федерации. Особое внимание уделено защите прав и законных интересов доноров биологического материала.

Ключевые слова. Биобанк, биобанкинг, биобанкономика, персональные данные.

Annotation. This article is dedicated to legal issues of Russian biobanking development. Much attention is paid to protecting the rights and legitimate interests of biological material donors.

Keywords. Biobank, biobanking, biobankonomics, personal data.

Б. А. Левитанус, О. В. Алехина, Л. А. Кучерова
B. A. Levitanus, O. V. Alekhina, L. A. Kucheroва

УТИЛИЗАЦИЯ ОТХОДОВ ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО И ЭЛЕКТРОННОГО ОБОРУДОВАНИЯ: ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

RECYCLING OF WASTE ELECTRICAL AND ELECTRONIC EQUIPMENT: ECOLOGICAL AND LEGAL ASPECTS

В период с 2009 по 2012 г. наблюдается активный рост объема денежных средств, вложенных потребителями в рынок электронной и бытовой техники. На конец 2012 г. объем рынка электрического электронного оборудования составил 1 400 млрд руб., что почти в два раза больше, чем за 2009 г. (800 млрд руб.). Из данных, предоставленных руководителями ведущих российских компаний по производству электронной техники (ЗАО «НПФ» Доломант, ОАО «НИЦЭВТ», ООО «ПК Альтоника»), следует, что объем производства даже на территории нашей страны за 2011–2012 гг. значительно вырос (от 40 до 60 %). Данные, предоставленные компаниями-лидерами международной арены на рынке полупроводниковых устройств (Intel, Toshiba, Texas Instruments, Renesas Electronics, Qualcomm) за 2011–2012 гг., также показывают рост объема производства. Таким образом, статистические данные свидетельствуют об увеличении потребительского спроса на электронное оборудование, что в свою очередь обуславливает рост массива отходов электрического и электронного оборудования. Стоит принять во внимание и производство контрафактной продукции, что представляет собой теневую экономику и не подлежит оценке официальной статистикой. Согласно данным ISuppli (международная аналитическая компания), чаще всего подделывают аналоговые элементы (25,2 %), микропроцессоры (13,4 %), микросхемы памяти (13,1 %) и транзисторы (7,6 %). Вместе эти сектора оцениваются в 169 млрд долл. Иными словами, каждая четвертая аналоговая микросхема – подделка¹.

Ежегодно усиливается тенденция усовершенствования электронной техники, современные устройства стремительно теряют свою актуальность. На рынке появляется все больше и больше новой продукции, конкуренцию которой уже не могут составить «вчерашние» изделия. Таким образом, возникает проблема утилизации не только той техники, которая выслужила свой срок полезного использования, но и той, которая еще пригодна, но «вышла из моды». Вся эта техника тем или иным образом подвергается утилизации, и уже в этот момент возникает проблема, которая непосредственно будет рассмотрена в данной статье, а именно проблема утилизации отходов электрического и электронного оборудования (далее – отходы ЭЭО) в разрезе экологического права.

В международной практике используются и законодательно закреплены такие понятия, как *электрическое и электронное оборудование*, – оборудование, работа которого зависит от электрического тока или электромагнитных полей, а также оборудование по производству, передаче и измерению подобного тока и полей и оборудование, спроектированное для использования с максимальным напряжением, не превышающим 1000 В для переменного тока и 1500 В для постоянного тока; *отходы электрического и электронного оборудования* – электрическое или электронное оборудование, бывшее в употреблении, включая все компоненты, узлы, расходные материалы, которые являются частью оборудования на момент его снятия с эксплуатации². Данные понятия законодательно закреплены

© Б. А. Левитанус, О. В. Алехина, Л. А. Кучерова, 2015

¹ Электронный журнал «Время электроники» // Обзор рынка полупроводниковых устройств за 2011–2012. <http://www.russianelectronics.ru/leader-r/review/doc/59205/>

² Директива № 2012/19/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об отходах электрического и электронного оборудования (WEEE) (в новой редакции)» [рус. англ.].

и находятся в правовом обороте стран ЕС, тогда как на территории России нет соответствующих законодательных актов, регулирующих утилизацию отходов ЭЭО и закрепляющих вышеуказанные понятия, что является пробелом в правовом регулировании.

В Российской Федерации существует актуальная проблема утилизации отходов ЭЭО; такие отходы в большей своей части, а именно 80 %, подвергаются захоронению на полигонах, что в свою очередь негативно отражается в целом на экологии страны и в частности на состоянии земельного фонда РФ, озонового слоя РФ, водного фонда РФ, а также на здоровье и жизни людей, проживающих на территории РФ. Последствия обусловлены тем, что в составе ЭЭО содержатся такие вещества, как черный металл, алюминий, нержавеющая сталь, пластик, стекло и другие элементы, которые в случае их захоронения, в отличие от бытовых отходов, не подлежат разложению и ухудшают состояние земель, делая почву неплодородной и не пригодной для какого-либо иного целевого назначения. Помимо вышеуказанных элементов, в состав ЭЭО входят также кадмий, свинец, ртуть, бромированный пластик и некоторые другие элементы, которые представляют угрозу для окружающей среды, но в особенности для жизни и здоровья человека. Например, кадмий опасен для человека в любых формах, и доза в 30–40 мг смертельна³; свинец и ртуть, в свою очередь, отнесены к ряду высокоопасных и токсичных веществ, которые также при воздействии на организм человека в определенных дозах могут вызвать летальный исход либо в небольших дозах постепенно и систематически ухудшать состояние здоровья человека и других живых организмов в окружающей среде. Кроме того, в состав ЭЭО входят: золото, серебро, медь, палладий и другие элементы, представляющие собой в соответствии с законодательством РФ драгоценные металлы, которые, с точки зрения целесообразности, должны подлежать переработке для вторичного использования. Таким образом, выявляется проблема утилизации отходов электрического и электронного оборудования в связи с негативным влиянием на окружающую среду и на человека. В среднем за 2009 г. в мире образовалось около 50 млн тонн отходов ЭЭО, ежегодно этот показатель увеличивается, и в соответствии с прогнозами агентства ООН по промышленному развитию ЮНИДО к 2015 г. объем таких отходов достигнет до 150–250 млн тонн в год. Все это вызвано не только тем, что техника становится не пригодной к использованию в связи с истечением срока полезного использования, но и тем, что данный срок с каждым годом уменьшается, что обусловлено техническим прогрессом, за которым стремятся угнаться производители, и снижением уровня качества (так, например, на данный момент срок полезного использования ноутбука сократился до двух лет, аналогичная ситуация с мобильными телефонами).

В мировой практике сложилась политика переработки и вторичного использования отходов ЭЭО, переработка имеет свои плюсы с точки зрения не только экологического будущего планеты, но и экономического характера (экономия на вторичном сырье, на добыче полезных ископаемых и на производстве электронного и электрического оборудования в целом). В соответствии с данными о структуре утилизации отходов в разных странах, предоставленными Ассоциацией рециклинга, в странах ЕС захоронению подвергаются менее 40 % отходов, 20 % используются в генерации электроэнергии, 17 % подвергаются компостированию и 23 % проходят процедуру рециклинга; в Швеции, в свою очередь, захоронению подвергаются лишь 3 %, в генерации электроэнергии используются 52 %, компостированию подвергаются 13 %, а рециклингу – 32 %; для сравнения – в России 98 % отходов подвергаются захоронению, и лишь 2 % – рециклингу⁴.

Соответствующая ситуация происходит, в частности, и с отходами ЭЭО. Наглядным примером является деятельность такой крупной организации, как Apple Incorporated, – американской корпорации, которая является производителем персональных компьютеров,

³ Обзор проблемы загрязнения кадмием, свинцом и ртутью окружающей среды в России и Украине // <http://rudocs.exdat.com/docs/index-238204.html>

⁴ Калимуллин Т. Р. Международный и российский опыт рециклинга электроники // Семинар-совещание Аналитического центра при Правительстве «Вопросы утилизации отходов ЭЭО» // http://ac2012.infodesigner.ru/includes/periodics/all_news/2012/0403/11057437/detail.shtml

аудиоплееров, телефонов, программного обеспечения. В 2001 г. в США и Канаде была запущена первая программа Apple по утилизации. В рамках данной программы было переработано более 90 % (от общего веса) собранного электронного оборудования. Компания Apple придает большое значение сохранению окружающей среды, в частности, уделяя особое внимание правильной утилизации отслужившей электроники. Программы Apple по бесплатной утилизации компьютеров и плееров «iPod» в США помогли покупателям внести свой вклад в защиту природы. В США пользователям продукции Apple предлагается несколько вариантов утилизации плееров «iPod», компьютеров и мониторов. Теперь Apple расширила свою программу и предлагает бесплатную утилизацию старого компьютера при покупке нового Mac. Так, в США при покупке нового Mac в интернет-магазине Apple Online Store или в любом розничном магазине Apple пользователь получает право на бесплатную доставку и безопасную утилизацию старого компьютера. Таким образом, Apple Incorporated избавила городские свалки от 151 504 метрических тонн промышленных отходов, что исключило возможность негативного воздействия ЭЭО на окружающую среду⁵. Помимо данной организации в мировом масштабе действуют и иные компании, в том числе и те, которые занимаются переработкой как основным видом своей деятельности. На территории Российской Федерации существуют также организации по переработке отходов ЭЭО, в частности мобильные пункты приема вторсырья и центры по переработке отходов электронной и электротехнической продукции и отходов кино- и фотопроизводств. Данные пункты сконцентрированы в Московской области, в г. Москве и Санкт-Петербурге, но, к сожалению, судить об эффективности отечественных организаций сложно, так как отчеты об их деятельности не предоставлены. Например, в 2010 г. крупнейшая российская сеть магазинов бытовой техники и электроники «Эльдорадо» проводила акцию по утилизации ЭЭО. По итогам данной акции были представлены статистические данные, в соответствии с которыми объем принятой техники, бывшей в употреблении, составил 139 тыс. м³, что в количественном выражении составило 756 тыс. шт.⁶ К сожалению, «судьба» утилизированного оборудования неизвестна, в связи с чем нельзя оценить объективность данной акции. Далее обратимся к опыту северо-европейской компании Kuusakoski, которая является первопроходцем в области повторного использования материалов. В результате деятельности данной компании наблюдается рост экономии энергии, затрачиваемой на первичное производство, в размере 60–95 % в зависимости от продукции⁷, объем собираемого и перерабатываемого материала за 2009 г. в общей сумме составил примерно 2,5 млн тонн, что обуславливает эффективность и рентабельность использования вторичного сырья. Таким образом, можно сделать вывод, что проблеме утилизации ЭЭО и других отходов на территории РФ не уделяется должного внимания, в отличие от зарубежных стран, что вызывает неэффективность и малочисленность отечественных организаций, которые занимаются данным вопросом, и приводит к нерациональному использованию природных ресурсов. Данная проблема напрямую связана с низким уровнем развития научно-технического прогресса в области утилизации отходов ЭЭО.

Ознакомимся с самой процедурой переработки. Рециклинг – это процесс возвращения отходов, сбросов и выбросов в процессы техногенеза⁸. Иными словами, благодаря рециклингу можно повторно использовать отходы ЭЭО, получая вторичное сырье, что позволяет снизить стоимость производства, сэкономить на добыче и производстве первичного сырья и в то же время снизить уровень загрязнения окружающей среды и пагубного влияния

⁵ Официальный сайт Apple Incorporated // <http://www.apple.com/ru/environment/our-footprint/>

⁶ Семинар-совещание Аналитического центра при Правительстве РФ «Вопросы утилизации отходов электрического и электронного оборудования» // Поляков Н. В. Опыт проведения первой в России федеральной акции по утилизации бытовой техники и электроники // http://ac2012.infodesigner.ru/includes/periodics/all_news/2012/0403/11057437/detail.shtml

⁷ Официальный сайт – Kuusakoski // http://www.kuusakoski.ee/docs/Esileht_kuusakoskiEE_ru

⁸ ГОСТ 30772-2001. Межгосударственный стандарт. Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Термины и определения. М., 2002.

вредных веществ на жизнь и здоровье человека. Переход от наиболее простого способа утилизации путем захоронения к рециклингу перспективен с разных сторон: во-первых, развитие отрасли переработки; во-вторых, появление новых рынков; в-третьих, развитие научных исследований и разработок в области рециклинга и защиты окружающей среды; в-четвертых, рост занятости населения, появление новых рабочих мест. В целях утилизации отходов ЭЭО в мировой практике широко используются также генерация электроэнергии, сжигание или захоронение с получением энергии – технологии переработки отходов, когда при их сжигании вырабатываются тепло и электроэнергия⁹. Данный вид утилизации позволяет не только разгрузить полигоны, предназначенные для захоронения, обеспечить энергией промышленные или иные объекты и тем самым снизить нагрузку на энергодобывающую промышленность и сэкономить на производстве энергии, но и создать замкнутый, практически безотходный цикл использования ЭЭО. Помимо вышеуказанных способов утилизации отходов ЭЭО существует самый распространенный на территории России и самый опасный способ утилизации – захоронение. Захоронение отходов ЭЭО производится на специально оборудованных полигонах, которые представляют собой ограниченную территорию, предназначенную и специально оборудованную для захоронения отходов, с целью исключения воздействия захороненных отходов на незащищенных людей и окружающую природную среду. В российском законодательстве недостаточно урегулирован вопрос предоставления земельных участков под полигоны, лишь в Земельном кодексе РФ есть упоминание о том, что возможно предоставление земельных участков под полигоны, но ни вопрос оборудования полигонов, предназначенных для захоронения, ни вопросы санитарных норм для полигонов, предназначенных непосредственно под отходы ЭЭО, никакими нормативно-правовыми актами не урегулированы. Опыт европейских стран по оборудованию полигонов был частично воспринят в России, но даже оборудование полигонов полимерными противодиффузионными экранами не обеспечивает надежной защиты окружающей среды от неблагоприятного воздействия. Таким образом, существуют проблема утилизации отходов ЭЭО с точки зрения негативного влияния на окружающую среду, а также пробелы в правовом регулировании.

Процедура утилизации отходов электронного оборудования имеет свои особенности, соответственно деятельность организаций, занимающихся данной утилизацией, подпадает под действие специальных нормативно-правовых актов. Во-первых, в соответствии с Федеральным законом № 99 «О лицензировании отдельных видов деятельности» на осуществление деятельности по обезвреживанию и размещению отходов I–IV классов опасности требуется лицензия. В соответствии с Федеральным законом № 89 «Об отходах производства и потребления» отходы в зависимости от степени негативного воздействия на окружающую среду подразделяются на разные классы от чрезвычайно опасных до малоопасных отходов. Далее согласно Федеральному закону № 41 «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» организация, осуществляющая деятельность по обезвреживанию и размещению отходов, должна получить свидетельство о постановке на специальный учет в Российской государственной пробирной палате. Затем организация, получившая данную лицензию и вставшая на учет, осуществляет свою деятельность в соответствии с требованиями, указанными в «Методике проведения работ по комплексной утилизации вторичных драгоценных металлов из отработанных средств вычислительной техники», утвержденной Государственным комитетом Российской Федерации по телекоммуникациям от 19.10.1999 г. Исходя из того, что в ЭЭО содержатся драгоценные металлы, норма закона об обязательном учете по массе и качеству при добыче, производстве, использовании и обращении будет применима и к организациям, производящим и перерабатывающим ЭЭО. Также будет применяться Приказ Минфина РФ от 29.08.2001 г. № 68н «Об утверждении Инструкции о порядке учета и хранения драгоценных металлов, драгоценных камней, продукции из них и ведения отчетности при их производстве, использовании и обращении»,

⁹ Европейская практика обращения с отходами: проблемы, решения, перспективы. СПб., 2005. <http://www.waste.ru/uploads/library/wb2.pdf>

которая более детально регламентирует данную деятельность. Процесс утилизации ЭЭО берет свое начало с аудита. Аудит – это процедура оценки оборудования, предложенного к списанию и утилизации. В процессе аудита организация выявляет те единицы оборудования, которые подлежат утилизации. Что касается информации, содержащейся на электронных носителях, то ее уничтожение с данных носителей осуществляется двумя способами: первый способ – уничтожение конфиденциальной информации с помощью программных технологий, алгоритмы которых во многих странах стандартизованы (в Российской Федерации таким документом является ГОСТ Р 50739-95 Средства вычислительной техники. Защита от несанкционированного доступа к информации. Общие технические требования)¹⁰; второй способ – это физическое разрушение носителя информации. Соответственно, деятельность организаций, занимающихся утилизацией отходов ЭЭО, регламентирована лишь частично и не существует механизма контроля за их деятельностью.

С учетом всех вышеперечисленных способов и особенностей утилизации отходов ЭЭО необходимо также уделить внимание экономическому аспекту данной проблемы. В первую очередь это проблема распределения расходов на утилизацию между сторонами торгового оборота. В случае если организация-производитель самостоятельно осуществляет переработку, то было бы целесообразным расходы возложить на нее, а в случае если такой утилизацией занимается компания-партнер производителя, то частично расходы на утилизацию можно возложить на потребителя, на организацию-производителя и на организацию-переработчика. В мировой практике существуют разные примеры распределения расходов, по мнению авторов данной работы, наиболее эффективным будет пропорциональное распределение между всеми участниками циклического оборота. Кроме того, существует проблема окупаемости переработки. С учетом современных научных технологий на территории РФ в области рециклинга отходов ЭЭО расходы на переработку превышают доходы от нее, что в свою очередь свидетельствует о проблеме научно-технического развития в данной области. Соответственно, необходимо уделить внимание такому моменту, как налог на утилизацию. В числе налогов, входящих в налоговое бремя граждан РФ, существует такой вид налога, как утилизационный сбор: он взимается с собственников транспортных средств или производителей или импортеров, если транспортное средство ввозится на территорию РФ из иностранного государства, и покрывает расходы на утилизацию, но данный налог относится только к транспортным средствам, когда как в большинстве стран ЕС такой налог вводится и на ЭЭО, и на другие виды товаров, что решает проблему распределения расходов и обеспечивает гарантии и поддержку со стороны государства предприятиям, занимающимся переработкой отходов ЭЭО. Помимо этого, к экономическим аспектам проблемы утилизации отходов ЭЭО необходимо отнести очевидную экономическую выгоду, которая выражается в экономии на добыче и производстве первичных материалов. В такой ситуации производители уменьшают затраты на производство, соответственно, их прибыль увеличивается, и с учетом всего вышесказанного в итоге «выигрывает» потребитель, который приобретает товар по более низкой цене.

Подводя итог исследованию, сформулируем ряд предложений, которые, по мнению авторов, способны улучшить существующую ситуацию в сфере утилизации отходов электронного и электрического оборудования. Во-первых, необходимо законодательно закрепить понятие ЭЭО в соответствии со сложившейся мировой практикой, т. е. использовать понятие, содержащееся в Директиве ЕС «Об отходах электрического и электронного оборудования». Во-вторых, следует принять меры для экономического стимулирования деятельности рециклинговых организаций путем установления льгот в налогообложении, государственной поддержки в виде дотаций и субсидий. В-третьих, надо детально урегулировать правовое положение рециклинговых организаций. В-четвертых, необходимо принять

¹⁰ «Средства и системы охраняемые телевизионные. Классификация. Общие технические требования. Методы испытаний. ГОСТ Р 51558-2008» (утв. Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 17 декабря 2008 г. № 429-ст) // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=458008>

меры по распределению обязанностей по сбору, транспортировке, разбору и сортировке отходов ЭЭО между организациями-производителями, организациями-переработчиками, органами государственной власти и органами местного самоуправления. В-пятых, требуется ввести налог на утилизацию, его необходимо включить в стоимость товаров, что будет являться гарантией обеспечения экономического фундамента для деятельности рециклинговых организаций. В-шестых, необходимо закрепить обязанность по сортировке отходов как за гражданами, так и за организациями и обеспечить механизм реализации данных норм (создать подразделения и пункты приема ЭЭО, обеспечить стимулирование физических и юридических лиц к сортировке и правильной утилизации отходов ЭЭО). В-седьмых, следует создать орган государственной власти, который будет заниматься учетом отходов ЭЭО (организаций, производящих ЭЭО) и объемов их производства, а также контролем за утилизацией отходов ЭЭО и учетом данного вида деятельности.

Аннотация. Ежегодно усиливается тенденция усовершенствования электронной техники, современные устройства теряют свою актуальность день за днем. На рынке появляется все больше и больше новой продукции, конкуренцию которой уже не могут составить «вчерашние» изделия. Таким образом, возникает проблема утилизации не только той техники, которая выслужила свой срок полезного использования, но и той техники, которая еще пригодна к использованию, но «вышла из моды». Вся эта техника тем или иным образом подвергается утилизации, и уже в этот момент возникает проблема, которая непосредственно будет рассмотрена в данной статье, а именно проблема утилизации отходов электрического и электронного оборудования в разрезе экологического права.

Ключевые слова. Электронное и электрического оборудование, рециклинг, утилизация, отходы, директива.

Annotation. Annually the tendency of improvement of electronic equipment amplifies, modern devices lose the relevance day after day. In the market appears more and more new production with which “yesterday’s” products any more can’t compete. Thus, there is a problem of utilization not only that equipment which served the useful service, but also that equipment which is still suitable for use, but “got out of fashion”. All this equipment in one way or another is exposed to utilization, and already at this moment there is a problem which will be directly considered in this article, namely, a problem of recycling of the electric and electronic equipment in a section of the ecological right.

Keywords. Electronic and electricity equipment, recycling, waste, directive.

СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД И АЛГОРИТМИЗАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕТОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

SITUATIONAL APPROACH AND ALGORITHMIZATION OF ACTIONS IN USE OF OPPORTUNITIES OF EXPERT-CRIMINAL RECORDS IN AN INVESTIGATION OF PREVIOUS YEARS

Процесс расследования преступлений носит ярко выраженный информационный характер и представляет собой специфическую разновидность интеллектуальной деятельности. Для успешного решения задач, стоящих перед органами расследования преступлений, криминалистика должна активно разрабатывать научно обоснованные методики, рекомендации, направленные на повышение эффективности использования в раскрытии и расследовании преступлений, в том числе прошлых лет, криминалистически значимой информации, содержащейся в системе криминалистических учетов.

Проведенный анализ научных источников позволяет утверждать, что детальной проработке вопросов по использованию возможностей экспертно-криминалистических учетов при расследовании преступлений прошлых лет, на наш взгляд, не уделялось должного внимания. В криминалистической литературе имеются лишь рекомендации общего характера в рамках рассматриваемой проблемы, которые носят, скорее всего, ориентирующий характер или ограничиваются предписаниями в обязательности проведения дополнительных проверок по экспертно-криминалистическим учетам после приостановления предварительного следствия.

Апеллируя тем фактом, что конкретные методические рекомендации, основанные на базе криминалистических знаний, могут разрабатываться лишь применительно к типичным следственным ситуациям, одним из важных направлений в повышении эффективности раскрытия и расследования преступлений прошлых лет являются ситуационный подход и алгоритмизация действий по использованию возможностей экспертно-криминалистических учетов. Мы полностью поддерживаем мнение А. С. Шаталова о том, что разработка криминалистических алгоритмов и программ расследования преступлений отдельных видов или групп и сегодня остается одной из актуальных задач современной криминалистики¹.

В немногочисленных работах ученых-криминалистов, посвященных деятельности следователя по приостановленному делу, приводятся различные типичные следственные ситуации². Однако ни в одной из них не рассматриваются вопросы, затрагивающие специфические особенности использования актуально криминалистически значимой информации, содержащейся в экспертно-криминалистических учетах, как на стадии приостановления предварительного следствия, так и после его возобновления, не разработан алгоритм действий субъектов расследования преступлений в указанных ситуациях.

В разрезе рассматриваемой тематики нас в большей степени интересует типичная следственная ситуация, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого,

© А. В. Морозов, 2015

¹ Шаталов А. С. Криминалистическая алгоритмизация и программирование расследования преступлений как важнейшее направление совершенствования системы криминалистической методики // Информационный бюллетень Академии управления МВД России. 2000. № 10. С. 10–14.

² Быков В. М., Ломовский В. Д. Приостановление производства по уголовному делу. М., 1978. С. 15–16; Кулеева И. Ю. Правовое регулирование и криминалистическое обеспечение расследования нераскрытых

на стадии предварительного следствия не установлено. Иными словами, преступник не известен (информация о нем полностью отсутствует), а в материалах приостановленного уголовного дела в качестве вещественных доказательств фигурируют изъятые на стадии предварительного следствия следы, предметы, вещества, обладающие актуально криминалистически значимой информацией и являющиеся объектами экспертно-криминалистических учетов. Одним из первых, кто выявил наличие определенной взаимосвязи следственной ситуации и криминалистической регистрации, был С. А. Ялышев³. В дальнейшем вопрос о возможности использования криминалистически значимой информации, содержащейся в подсистемах криминалистической регистрации, с применением ситуационного подхода в установлении личности преступника был развит в работе Р. Е. Деминой. По ее мнению, которое мы полностью разделяем, криминалистические учеты способствуют положительному изменению следственной ситуации, помогая формировать данные о преступнике и моделировать механизм преступления⁴. От себя лишь добавим, что в первостепенном порядке это относится к системе экспертно-криминалистических учетов, в которой сосредоточена актуально криминалистически значимая информация об объектах учета, имеющих прямую причинно-следственную связь с событием преступления и которая позволяет в последующем неоднократно к ней обращаться. Помимо этого, из-за особенностей процессуального режима приостановления предварительного следствия (какие-либо следственные действия не допускаются) экспертные исследования в совокупности с проверками объектов по массивам экспертно-криминалистических учетов остаются, по сути дела, единственным эффективным инструментарием, который может положительным образом повлиять на процесс раскрытия и последующего расследования преступлений прошлых лет.

Предложенная нами для исследования типичная следственная ситуация охватывает значительное количество приостановленных уголовных дел, связанных с расследованием преступлений прошлых лет. Поэтому лица, проводящие по ним работу, решают круг практически одних и тех же задач и реализовывают один и тот же комплекс определенных действий. Следовательно, основываясь на системном подходе и используя научные знания по формированию, ведению и использованию экспертно-криминалистических учетов в раскрытии и расследовании преступлений, в том числе прошлых лет, а также обобщения имеющегося опыта практической деятельности, можно сформировать оптимальную последовательность действий субъектов расследования в конкретной следственной ситуации и изложить ее в виде криминалистического алгоритма для неоднократного применения.

Криминалистический алгоритм трактуется как научно обоснованное правило о выполнении в заданном порядке системы последовательных операций, рекомендуемых следователю, для решения задач определенного типа в ходе расследования преступлений⁵. Криминалистические алгоритмы могут включать в себя весьма разнообразный спектр рекомендованных действий, операций, предусматривать возможность возвратов, изменений, пропуска действий, циклов, выбора вариантов и т. п.

В создании типового алгоритма использования экспертно-криминалистических учетов как после приостановления предварительного следствия, так и после его возобновления первостепенная роль отводится содержащейся в них криминалистически значимой информации, которая вполне закономерно выступает в качестве исходных данных криминалистического алгоритма и одновременно является его конечным продуктом.

Получение достоверного результата при использовании алгоритма в практической деятельности ОВД при расследовании преступлений прошлых лет обеспечивается путем решения задач в определенной логической последовательности. Таким образом, алгоритм

преступлений прошлых лет. Дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2010. С. 109.

³ Ялышев С. А. Криминалистическая регистрация: проблемы, тенденции, перспективы. М., 1998. С. 104–108.

⁴ Демина Р. Е. Проблемы криминалистической регистрации и ее использование в расследовании преступлений. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 22.

⁵ Шаталов А. С. Проблемы алгоритмизации расследования преступлений. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2000. С. 126.

представляет собой древообразную структуру, в которой каждый логический блок содержит формализованные вопросы, предполагающие однозначные ответы («да» или «нет»). Ответы на предлагаемые вопросы направляют решение поставленной задачи по определенной ветви. При этом следует подчеркнуть, что решения, сформированные при помощи алгоритма, не обязательны к неукоснительному выполнению и носят рекомендательный характер.

Исходя из рассматриваемой следственной ситуации, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, на стадии предварительного следствия не установлено, т. е. преступник не известен (информация о нем полностью отсутствует), а в материалах приостановленного уголовного дела в качестве вещественных доказательств фигурируют изъятые на стадии предварительного следствия следы, предметы и вещества, являющиеся объектами экспертно-криминалистических учетов, типовой алгоритм использования криминалистически значимой информации при расследовании преступлений прошлых лет можно представить в виде следующей блок-схемы.

Первым шагом субъекта расследования является уяснение конкретной следственной ситуации по приостановленному уголовному делу и соотнесение ее с предлагаемым алгоритмом (блок 1). При полном их совпадении осуществляется переход к следующему блоку, предписывающему проведение анализа материалов приостановленного уголовного дела по преступлению прошлых лет с оценкой организации его экспертно-криминалистического сопровождения по расследуемому делу (блок 2). Обращаем внимание на обязательность привлечения к анализу материалов сотрудников ЭКП, специализирующихся на ведении конкретных ЭКУ.

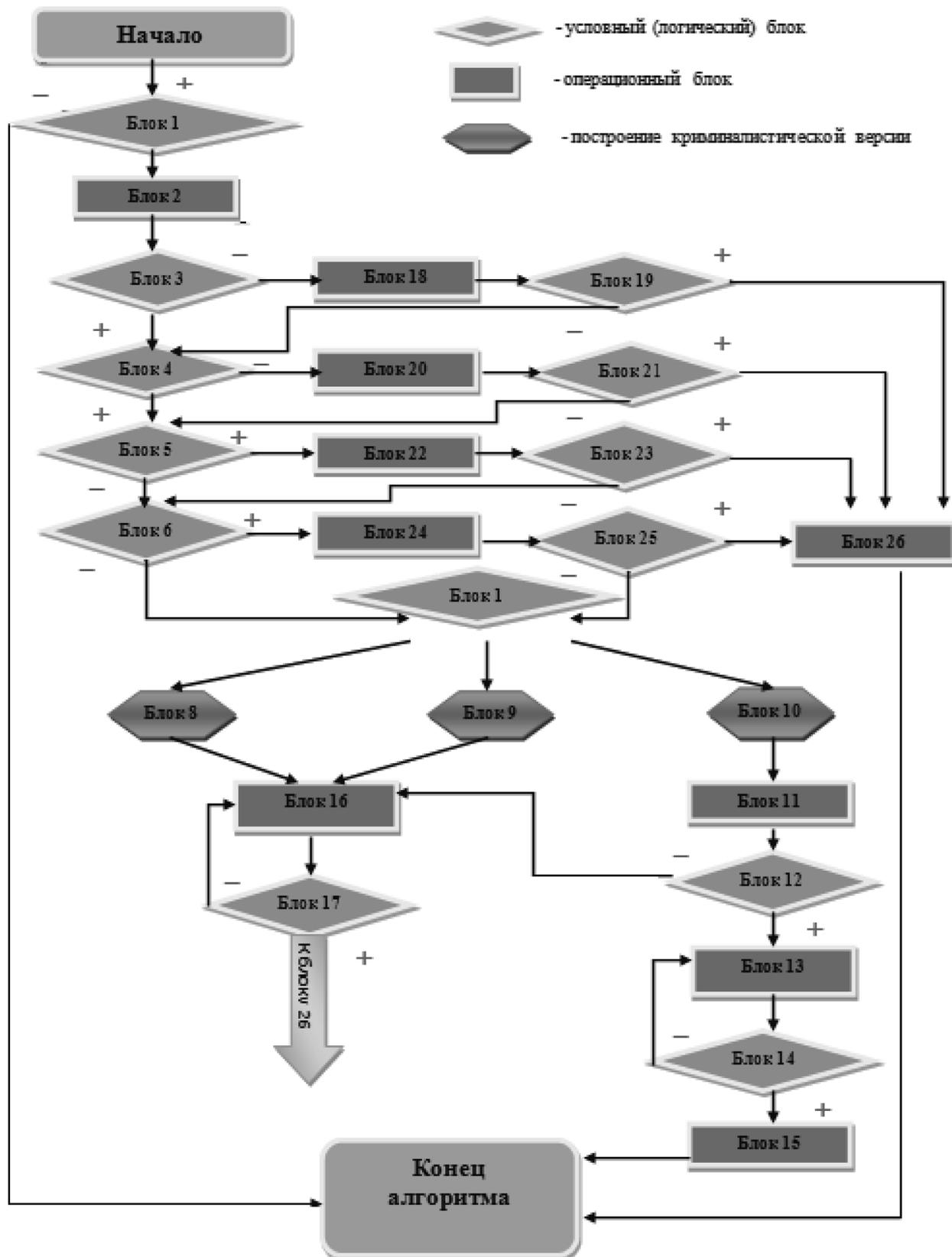
При работе с материалами приостановленного уголовного дела следует проверить, а при необходимости и установить ряд позиций, затрагивающих различные аспекты использования криминалистически значимой информации в раскрытии и расследовании преступления на стадии предварительного расследования, например, установить, направлялись ли на экспертные исследования все следы и другие предметы, являющиеся объектами ЭКУ (блок 3). Отрицательный ответ при этом требует выполнения конкретной операции – организации проведения экспертных исследований объектов ЭКУ, которые в ходе предварительного следствия не были исследованы, с последующей проверкой и постановкой их на соответствующий вид и уровень ведения ЭКУ (блок 18). При положительных результатах проверки по ЭКУ, когда установлено конкретное лицо (блок 19), алгоритм предписывает субъекту расследования принять все меры к возобновлению приостановленного предварительного следствия, организовать проведение комплекса следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление причастности лица, установленного с помощью ЭКУ, к совершению преступления, назначить необходимые судебные экспертизы, при задержании лица – организовать его дактилоскопирование, отбор образцов отпечатков подошв обуви, опознавательную фотосъемку, изъятие орудий и инструментов с последующим направлением их на проверку и постановку на соответствующие виды и уровни ведения ЭКУ (блок 26). Выполнение операций, предусмотренных этим блоком, приведет к завершению алгоритма.

Отрицательные результаты проверки по ЭКУ (блок 19), с одной стороны, и положительный ответ (блок 3) – с другой, предписывают осуществить переход к следующему логическому (блок 4) – установление факта проведения проверок объектов ЭКУ по информационным массивам с последующей постановкой на соответствующие уровни их ведения. Соответственно, при отрицательном варианте ответа (блок 4) следует провести соответствующие проверки по ЭКУ (блок 20) и, если результаты проверки (блок 21) будут способствовать установлению лица, выполнить переход к уже рассмотренному блоку 26.

Далее по аналогии проверяются следующие важные факты: устанавливались ли до приостановления предварительного следствия по ЭКУ лица, возможно, причастные к совершению преступления (блок 5), если да, то оцениваются ли объективность и качество их отработки на причастность к преступному деянию с осуществлением тщательных повторных проверок (блок 22). В зависимости от результатов проверки по ЭКУ (блок 23) происходит переход к блоку 26 или к логическому (блок 6), который предписывает установить, задерживались ли лица по подозрению в совершении преступления, а также была ли организована их проверка по ЭКУ, если нет, то принимается соответствующее решение.

Типовой криминалистический алгоритм использования ЭКУ при расследовании преступлений прошлых лет

Завершив анализ использования криминалистически значимой информации, содержащейся в материалах приостановленного уголовного дела, субъект расследования преступления прошлых лет, привлекая сотрудников ЭКП, приступает к разработке криминалистических версий, составлению планов дальнейшего расследования преступления, розыскных таблиц, информационных бюллетеней, конкретных практических рекомендаций с учетом имеющейся в его распоряжении криминалистически значимой информации (блок 7).

Итак, в рассматриваемой нами следственной ситуации могут иметь место три криминалистические версии. Первая из них и самая перспективная, на наш взгляд, версия о том, что лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого по расследуемому преступлению, продолжает совершать противоправные деяния, оставляя на местах совершения других преступлений свою следовую информацию, сведения о которой уже имеются в информационных массивах ЭКУ (блок 10). Для ее проверки рекомендуется организовывать проведение повторных проверок следов и других предметов, являющихся объектами ЭКУ, содержащихся в материалах приостановленного уголовного дела по соответствующим видам и уровням ведения ЭКУ, в том числе в близлежащих территориальных органах МВД России (блок 11).

В зависимости от результатов этих проверок (блок 12) необходимо либо принимать меры к соединению уголовных дел в одно производство и в рамках производства их расследования организовывать проведение полного комплекса следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление лица, совершившего преступление (блок 13), либо осуществлять в этих же целях комплекс только оперативно-розыскных мероприятий, и если в ходе их проведения будет получена новая криминалистически значимая информация – организовывать ее экспертное исследование с последующей проверкой по ЭКУ (блок 16).

Если результаты расследования соединенных уголовных дел (блок 14) приносят желаемый (должный) результат и конкретное лицо устанавливается, необходимо организовывать его дактилоскопирование, отбор образцов отпечатков подошв обуви, опознавательную фотосъемку, изъятие орудий и инструментов с последующим направлением их на проверку и постановку на соответствующий вид ЭКУ, назначать судебные экспертизы и проводить комплекс следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление причастности лица, установленного с помощью ЭКУ, к совершению преступлений (блок 15), что, в конечном счете, приведет к завершению алгоритма.

Как было уже отмечено, предлагаемый алгоритм имеет циклическую структуру, поэтому отдельные действия следует выполнять до тех пор, пока не будет достигнуто определенное условие, в нашем случае – установление конкретного лица. Например, другая ветвь (блока 14), содержащая отрицательный вариант ответа, требует возвращения к блоку 13 для продолжения проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление лица, совершившего преступление.

Две другие криминалистические версии представлены блоком 8 – лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого по расследуемому приостановленному уголовному делу, перестало совершать противоправные действия, и блоком 9 – лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, продолжает совершать противоправные действия, не оставляя на местах совершения преступлений свою следовую информацию. Они имеют достаточно простую структуру алгоритма использования криминалистически значимой информации, поэтому рассматриваются в общей совокупности и сводятся к действиям, изложенным в уже упоминавшемся блоке 16. Если результаты проверок по ЭКУ (блок 17) положительны, происходит переход к блоку 26, при отрицательном варианте ответ, когда лицо не установлено, – возврат к блоку 16.

Предложенный нами криминалистический алгоритм использования криминалистически значимой информации, содержащейся в ЭКУ, при расследовании преступлений прошлых лет ни в коем случае нельзя рассматривать как некую догму и безусловное предписание. Это всего лишь типизированные рекомендации субъектам расследования, предусматривающие выполнение ими в определенной последовательности тех или иных действий в конкретной следственной ситуации, которые могут привести к достижению конечной цели – установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого,

а в дальнейшем к доказыванию его причастности в совершении преступного деяния.

Представляется, что подобная алгоритмизация может быть применима и к другим подсистемам криминалистической регистрации (оперативно-справочным, оперативно-розыскным, справочно-вспомогательным учетам) и позволит субъектам расследования преступлений наиболее эффективно и качественно использовать криминалистически значимую информацию, содержащуюся в их информационных массивах, исключать пробелы и ошибки в решении криминалистических задач, систематизировать и оптимизировать свою непосредственную деятельность, направленную на раскрытие и расследование преступлений, в том числе прошлых лет.

Аннотация. Предметом проведенного исследования является круг объективных закономерностей, обуславливающих использование экспертно-криминалистических учетов при расследовании преступлений прошлых лет. Целью работы является разработка криминалистического алгоритма использования экспертно-криминалистических учетов при расследовании преступлений прошлых лет для применения его к типичной следственной ситуации, возникающей после приостановления предварительного следствия, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено, в материалах приостановленного уголовного дела в качестве вещественных доказательств фигурируют изъятые на стадии предварительного следствия следы, предметы и вещества, являющиеся объектами ЭКУ.

Актуальность рассмотренной в статье проблемы обусловлена отсутствием разработанного алгоритма использования криминалистически значимой информации, содержащейся в экспертно-криминалистических учетах при расследовании преступлений прошлых лет, который позволял бы субъектам расследования преступлений за минимальный временной промежуток определять наиболее рациональный способ действий.

Результаты работы позволили подготовить типизированные рекомендации, предусматривающие выполнение субъектами расследования в определенной последовательности конкретных действий в типичной следственной ситуации, которые могут привести к достижению конечной цели – установлению лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, а в дальнейшем к доказыванию его причастности в совершении преступного деяния.

Ключевые слова. Экспертно-криминалистические учеты, криминалистический алгоритм, следственная ситуация, расследование преступлений прошлых лет.

Annotation. The subject being analysed is a range of objective laws that stipulate use of expert-criminal records when investigating crimes from previous years. The work seeks to develop a forensic algorithm of using forensic records when investigating crimes from previous years to apply it to a typical investigative situation that arises after the preliminary investigation has been suspended, when the person to be indicted is not identified, and the suspended criminal case has such material evidence withdrawn during the preliminary investigation as traces, items, and substances being objects of expert-criminal records.

The importance of the problem discussed in the article stems from the lack of developed algorithm of using information of criminalistics interest contained in criminal records of crimes from previous years, that could enable the investigating parties to find the most rational course of action within the smallest timeslot.

The results of the work allowed preparation of typed references, enabling investigating parties to perform sequences of particular actions in a typical investigative situation that can lead to the final objective of establishing identity of the person to be indicted, and further proving his involvement in committing the act of crime.

Keywords. Expert-criminal record, criminal algorithm, investigative situation, investigating crimes from previous years.

БЕЗНАЛИЧНЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА: ПРОТИВОРЕЧИЯ В ТЕОРИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ДО И ПОСЛЕ ВНЕСЕНИЯ В ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

CASHLESS MONEY RESOURCES: CONTROVERSY IN THEORY AND LEGISLATION BEFORE AND AFTER THE INTRODUCTION IN THE CIVIL CODE OF RUSSIAN FEDERATION

До недавнего времени среди перечня объектов гражданских прав, предусмотренных ст. 128 ГК РФ, законодатель не различал наличные и безналичные денежные средства, причем в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ) указывалось общее понятие «деньги», которые относились к движимым вещам на основании ст. 130 ГК РФ.

Вместе с тем состав понятия денег в ГК РФ не был определен, как не определен и на настоящий момент. Этот термин неоднозначно применялся и применяется законодателем во всем ГК РФ наравне с понятиями «денежная сумма» (например, п. 5 ст. 63, п. 4 ст. 262, п. 2 ст. 327, п. 1 ст. 330 ГК РФ) и «денежные средства» (п. 4 ст. 63, п. 1 ст. 395, п. 2 ст. 810, ГК РФ). При этом нельзя сказать, что, используя само понятие «деньги», законодатель понимает под ним исключительно наличные деньги, которые отнесены к составу вещей. Например, в п. 1 ст. 223 ГК РФ очевидно, что в качествеклада могут рассматриваться исключительно наличные деньги, поскольку обнаружить «зарытые в земле или сокрытые иным способом» записи по счетам в банках невозможно. Однако уже в ст. 227 ГК РФ указано, что деньги, вырученные от продажи найденной вещи, подлежат возврату лицу, управомоченному на ее получение. Поскольку вырученные от продажи вещи денежные средства могут быть переданы как в наличной форме, так и зачислены на открытый в кредитной организации счет управомоченного лица, то понятие «деньги» объединяет в себе и наличные деньги, и записи по банковским счетам при проведении безналичных расчетов. Аналогичная ситуация имеет место при рассмотрении ст. 327 ГК РФ, указывающей, что должник вправе внести причитающиеся с него деньги или ценные бумаги в депозит нотариуса. Поскольку действующее законодательство не запрещает вносить денежные средства в депозит нотариуса путем безналичного перечисления, в состав понятия «деньги» входят и остатки на счетах должника в банке, которые он может использовать для перечисления на депозитный счет нотариуса.

Относительно используемого законодателем словосочетания «денежная сумма» стоит отметить, что оно также неоднозначно. В одном случае под денежной суммой понимается именно количество денег, подлежащих передаче управомоченному лицу, как, например, в п. 5 ст. 63 ГК РФ. Однако в других ситуациях понятие «денежная сумма» заменяет собой понятие «деньги», как, например, в п. 2 ст. 327 ГК РФ и ст. 87 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате². Точно такая же ситуация имеет место в п. 1 ст. 834 ГК РФ.

Термин «денежные средства» также очень широко используется в ГК РФ. При этом именно понятие «денежные средства», а не «деньги» применяется к остаткам по счетам при регулировании расчетов и договоров банковского счета и банковского вклада в соответствующих главах. Однако в то же время нельзя говорить, что в ст. 395 ГК РФ, регулирующей ответственность за неисполнение денежного обязательства, законодатель под денежными средствами понимает исключительно остатки на счетах в банках, ведь денежное обязательство может подлежать исполнению как в наличной, так и в безналичной форме.

Вместе с тем в ст. 128 ГК РФ до внесения в него изменений Федеральным законом от 02.07.2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»³ (далее – Федеральный закон от 02.07.2013 г. № 142-ФЗ) денежные средства в качестве объекта гражданских прав не указывались, что повлекло возникновение следующей противоречивой ситуации: с одной стороны, в составе объектов гражданских прав были указаны деньги, на которые за некоторыми нормативно закрепленными исключениями, обусловленными экономической природой денег, распространялся режим вещей; с другой стороны, понятия «безналичные деньги» законодатель нигде не использовал, указывая лишь на некие «денежные средства», которые подлежат внесению на счет вкладчика, зачислению на счет и перечислению со счета клиента кредитной организации. В связи с этим было непонятно, распространялся ли режим вещей на денежные средства, когда последние использовались при безналичных расчетах в качестве остатков по счетам.

В то же время, как уже было указано выше, в отдельных статьях ГК РФ деньги и денежные средства законодатель использовал в качестве синонимов для определения группы объектов гражданских прав, выполняющих функции денег. Из этого можно было сделать вывод о том, что денежные средства, которые зачисляются на счета в кредитных организациях, также являются деньгами и относятся к вещам и к ним применимы нормы вещного права.

В результате, анализируя одни и те же нормы ГК РФ до внесения в него изменений Федеральным законом от 02.07.2013 г. № 142-ФЗ, цивилисты приходят к совершенно противоположным выводам. Например, из совокупности норм ст. 128 и 140 И. Оськина и А. Лупу указывают на то, что хотя безналичные деньги не существуют реально в форме вещи, они таковыми признаются на основании норм действующего законодательства⁴.

В. Н. Сидорова и Ю. С. Соловаров на основании анализа тех же норм ГК РФ делают совершенно противоположный вывод. По их мнению, законодатель разграничивает деньги как объекты гражданских прав, под которыми подразумеваются наличные деньги (ст. 128 ГК РФ) и «формы расчетов по исполнению (оплате) денежных обязательств»⁵ (ст. 140 ГК).

При этом как вопрос о том, уместно ли вообще использование понятия безналичных денег, так и вопрос о том, что представляют собой остатки на счетах в кредитных организациях, давно является дискуссионным в цивилистической теории.

Еще в советский период существовали два основных подхода к денежным средствам на банковских счетах.

Первый из них – противопоставление остатков на счетах наличным денежным средствам на основании того, что последние находятся в кредитной организации и понимаются как обязательства банка, являясь собственностью последнего⁶, и право требования к нему, зависящее от платежеспособности кредитной организации⁷.

Второй – отсутствие различий между наличными и безналичными денежными средствами как средством платежа. На основании данного подхода О. С. Иоффе указывал, что предметом договора банковского счета является движение денег, которые находятся на счете, а не прав требования к банку⁸. В развитие данной теории О. А. Красавчиков при-

³ СЗ РФ. 2013. № 27. С. 34.

⁴ Оськина И., Лупу А. Могут ли деньги быть залогом? // ЭЖ-Юрист. 2012. № 2.

⁵ Сидорова В. Н., Соловаров Ю. С. О вещных и обязательственных правах вкладчиков банка // Юрист. 2012. № 20.

⁶ Халфина Р. О. Право личной собственности граждан СССР. М., 1955. – По мнению данного автора, «вклады граждан составляют основной вид средств Гострудсберкасс, которыми последние свободно распоряжаются в соответствии с действующим законодательством».

⁷ Луц Л. А. Денежное обязательство в гражданском и коллизионном праве капиталистических стран // СПС «КонсультантПлюс». – Л. А. Луц рассматривал безналичные расчеты в капиталистических странах, понимая их как передачу кредитору требования к банку «вместо наличных денег», которое зависит от платежеспособности банка.

⁸ Агарков М. М. Основы банковского права. Курс лекций. 2-е изд. М., 1994; Иоффе О. С. Обязательственное право. М., 1975. – Хотя в упомянутой работе О. С. Иоффе не исследует правовую природу безналичных денег, однако он не делает различия в наличных и безналичных деньгах относительно выполняемых ими функций в гражданском обороте и роли в формировании имущества юридического лица, а также при использовании в расчетах.

равнивал, хоть и с оговоркой, расчетные счета к «банковской кассе безналичных денег», подчеркивая, что через расчетные счета под контролем банка осуществляется оборот денег⁹. В. П. Грибанов указывал, что находящаяся во вкладе денежная сумма выполняет все функции денег и является вещью особого рода¹⁰.

Стоит отметить, что отдельные цивилисты, придерживаясь первой теории, обосновывали и вторую. Так, Л. А. Лунц, будучи сторонником разделения денежных средств и остатков по счетам, отмечал, что безналичный платеж погашает денежное обязательство. Данное положение в совокупности с понятием Л. А. Лунца о платежном средстве указывало, что остатки на счете, так же как и деньги, являются платежным средством, а не противостоят одни другим.

В постсоветский период с появлением коммерческих негосударственных банков и в связи со стремительным развитием безналичных расчетов не только между юридическими лицами, но и с участием физических лиц, вопросы о том, что же представляют собой остатки по счетам, являются ли они денежными средствами и возможно ли использование понятия «безналичные деньги», встали с новой остротой.

С 1990-х гг. велась полемика о том, распространяется ли на остатки по счетам категория вещей, либо они являются правами требования.

Сторонники первой теории распространяют так или иначе на безналичные денежные средства категорию вещей, вплоть до возможности являться объектами вещных прав. При этом авторы указывают, что остатки на счетах отвечают всем признакам, присущим наличным деньгам, ввиду того, что на сегодня стоимость бумажных денег определяется исключительно указанием уполномоченного органа, утратив свое классическое понимание¹¹. Денежные средства на счете рассматриваются в рамках данной теории либо как юридическая фикция¹², либо как бестелесное имущество¹³.

В качестве обоснования применения вещно-правового режима к денежным средствам на счете интересна позиция В. Н. Сидоровой и О. Анциферова, которые указывают на индивидуализацию коммерческой организацией денежных средств, в связи с чем сумма во вкладе (на счете) может быть признана индивидуально-определенным имуществом, выделяясь из массы иного имущества по наименованию и номеру кредитного учреждения, номеру лицевого счета, персональным данным вкладчика, сумме вклада, характеру распределения денежных средств со вклада и т. д.¹⁴

Такое мнение не лишено оснований. В частности, можно провести аналогию с земельным участком. Объектом гражданского оборота и вещных прав становится лишь земельный участок, идентифицированный определенным образом, зачастую при помощи специального учета в уполномоченном органе на основании Федерального закона от 24.07.2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости»¹⁵, а не универсальное понятие «земля». Аналогично и безналичные денежные средства вступают в гражданский оборот

⁹ Красавчиков О. А. Советское гражданское право. В 2 т. Т. 2. М., 1968. С. 303.

¹⁰ Грибанов В. П. Границы свободы завещания вкладов // Советское государство и право. 1968. № 3. С. 113–117.

¹¹ Ефимова Л. Г. Правовые проблемы безналичных денег // Хозяйство и право. 1997. № 1; Трофимов К. Безналичные деньги. Есть ли они в природе? // Там же. № 3; Сидорова В. Н. Проблемы правового режима безналичных денег: соотношение вещных и обязательственных прав // Банковское право. 2007. № 5; Анциферов О. О гражданско-правовой природе безналичных денег // Адвокат. 2008. № 2; Олейник О. М. Банковское право. М., 1997.

¹² Ефимова Л. Г. Правовые проблемы безналичных денег // Хозяйство и право. 1997. № 1; Комментарий ГК РФ / под ред. П. В. Крашенинникова, автор главы Б. М. Гонгалло // СПС «КонсультантПлюс». – В то же время позиция Б. М. Гонгалло отличается от рассматриваемой теории, поскольку, по его мнению, по поводу вклада могут складываться лишь обязательно-правовые отношения.

¹³ Сидорова В. Н., Соловаров Ю. С. О вещных и обязательственных правах вкладчиков банка; Сидорова В. Н. Проблемы правового режима безналичных денег: соотношение вещных и обязательственных прав; Анциферов О. О гражданско-правовой природе безналичных денег.

¹⁴ Сидорова В. Н. Проблемы правового режима безналичных денег: соотношение вещных и обязательственных прав; Анциферов О. О гражданско-правовой природе безналичных денег.

¹⁵ СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4017.

лишь после их «идентификации» банком или коммерческой организацией на конкретном счете с определенными реквизитами.

Сторонники второго подхода к правовой природе безналичных денежных средств рассматривают остатки по счетам в качестве прав требования к банку или иной кредитной организации, отношения по поводу которых носят обязательственный характер¹⁶.

В результате такого понимания безналичных денежных средств цивилисты, придерживающиеся данной теории, указывают на то, что средством платежа при безналичных расчетах служат не деньги, а имущественные права требования к банку. При этом проведение расчетов понимается в качестве особого случая перехода прав кредитора к иному лицу на основании закона согласно ст. 387 ГК РФ¹⁷.

Общим в указанных двух подходах является то, что сторонники и той, и другой теории относят безналичные денежные средства к имуществу, однако либо вместе с наличными деньгами к составу вещей¹⁸, либо к иному имуществу¹⁹.

Сформировавшиеся проблемы в рамках определения правовой природы безналичных денег нашли свое отражение не только в теоретических дискуссиях, но и в программах изменения гражданского законодательства. При этом взгляды составителей проектов были подвержены постоянным изменениям.

Так, в п. 3.2 Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации предлагалось «уточнить положения ст. 128 ГК РФ о таких объектах гражданских прав, как деньги и ценные бумаги. В частности, необходимо указать на то, что к безналичным денежным средствам и бездокументарным ценным бумагам могут применяться правила о вещах, если иное не установлено законом, иными правовыми актами и не вытекает из существа названных объектов»²⁰. Фактически члены Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, принимавшие участие в одобрении концепции, приняли рассмотренную выше теорию фикции, распространив на безналичные денежные средства и ценные бумаги правовой режим вещей.

Однако уже в представленных в ноябре 2010 г. на открытое обсуждение во исполнение Указа Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» Проектах изменений в разделы I, II, III, VI, VII Гражданского кодекса «взяла верх» абсолютно противоположная теория. Так, предлагалось применить к безналичным денежным средствам и бездокументарным ценным бумагам правила об обязательствах, если иное не предусмотрено нормативно-правовыми актами и не противоречит существу указанных объектов²¹.

В 2012 г. позиция законодателя снова кардинально изменилась. Был опубликован Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Проект Федерального закона № 47538-6). Согласно указанному проекту снова предлагалось приравнять безналичные

¹⁶ Новоселова Л. А. Проценты по денежным обязательствам. М., 2003 (Электронный ресурс: <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=455>); Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Т. 5 // СПС «КонсультантПлюс»; Российское гражданское право. В 2 т. Т. II / под ред. Е. А. Суханова. М., 2011; Крылов О. М. К вопросу о правовой категории «деньги» // Налоги. 2011. № 7.

¹⁷ Российское гражданское право. В 2 т. Т. II / под ред. Е. А. Суханова С. 974.

¹⁸ Сидорова В. Н., Соловаров Ю. С. О вещных и обязательственных правах вкладчиков банка; Сидорова В. Н. Проблемы правового режима безналичных денег: соотношение вещных и обязательственных прав; Анциферов О. О гражданско-правовой природе безналичных денег.

¹⁹ Новоселова Л. А. О правовой природе средств на банковских счетах // Хозяйство и право. 1996. № 7; Оныхтина Е. Г. Денежные средства кредитных организаций // Банковское право. 2009. № 5.

²⁰ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

²¹ http://www.arbitr.ru/_upimg/F1D1873F3B7610EA129A1457192E2435_%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D0%B5%D0%BBI.pdf

денежные средства и бездокументарные ценные бумаги к имуществу, не распространяя, однако, на них режим вещей²². Именно в таком понимании в настоящее время состав объектов гражданского права закреплен в ст. 128 ГК РФ: к объектам гражданских прав относятся вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Таким образом, законодатель встал на сторону цивилистов, рассматривающих остатки по счетам в качестве имущества, не распространяя на безналичные денежные средства правового режима вещей. Безусловным преимуществом является тот факт, что было введено понятие «безналичные денежные средства», что позволяет говорить о том, что остатки на счетах признаны законодателем в качестве законного платежного средства и выполняют функции денег. Однако нельзя сказать, что такой подход разрешил стоящие перед теорией и практикой вопросы.

Так, непонятно, рассматриваются ли безналичные денежные средства в качестве имущественных или обязательственных прав, либо являются совершенно новым видом имущества. Отсутствие определенности в отношении правовой природы безналичных денежных средств после внесения рассматриваемых изменений отмечает и С. Гришаев²³.

В частности, непосредственно ст. 128 ГК РФ не относит остатки на счетах к имущественным правам. В то же время бездокументарные ценные бумаги, которые также отнесены законодателем теперь к составу иного имущества, в соответствии со ст. 142 ГК РФ представляют собой обязательственные и иные права. Соответственно, будучи причисленным к составу иного имущества, безналичные денежные средства, так же как и бездокументарные ценные бумаги, могут пониматься как имущественные или обязательственные права.

Кроме того, установив категорию безналичных денежных средств в качестве иного имущества, с еще большей остротой встала проблема определения понятия «имущество», которое также на протяжении всего ГК РФ и принятых в соответствии с ним федеральных законов подразумевает разный состав.

В связи с этим продолжает оставаться открытым вопрос о возможности распространения на безналичные денежные средства права собственности и иных вещных прав, а также права залога²⁴, поскольку в соответствующих главах ГК РФ законодатель использует понятие «имущество». В то же время цивилистическая теория признает существование права собственности лишь на индивидуально-определенные вещи.

Решение данной проблемы представляется в указании непосредственно в главах ГК РФ, посвященных вещным правам и праву залога, распространяются ли их нормы на безналичные денежные средства. В отношении вещных прав такое решение проблемы намечено в Проекте Федерального закона № 47538-6. Согласно ст. 222 указанного Проекта объектами вещных прав являются вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги. Вещи, определяемые родовыми признаками, становятся объектами вещных прав при их индивидуализации. Иное имущество и имущественные права к составу объектов вещных прав не отнесены.

В Федеральном законе от 21.12.2013 г. № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу от-

²² СПС «КонсультантПлюс».

²³ Гришаев С. Деньги как объект гражданских прав: изменения в законодательстве // Хозяйство и право. 2014. № 2.

²⁴ Интересно отметить, что залог денежных средств в определенный период развития российского законодательства использовался в административном праве. Так, в соответствии со ст. 340 Таможенного кодекса Российской Федерации от 28.05.2003 № 61-ФЗ (ТК РФ) в редакции от 30.12.2008 денежный залог являлся способом обеспечения уплаты таможенных платежей. Согласно ст. 345 ТК РФ внесение денежных средств в кассу или на счет таможенного органа в качестве обеспечения уплаты таможенных платежей (денежный залог) производится в валюте Российской Федерации или в иностранной валюте, курс которой котируется Центральным банком Российской Федерации. Таким образом, фактически допускался залог безналичных денежных средств. Однако в действующем таможенном законодательстве понятие денежного залога отсутствует.

дельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации»²⁵, которым были внесены существенные изменения в регулирование правоотношений залога, не определено, входят ли безналичные денежные средства в состав того имущества, которое может являться предметом залога. Однако законодатель в ст. 358.9–358.14 предусмотрел возможность залога прав по договору банковского счета. Исходя из анализа указанных норм, можно говорить о том, что фактически речь идет о правовом режиме нового вида банковского счета – залогового, а безналичные денежные средства полностью приравниваются к имущественным правам. Вопрос о том, могут ли быть предметом залога непосредственно безналичные денежные средства на конкретном (но не залоговом) счете, напрямую не разрешен. Однако ввиду выделения отдельно норм залога прав по договору банковского залогового счета ответ на этот вопрос представляется отрицательным.

Кроме того, несмотря на то что законодателем было введено понятие «безналичные денежные средства», это не решило проблему различного понимания терминов «деньги», «денежная сумма» и «денежные средства». Наиболее логичным представляется следующее решение данного вопроса. Поскольку на настоящий момент ни наличные деньги, ни остатки по счетам не отвечают классическому понятию денег, так как выражают лишь номинальную стоимость, а сами по себе ценности не имеют, для их совместного обозначения целесообразно использовать понятие «денежные средства», приравняв его к юридической категории законного платежного средства.

Понятие платежного средства было известно еще в дореволюционной цивилистике. Так, еще М. Литовченко указывал, что государство признает деньги единой ценностью всех благ и всеобщим платежным средством, поскольку в них оценивается стоимость всех вещей, ими производится удовлетворение по любым обязательствам, хотя бы их изначальным предметом и не выступали деньги. Именно в качестве платежного средства, признаваемого законом и регулируемого им, деньги являются деньгами в правовом смысле²⁶.

Наиболее подробно вопрос о платежном средстве позднее исследовал Л. А. Лунц. В своей работе «Деньги и денежные обязательства» он разделил такие понятия, как «орудие обращения», которое формируется гражданским оборотом, и «законное платежное средство», которое создает государство²⁷. Основанием для такого вывода послужил тот факт, что исключительно закон не может создать орудие обмена, поскольку покупательная (меновая) сила денег является результатом комплексного взаимодействия персональных оценок всех участников гражданского оборота, хотя государство и оказывает на такую способность денег сильное влияние.

Платежное средство Л. А. Лунц определяет как «предмет, служащий универсальным суррогатом исполнения имущественных обязательств», то имущество, которое погашает «любой денежный долг – как перед кредитором по гражданско-правовому обязательству, так и перед самим государством»²⁸. В качестве особенности денежных обязательств, с которой нельзя не согласиться, автор выделяет тот факт, что физические и ценностные свойства денежного знака сами по себе не принимаются во внимание при осуществлении и приеме платежей. Главным, что служит основанием для принятия денежного знака к платежу, является отношение данного знака к счетной денежной единице, которой в России является рубль. В связи с этим на сегодняшний день денежное обязательство направлено не на предоставление конкретного количества определенных денежных знаков, а на предоставление денежных знаков в определенной сумме денежных единиц²⁹.

С этим нельзя не согласиться. Так, указывая стоимость товара, услуги или иного предмета обязательства, кредитор и должник имеют в виду именно определенную сумму, выражающуюся в цифровой форме, а не конкретное количество бумажных или металлических денежных знаков. В связи с этим остатки на счетах в банках, так же как и наличные деньги,

²⁵ СЗ РФ. 2013. № 51. Ст. 6687.

²⁶ Литовченко М. Деньги в гражданском праве. Киев, 1887. С. 7–8.

²⁷ Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸ Новоселова Л. А. О правовой природе средств на банковском счете // Хозяйство и право. 1996. № 7.

²⁹ Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве.

а зачастую в большей степени, отражают понимание меновой стоимости и эквивалента для участников гражданских правоотношений, что особенно существенно для договоров, предметом которых служит крупная денежная сумма.

В связи с этим представляется необоснованной позиция Л. А. Новоселовой и Е. А. Суханова о том, что безналичные расчеты не рассматриваются законодателем в качестве законного платежного средства, и, по общему правилу, такие платежи могут погашать денежное обязательство только при выраженном в любой форме согласии кредитора (например, при указании на бланке или в реквизитах договора информации о номере счета и банке)³⁰.

Так, нормы действующего законодательства не устанавливают никаких запретов на безналичные расчеты независимо ни от субъектного состава, ни от суммы платежа. Более того, в отдельных предусмотренных законодательством случаях расчеты могут осуществляться исключительно в безналичном порядке. Например, из п. 6 Указания ЦБ РФ от 07.10.2013 г. № 3073-У «Об осуществлении наличных расчетов»³¹ следует, что в случае расчетов между юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, такая сумма в рамках одного договора не должна составлять более 100 000 рублей. В такой ситуации, как уже было указано выше, не может идти речь о согласии кредитора на принятие исполнения путем безналичного перечисления. Более того, стороны в договорах вправе выбирать более удобную для них форму расчетов: наличными или безналичными денежными средствами.

Таким образом, при необходимости указания на законное платежное средство как источник погашения денежных обязательств в какой бы то ни было форме имеет смысл использовать термин «денежное средство», а применительно к конкретным нормам права (о банковском вкладе, о банковском счете, о кладе) уточнять, на какую форму денежных средств, наличную или безналичную, данная норма права распространяется.

Аннотация. В статье рассматриваются имеющиеся в действующем Гражданском кодексе противоречия относительно использования терминов «деньги», «денежные средства» и «денежная сумма». Также проанализированы имеющиеся теоретические подходы к пониманию безналичных денежных средств и нововведения относительно данного вопроса в Гражданском кодексе. На основании проведенного исследования сделана попытка разрешить имеющиеся в гражданском законодательстве противоречия.

Ключевые слова. Деньги, безналичные денежные средства, изменения в Гражданском кодексе Российской Федерации, платежное средство.

Annotation. The article considers available in the Civil Code controversy regarding the use of the terms «money», «monetary funds» and «amount of money». Also analyzed the existing theoretical approaches to the understanding of non-cash and innovations regarding this issue in the Civil Code. According to the research made an attempt to resolve the existing contradictions in the civil law.

Keywords. Money, cashless money, changes in Civil Code of the Russian Federation, means of payment.

³⁰ Российское гражданское право. В 2 т. Т. II / под ред. Е. А. Суханова. С. 974; Новоселова Л. А. О правовой природе средств на банковском счете.

³¹ Вестник Банка России. 2014. № 45.

А. В. Павлова
A. V. Pavlova

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ В СИБИРЬ И ТУВУ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

LEGAL ASPECTS OF RESETTLEMENT IN SIBERIA AND TUVA IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

Введение. В последние годы для России как для многонациональной страны стали характерны случаи многочисленных межэтнических конфликтов. Конфликтные настроения связаны как с экономическими, так и с социальными, территориальными, языковыми, иными причинами. Защита культурного многообразия различных народностей, проживающих на территории Российской Федерации, является сложной правовой проблемой. В настоящее время Конституция России гарантирует каждому право на выбор места пребывания и места жительства в Российской Федерации. В нашей стране действует институт регистрационного учета, основы которого были заложены в первые годы XX в. Для полноценной реализации гражданами своего права на свободу выбора места жительства и пребывания необходимо совершенствовать законодательство о регистрационном учете, устранить существующие противоречия в российском миграционном законодательстве. **Цель:** решение этой проблемы является насущной, поскольку какими бы причинами межэтнические конфликты ни были вызваны, они способствуют нарушению законодательства и прав граждан. Сегодняшние ориентиры должны быть направлены на совершенствование организации и повышение эффективности деятельности органов внутренних дел, в рамках обеспечения соблюдения мигрантами паспортно-регистрационного режима. **Методы:** методологическую основу исследования составляют диалектический метод научного познания, а также общенаучные и частно-научные методы. При исследовании аспектов правового регулирования переселений использовались исторический, нормативный методы. **Результаты:** рассмотрение историко-правового опыта миграционных процессов, анализ института регистрационного учета на территории Сибири и Тувы в первые годы XX в. позволят выработать основные направления к решению межэтнических конфликтов, поскольку формирование правового сознания и решение современных проблем мигрантов невозможно без осмысления и оценки исторического прошлого. **Выводы:** позитивный опыт прошлого, касающийся приживаемости переселенцев, порядка их въезда и выезда, регистрации на новой территории, сформированный в первые годы прошлого столетия, может быть востребован и в наши дни, с поправкой на современность.

Слабая хозяйственная освоенность территорий Сибири явилась причиной переселений в этот регион в конце XIX – начале XX в. На протяжении долгого времени миграция в Сибирь носила незначительный характер. Переселения в начале XX столетия явились преобладающим источником прироста городского населения в большинстве экономических районов России. В Сибири же в силу меньшего объема миграционного притока, а также его сокращения в отдельные периоды времени миграция имела меньшее значение в этом приросте. Вместе с тем в тех районах Сибири, где наблюдался рост индустриального развития, роль миграций являлась решающей в формировании населения.

Для Тувы как для приграничного региона, расположенного на границе с Монголией, был характерен не только территориальный фактор, но и геополитическое значение, а также наличие особенностей экономического и природного характера. Истоки миграции в Туву связаны с процессами переселения русских крестьян из близлежащего Усинского края примерно в 1838 г. В указанный период Урянхайский край (официальное название Тувы до 1921 г.) насчитывал 116 населенных пунктов. Русскоязычное население составляло около 2 тысяч человек.

Как следует из архивных данных, переселения в Туву в конце XIX – первые годы XX в. были связаны с наличием в Туве свободных земель и лесов, которыми можно было пользоваться беспоплавно, в то время как на границе Сибири и Тувы – в Минусинском уезде в этом отношении имелись трудности, связанные в том числе с приобретением леса для строительства и для топлива¹. Таким образом, основной категорией переселенцев на территорию Тувы в начале XX в. были русские крестьяне, казаки и торговцы. Начиная с первых лет XX в. для Тувы стали характерными более стабильные миграционные процессы, результатом которых явились переселения целыми семьями. Территориальные перемещения русского населения в Сибирь и Туву были вызваны как личными, так и государственными интересами, указанные перемещения способствовали изменению социально-правового статуса русских переселенцев.

В 1924 и 1926 гг. А. К. Львовым и М. Г. Сафьяновым были рассмотрены географическое и международное положение Урянхайского края, а также численность русского населения в Туве в начале XX в. Так, по данным А. К. Львова (со ссылкой на Танну-Тувинское правительство), в период с 1921 по 1922 г. в Урянхае проживало 18 тыс. русских переселенцев². По данным М. Г. Сафьянова, в период с 1912 по 1918 г. русское население в Урянхае увеличилось на 300 %. В 1926 г. население Танну-Тувинской Республики исчислялось 80 тысяч чел., из них – 60 тыс. тувинцев, 12 тыс. русских колонистов и около 8 тыс. монголов, корейцев, китайцев и временно проживающих граждан СССР³.

Переселенческое движение русского населения в Туву и его правовое регулирование можно охарактеризовать тремя основными этапами:

- с 1885 до 1914 г. (с момента официального разрешения на поселение в Туве русского населения и до момента объявления протектората России над Тувой);
- с 1914 до 1921 г. (с момента объявления протектората России над Тувой и до момента образования Танну-Тувинской Народной Республики (ТТНР));
- с 1921 до 1944 г. (с момента образования ТТНР и до вхождения Тувы в состав СССР).

Каждый из этих этапов по своей сути различался характером социально-экономических и политических условий, а также характером нормативно-правовых актов, регулировавших миграционные процессы и переселения.

В сентябре 1924 г. консул СССР в ТНР уведомил Министерство иностранных дел Тувы о том, что с 1 октября 1924 г. устанавливался порядок пропуска в СССР граждан Танну-Тувы по визам Консульства⁴, что свидетельствовало о юридическом оформлении пересечения границы с Россией.

Одной из особенностей в институциональном развитии Сибири в процессе ее экономического освоения стал институт регистрации граждан по месту жительства, а также установление формы документа, подтверждающего удостоверение личности граждан, проживающих в Енисейской губернии. В 1924 г. в Красноярске был издан Сборник обязательных постановлений Енисейского губернского исполнительного комитета, в котором освещены вопросы, касающиеся факта удостоверения личности граждан, проживающих в Енисейской губернии, а также формы документа, удостоверяющего личность и прописку⁵.

Согласно ст. 80 Сборника удостоверениями личности для лиц, проживающих в Енисейской губернии, являлись:

- для служащих и рабочих государственных, партийных, профессиональных и кооперативных учреждений, организаций и предприятий – удостоверение о состоянии на службе, выдаваемое данным учреждением или предприятием, по установленной форме;

² Шойгу С. К. Урянхай. Тыва дептер: антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае – Тану-Туве, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы. (Текст): В 7 т. Т. 5: Урянхайский край: от Урянхая к Тану-Туве / сост. С. К. Шойгу. М., 2007. С. 536.

³ Там же. С. 554–557.

⁴ ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. Св. 105. Д. 276. Л. 77.

⁵ Сборник обязательных постановлений Енисейского губернского исполнительного комитета. Красноярск, 1924.

- для лиц, проживающих в городах, не состоящих на службе в поименованных учреждениях, а равно для лиц, временно проживающих в сельских местностях и не занесенных в посемейные списки, – личные карточки или удостоверения личности установленной формы, выдаваемые соответствующими отделениями милиции, и старые паспорта при наличии сделанной на них не ранее 1921 г. пометки уездно-городских управлений милиции о действительности;
- для лиц, постоянно проживающих в сельских местностях и занесенных в посемейные списки при передвижении их за пределы своей волости, – выдаваемое райсполкомом по месту их жительства удостоверение личности установленной формы;
- для иностранцев – выданный Губернским административным отделом вид на жительство иностранца установленной формы, с припечатанным к нему национальным паспортом, а в подлежащих случаях выдаваемые указанным отделом по установленной форме временные удостоверения;
- для оптантов – выданные НКВД или Сибирским революционным комитетом и зарегистрированные в Губернском административном отделе оптационные свидетельства, а в подлежащих случаях выданные Губернским отделом по установленной форме временные удостоверения;
- для выезжающих за границу русских граждан – заграничный паспорт, для иностранцев – национальный паспорт в течение срока, указанного в визе;
- для утративших удостоверяющие личность документы, впредь до получения дубликата утраченного документа, протокол, составленный надлежащим органом власти об утрате документа⁶.

В соответствии со ст. 81–82 Сборника личные карточки и удостоверения личности выдавались на срок не свыше 6 месяцев соответствующими районами милиции, отделениями и уездными управлениями милиции. Личная карточка или удостоверение личности выдавались отделениями или районами милиции при представлении старого паспорта или удостоверения личности, выданного не ранее 1921 г. Для мужчин в возрасте от 16 лет было обязательно представление учетной карточки военкомата или справки о снятии с учета⁷. Детям отдельные документы о личности выдавались на общих основаниях по достижении ими 16-летнего возраста. Несовершеннолетним, в возрасте от 12 до 16 лет, отдельное удостоверение могло быть выдано в случаях просьбы родителей или заменяющих их лиц либо по просьбе несовершеннолетнего, при отсутствии родителей или заменяющих их лиц (ст. 88)⁸.

При утрате личных карточек, паспортов, трудовых книжек, удостоверений, мандатов и вообще всяких документов, удостоверяющих какие-либо служебные права лиц, обозначенных в данных документах, указанные лица обязаны были немедленно заявить в соответствующее отделение или район милиции. При этом начальником районного отделения милиции составлялся протокол об утрате документа, в котором указывались наименование документа, орган выдавший его, по возможности дата выдачи и номер, лицо, которому выдан документ. Копия протокола об утрате удостоверения заменяла утерянное удостоверение личности до получения «дубликата», но не более трех месяцев со дня выдачи. Прописка и выписка производились в районных отделениях милиции в течение 24 часов для гостиниц и постоянных дворов и в течение 48 часов для частных домов. Лица, выбывающие из города на срок не более одной недели, а командируемые по делам службы на срок не более одного месяца могли не выписываться, а лица, прибывающие в города Енисейской губернии на срок не более 3 дней, могли не прописываться.

В случае замены прописанного документа о личности новым последний должен был быть предъявлен в районное отделение милиции для наложения визы о сделанной ранее прописке, причем повторная виза делалась бесплатно. Все прибывающие в сельские местности иностранцы, оптанты, репатрианты и поднадзорные должны были прописаться в районном управлении милиции не позже 2-недельного срока – с момента прибытия; при выбытии их в тот же срок с момента выбытия должны были быть выписаны⁹.

⁶ Там же. С. 16.

⁷ Там же. С. 17.

⁸ Там же. С. 18.

⁹ Там же. С. 19.

17 декабря 1925 г. в Консульстве СССР в Туве было принято решение об установлении тарифов за регистрационные и прочие действия, в том числе за оплату виз (пропусков) – 3 руб., за регистрацию – 1,50 руб. Штраф за каждый просроченный месяц – 1,50 руб. О штрафах, взимаемых с граждан СССР за просрочку паспортов, выданных консульством СССР, – Тувинское правительство регистрировало (брало на учет) паспорта граждан СССР только в тех случаях, когда паспорт не был просрочен, просроченные паспорта задерживались и направлялись в Консульство СССР для отсрочки, после чего возвращались Консульством Тувинского правительства для регистрации. Штраф за просроченные паспорта граждан СССР со стороны Тувинского правительства не взимался. Регистрация граждан СССР производилась независимо от того, был ли паспорт предъявлен в Консульство СССР или нет. Граждане СССР, не зарегистрированные в Тувинском правительстве, визы на выезд или продление паспорта в Консульстве СССР не получали. Регистрация граждан СССР была действительна на весь срок пребывания гражданина на территории Тувинского правительства.

Кроме того, консульство СССР в Туве в указанный период пришло к выводу о том, что возникла необходимость разграничения между вышеназванными категориями путем снижения сбора с русских колонистов за выдаваемые визы, для чего граждан русской трудовой колонии разделили на 3 категории:

- с едущих по торговым делам взимать 3 руб.;
- с малоимущих и едущих по семейным делам – 2 руб.;
- неимущим предоставить полную льготу; с граждан СССР взимать 3 руб.

Снятие с учета оплате не подлежало, так как считалось оплаченным при взятии на учет (регистрации). В случае если гражданин СССР являлся для снятия с учета с просроченным паспортом, то его паспорт задерживался и направлялся в Консульство СССР. Все граждане, прибывающие из СССР на территорию Тувы, в 7-дневный срок были обязаны зарегистрироваться в Тувинском правительстве. В случае просрочки регистрации без уважительных причин, таких как болезнь или дальнейшее расстояние, взималось по 1,50 руб. за каждый просроченный месяц как за полный. Тувинское правительство выдавало визы (пропуска) на переход границы, срок действия которых определяется до 45 дней в зависимости от личной просьбы лица, получающего визу¹⁰.

29 декабря 1926 г. было утверждено «Положение об иностранцах, живущих в пределах Тувинской Народной Республики», которым для иностранных граждан в Туве, не имевших документов, удостоверяющих личность, вводились виды на жительство, а для имевших заграничные паспорта – визы на период пребывания в Тувинской Народной Республике.

21 июня 1935 г. вновь назначенный полномочный представитель СССР при народном правительстве ТАР направил в адрес Министерства иностранных дел Тувы уведомление о том, что консульский отдел полпредства СССР предполагает приступить с 1 июля 1935 г. к выдаче советских заграничных (паспортов) всем советским гражданам, проживающим в Туве, о чем будет опубликовано в газете. Данная процедура выдачи заграничных видов имела своей целью окончательное оформление советского гражданства граждан СССР, в том числе и бывших советских колонистов (сформировавшихся из русских переселенцев), проживающих в Туве. Как следовало из пояснения консульского отдела полпредства СССР, общегражданские паспорта (красного цвета) обмену не подлежали¹¹.

Рассматривая процесс социализации русских переселенцев в первые годы XX в., следует отметить его следующие признаки:

- достаточность на первоначальном этапе у русских переселенцев культурного потенциала, принесенного с исторической родины;
- осознание собственных национальных ценностей как признака этнической группы и стремление защитить размывающиеся на новой родине обычаи и традиции;
- создание собственных общественных органов как нижних уровней государственности, в данном случае – создание русской самоуправляющейся трудовой колонии (РСТК).

¹⁰ ЦГА РТ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

¹¹ Там же. Д. 158. Л. 268.

Для русских переселенцев в Туву в силу определенной этнокультуры был характерен стереотип поведения, который являлся основным в определении способа их самореализации. Владение родным языком и зачастую полное незнание языка места переселения в какой-то мере ограничивали социальную активность на новой родине. Вместе с тем указанные обстоятельства не привели к снижению количества переселенцев в Туву в первой половине XX в.

Анализ и сопоставление исторического опыта формирования миграционной политики на территории Сибири и Тувы показали, что именно переселения явились решающим фактором социально-экономического развития данных регионов. Анализ правовых аспектов переселений в начале XX столетия свидетельствует о том, что деятельность России и Тувы в сфере миграционной (переселенческой) политики была направлена не только на укрепление экономических интересов, но и на защиту национальных интересов страны. Формирование миграционной политики на территории Сибири велось Россией с учетом целей и задач государства по увеличению численности населения в этом регионе, путем обеспечения дополнительными трудовыми ресурсами отраслей народного хозяйства, с учетом соблюдения интересов безопасности в приграничных районах.

Аннотация. Данная статья освещает историко-правовой опыт миграционных процессов и рассматривает особенности института регистрационного учета на территории Сибири и Тувы в первые годы XX в. Показано, что для Тувы, как для приграничного региона, был характерен не только территориальный фактор, но и геополитическое значение, а также наличие особенностей экономического и природного характера. На основе проведенного исследования автором предлагается выработать основные направления к решению межэтнических конфликтов, поскольку формирование правового сознания и решение современных проблем мигрантов невозможно без осмысления и оценки исторического прошлого.

Ключевые слова. Переселенцы, Сибирь, Тува, миграции, русское население, удостоверение личности.

Annotation. This article highlights the historical and legal experience of migration and considers features of the institute of registration of the territory of Siberia and Tuva in the early years of the twentieth century. It is shown that for Tuva, as for the border region, was characteristic not only of the territorial factor, but also geopolitical importance, and the presence of features of economic and natural character. Based on the research, the author proposes to develop the main directions for solving ethnic conflicts, since the formation of legal consciousness and contemporary issues of migrants is impossible without understanding and assessment of the past.

Keywords. Immigrants, Siberia, Tuva, migration, russian population, legal, identification.

А. Л. Рогачевский
A. L. Rogachevskiy

ЦЕНзуРА ТУРИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СССР (1930–1941 гг.)

THE CENSORSHIP OF THE TOURIST LITERATURE IN THE SOVIET UNION (1930–1941)

К числу важнейших прав человека в современном обществе относится право искать, получать и распространять информацию. Это право закреплено Всеобщей декларацией прав человека 1948 г. (ст. 19) и Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 г. (п. 2 ст. 19). Конституция России (п. 4 ст. 29) также устанавливает, что каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, а перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом. Однако в СССР на протяжении многих десятилетий дело обстояло иначе. Информация рассматривалась в первую очередь как ресурс, призванный служить государственным интересам, обслуживать господствующую идеологию. Следствием были необъятное разрастание секретности и засилье политической и военной цензуры. Да и сама политика властей в отношении населения определялась не столько законами, сколько сотнями тысяч тайных инструкций, значительная часть которых не рассекречена до сих пор¹.

Автор этих строк уже много лет занимается исследованием правовых проблем российского и международного туризма. К числу важнейших аспектов последнего относится информационное обеспечение, которое выражается в издании путеводителей, туристских карт и другой подобной литературы. При изучении материалов, отражающих развитие этой отрасли книгоиздания в России, мы не могли оставить без внимания и государственный контроль за туристической информацией. К нашему немалому удивлению оказалось, что этот вопрос почти не исследован. Он отчасти рассматривался на дореволюционном материале². Однако зигзаги советской цензурной политики в данной сфере, несмотря на появление ряда серьезных трудов и публикаций общего характера³, пока не получили специального освещения в литературе. Почти не уделяли внимания этому сюжету и авторы трудов по истории путеводителей как жанра, где имеются в лучшем случае единичные упоминания данной проблемы⁴.

© А. Л. Рогачевский, 2015

¹ Подробнее см.: *Смыкалин А. С.* Парадоксы «двойного» законодательства в СССР // Вопросы истории. 2012. № 12. С. 61–70. – По современной оценке, из приблизительно 300 тыс. нормативных правовых актов советского времени до 70 % были засекречены (*Харитонов А. Ю.* Историко-правовые аспекты рассекречивания архивных документов, созданных в советский период // Юридическая мысль. 2011. № 4. С. 57).

² См., напр.: *Блюм А. В.* 1) Местная книга и цензура дореформенной России (1784–1860). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966. С. 14, 16; 2) Запрещенный путеводитель // Волга. 1970. № 2. С. 191–192; *Репинецкий С. А.* Санкт-Петербургский комитет иностранной цензуры в борьбе с крамолой (1856–1860 гг.) // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Исторические науки. 2009. № 2. С. 43.

³ *Блюм А. В.* 1) За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры, 1917–1929. СПб., 1994; 2) Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929–1953. СПб., 2000; 3) Как это делалось в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. 1953–1991. СПб., 2005; 4) Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991. Индекс советской цензуры с комментариями. СПб., 2003; 5) От неолита до Главлита. Достопамятные и занимательные эпизоды, события и анекдоты из истории российской цензуры от Петра Великого до наших дней. СПб., 2009; *Горяева Т. М.* Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М., 2009; *Цензура в Советском Союзе. 1917–1991. Документы* / сост. А. В. Блюм. Коммент. В. Г. Воловикова. М., 2004.

⁴ *Осинов Г.* Бурная история русского путеводителя // Турбизнес. 2004. № 12; *Антонова З. В.* Становление и развитие путеводителя как вида издания. Конспект лекции. М., 2006; *Полянская Е. М.* Методика анализа путеводителя как историко-культурного источника // Всероссийская студенческая историко-регионоведческая конференция. Санкт-Петербург, 6–7 апреля 2006 г. Доклады и сообщения / под ред. А. Ю. Двор-

В нашей статье мы рассмотрим цензуру туристической литературы, которая осуществлялась в СССР в предвоенное десятилетие. В конце 1920-х гг. под влиянием ряда внутренних и внешних факторов происходит резкое ухудшение политической обстановки в стране. Развернулось новое наступление на «идеологическом фронте»: в связи с тем, что Советский Союз все больше отгораживается от внешнего мира, пропаганда внушает гражданам образ СССР как «осажденной крепости». Данные процессы сопровождались не только идеологическим давлением, но также усугубляющимся режимом секретности и шпиономанией.

Все это не могло не сказаться, конечно, и на туризме как таковом, и на его информационном обеспечении. На рубеже 1920–1930-х гг. становится почти невозможным легальный выезд из СССР по частным делам. С 1932 г. в связи с введением паспортной системы и появлением большого количества «режимных» местностей была фактически упразднена и свобода передвижения по стране⁵. В результате государственной борьбы с религией под полным запретом оказывается и такая популярная некогда форма путешествий, как паломничество. На протяжении 1930-х гг. туристическая сфера была полностью огосударствлена, в 1936 г. распущено Общество пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ), его руководство подверглось репрессиям. Аналогичной массовой «чистки» не избежали и кадры других звеньев отрасли, в частности курортов, а также Всесоюзного акционерного общества по иностранному туризму «Интурист» (от членов правления до рядовых гидов и сотрудников гостиниц)⁶.

К сказанному следует добавить, что в 1920-е гг. туризм имел тесную связь с краеведческим движением, переживавшим тогда бурный, но непродолжительный расцвет. Такое содружество приносило прекрасные результаты: советская туристическая литература обогатилась множеством содержательных путеводителей и описаний различных местностей. Но в следующем десятилетии краеведческое движение в стране было жестоко разгромлено, его активисты уничтожены или отправлены в лагеря, былые достижения краеведов на долгие годы преданы забвению.

В контексте отмеченных процессов закономерным представляется тот факт, что в предвоенное десятилетие усугубляется цензурный контроль над печатью, в том числе и над литературой по туризму. К этому вопросу мы теперь и обратимся.

С 1922 по 1991 г. основным цензурным ведомством в стране был так называемый Главлит. Его название расшифровывалось поначалу как Главное управление по делам литературы и издательств (в дальнейшем наименование этого органа менялось, сохраняя по традиции устоявшееся краткое обозначение). До конца 1930-х гг. это ведомство формально подчинялось Наркомату просвещения РСФСР. Однако в реальности (из этого уже тогда не делалось особого секрета) оно всецело зависело от указаний партийных органов и, конечно, от советской тайной полиции – сперва Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), затем от Наркомата внутренних дел (НКВД). В 1939–1940 гг. Главлит фактически выходит из состава Наркомпроса и переподчиняется Совнаркомом СССР⁷. Поначалу из существования этого органа не делалось особой тайны (некоторые из нормативных

ниченко, Ю. В. Кривошеева. СПб., 2007. С. 371–375; Путеводитель как семиотический объект. Тарту, 2008; Путеводитель по городу: история и современность. Мат-лы науч. конф. / науч. ред. Ю. Б. Демиденко; сост. И. А. Карпенко. СПб., 2011; *Руцзинская И. И.* Репрезентация российских регионов в пространстве массовой культуры. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2011; Санкт-Петербург в планах и картах. XX век / изд. подг. С. В. Семенов. СПб., 2012. С. 201; Apodemiken. Eine rasonnierte Bibliographie der reisetheoretischen Literatur des 16, 17. und 18. Jahrhunderts / Hrsg. von J. Stagl, K. Christel, K. Orda. Paderborn–München–Wien–Zürich, 1983; *Borocz J.* Travel-Capitalism: The Structure of Europe and the Advent of the Tourist // *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 34. No. 4 (Oct., 1992). P. 708–741; *Therkelsen A. Sørensen A.* Reading the Tourist Guidebook: Tourists' Ways of Reading and Relating to Guidebooks // *The Journal of Tourism Studies*. Vol. 16. No. 1 (May 2005). P. 48–60.

⁵ По современным подсчетам, «режимными» к 1940 г. были объявлены 175 городов и 460 районов страны (*Kessler G.* The Passport System and State Control over Population Flows in the Soviet Union, 1932–1940 // *Cahiers du Monde russe*. Vol. 42. No. 2/4. La police politique en Union soviétique, 1918–1953 (Apr. – Dec., 2001). P. 495).

⁶ *Иванов А. А.* История российского туризма (IX–XX вв.). Учеб. пособие. М., 2011. С. 209–210; *Хееке М.* «Россия изнутри». Туристические поездки в Советский Союз: между повседневностью и пропагандой // *Россия и Германия в XX веке*. В 3 т. Т. 2. Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова, А. Фольперт. М., 2010. С. 270.

⁷ *Горяева Т. М.* Политическая цензура в СССР. С. 221–223.

актов, касающихся его работы, даже публиковались в открытой печати), хотя обнародовать сведения о конкретных формах и методах работы Главлита воспрещалось⁸. В 1930-х гг. деятельность этого мрачного ведомства окружается все более непроницаемой завесой⁹, а в предвоенную пору (по нашим наблюдениям, с 1939 г.) из всех печатных изданий исчезает и самое упоминание о цензурном контроле (типа: «уполномоченный Главлита № ...»), в них остается только условный буквенно-цифровой код, понятный лишь посвященным.

Как уже говорилось, рубеж 1920–1930-х гг. стал для СССР переломным в политическом и идеологическом отношении. Это не могло не сказаться и на положении органов цензуры, которым в новых условиях предстояло много работы. В 1928–1931 гг., т. е. преддверии кампании, в Главлите была проведена большая кадровая чистка. 5 октября 1930 г. было принято постановление Совнаркома СССР «О реорганизации Главного управления по делам литературы и издательств (Главлита)»¹⁰, в котором основные функции этой структуры определялись следующим образом: контроль над деятельностью по опубликованию или распространению произведений как печатных, так и рукописных, снимков, рисунков, картин и т. п., над радиовещанием, лекционной деятельностью осуществляется в виде предварительного и последующего контроля, который проводится уполномоченными Главлита при государственных и общественных организациях, при телеграфных агентствах, на почтамтах и таможнях. Назначение, смещение и число уполномоченных при каждом учреждении устанавливалось Главлитом. Однако зарплату цензоры получали за счет тех самых предприятий, учреждений и организаций, при которых они состояли. Немного позже, 6 июня 1931 г., СНК РСФСР утвердил новое Положение о Главлите¹¹. Им был установлен обязательный порядок предварительного контроля всей продукции издательств, входящих в систему Объединенного государственного издательства (ОГИЗа), осуществляющегося заведующими этих издательств – уполномоченными Главлита.

В дальнейшем система цензуры только ужесточалась, становясь все более разветвленной. 14 октября 1933 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «Об усилении охраны военных тайн». При этом весь личный состав отделов по охране государственных и военных тайн предлагалось считать состоящим на действительной военной службе. В ноябре того же года постановлением Совнаркома СССР было утверждено «Положение об уполномоченном СНК СССР по охране военных тайн в печати и об отделах военной цензуры». Руководство делом охраны военных тайн в печати на территории всей страны осуществлялось уполномоченным СНК СССР, который одновременно являлся начальником Главлита. При уполномоченном был создан самостоятельный Отдел военной цензуры, работающий под его непосредственным руководством¹². В 1937–1938 гг. аппарат Главлита, как и всех советских ведомств, подвергся репрессиям – под предлогом «кадровой засоренности», «либерализма» и «политической близорукости» цензоров. Последние предвоенные годы отмечены дальнейшим усилением цензуры. Оно проявилось как в ужесточении санкций за нарушение существующих правил, так и в принятии различного рода новых инструкций и распоряжений, делающих цензурный процесс многоступенчатым. Последующая цензура осуществлялась введенным повсеместно институтом политредакторов (инструкция 1938 г.), которые проверяли работу цензоров и должны были выборочно контролировать всю продукцию учреждения с точки зрения соответствия установленным требованиям¹³.

Сами по себе указанные требования можно разделить на две большие группы: перечни секретных сведений и идеологические нормы. Деление это во многом условное, поскольку

⁸ Блюм А. В. За кулисами «Министерства правды». С. 113–116.

⁹ Так, в 1932 г. были изъяты из продажи и библиотек 2 сборника материалов, включавших, среди прочего, циркуляры Главлита: *Фогелевич Л. Г.* 1) Действующее законодательство о печати. Л., 1929; 2) Дополнение к систематическому сборнику «Действующее законодательство о печати». М., 1930 (*Список 1932*, поз. 78/96, 78/97; полное наименование этого и других перечней Главлита приведено в нашей статье после помещаемой в ней далее таблицы).

¹⁰ СУ СССР. 1930. № 50. Ст. 599.

¹¹ Там же. 1931. № 31. Ст. 273.

¹² *Горяева Т. М.* Политическая цензура в СССР. С. 211–212.

¹³ Там же. С. 218–219.

многие вопросы, имеющие по сути своей идеологический характер (например, связанные с внутривластными разногласиями), также зачастую рассматривались в качестве секретных.

Первые списки секретных сведений появляются еще в 1920-х гг. Вскоре после своего учреждения, в ноябре 1922 г. Главлит разослал инструкцию своим местным органам¹⁴. Пункт 7 этого документа воспрещал под каким бы то ни было видом печатать статьи, носящие явно враждебный к компартии и советской власти характер или проводящие «враждебную нам идеологию» в рамках обсуждения основных вопросов (общественности, религии, экономики, в национальном вопросе, области искусства и т. д.). Там же предписывалось изъятие из статей «наиболее острых мест (фактов, цифр, характеристик), компрометирующих Соввласть и Компартию». Таким образом, с первых же дней своего существования Главлит ставил в один ряд задачи охраны военных тайн и идеологической борьбы.

27 апреля 1926 г. Совнарком СССР утвердил «Перечень сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной» (первый открытый перечень). Информация, которая подлежала охране в соответствии с этим документом, охватывала три круга вопросов: сведения военного характера, сведения экономического характера и «сведения иного рода»¹⁵. К числу последних были отнесены, в частности: «Сведения, касающиеся переговоров и соглашений Союза ССР с иностранными государствами, а равно всяких мероприятий и выступлений Союза ССР в области внешней политики и внешней торговли, поскольку указанные сведения не основаны на официально опубликованных данных». Эта обширная и подробнее не охарактеризованная группа сведений была немного позже раскрыта в документе под названием «Перечень вопросов совершенно секретной, секретной и не подлежащей оглашению переписки». Он был издан в июне 1926 г. спецотделом при ОГПУ и включал следующие разделы: 1) вопросы военного характера; 2) вопросы финансово-экономического характера; 3) вопросы политического (в том числе партийного) характера; 4) вопросы общего характера. Впоследствии указанный перечень неоднократно дополнялся в зависимости от военной и политической обстановки¹⁶.

Главлит был отнюдь не единственным органом, осуществлявшим засекречивание тех или иных данных. С середины 1920-х гг. вновь утверждается принцип ведомственной цензуры (известный еще дореволюционной эпохе), в соответствии с которым каждое ведомство само определяло режим распространения информации, выходящей из его стен, а также доступ к своим документам в архивах¹⁷.

Все это также не могло не сказаться на содержании литературы по краеведению и туризму. Например, один из главлитовских циркуляров (1925) воспрещал публикацию любых сведений о Московском Кремле, кремлевских стенах, выходах и входах и т. п., как современного, так и исторического характера, до согласования с комендантом Кремля¹⁸. Это было лишь началом засекречивания: с 1934 г. впуск экскурсантов на территорию Кремля был почти вовсе прекращен, и эти ограничения продержались до 1955 г.¹⁹ Весьма тщательно оберегались все тайны ГУЛАГа. В августе 1930 г. Главлит издал документ под названием «Краткая инструкция. Перечень по охране государственных тайн в печати». Он воспрещал публиковать любые сведения о структуре и деятельности органов ОГПУ, его концлагерей, охране и санитарном состоянии мест заключения и т. п.²⁰ Аналогичные запреты налагались и в дальнейшем, лишь ужесточаясь с течением времени. Они касались географии мест заключения, статистических данных о числе заключенных, сведений о применении их труда на «великих стройках коммунизма» (гидростанции, БАМ и пр.) и действовали до самого

¹⁴ Цензура в Советском Союзе. С. 36–37.

¹⁵ СЗ СССР. 1926. № 32. Ст. 213.

¹⁶ Подробнее об истории создания таких перечней см.: Блюм А. В. Советская цензура в эпоху тотального террора. С. 132–149.

¹⁷ Блюм А. В. За кулисами «Министерства правды». С. 126; Хорхордина Т. И. Хранители секретных документов // Режимные люди в СССР / отв. ред. Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов. М., 2009. С. 74–75.

¹⁸ Блюм А. В. За кулисами «Министерства правды». С. 127.

¹⁹ Снегирев В. За стеной. Ровно полвека назад Московский Кремль был открыт для свободного посещения // Российская газета. 2005. 21 июля.

²⁰ Цензура в Советском Союзе. С. 186.

конца 1980-х гг.²¹ Ясно, что это обстоятельство (вкуче с антирелигиозной пропагандой) зачастую ставило под вопрос или вовсе исключало, к примеру, упоминание в путеводителях о многих старинных монастырях, превращенных в тюрьмы.

Что же касается идеологических критериев, то представление о них дает колоритный и редкий по откровенности документ, относящийся еще к эпохе нэпа. Это требования к детской литературе, сформулированные Советским правительством при Русском отделе Главлита и напечатанные в «Бюллетене Главлита» № 7 за 1927 г.²² Хотя они касаются именно детских книг, но в целом, как показала вся дальнейшая практика цензурных органов, этими критериями руководствовались и в отношении многих других изданий. Циркуляр имеет вид текста в две колонки. В левой перечислены требования к новым изданиям («Наша установка»), разбитые на группы по темам книг и характеру их освещения. В правой – отвергаемые черты «старой литературы». Так, для новой литературы одобрялась установка на классовый подход, науку и труд, борющийся пролетариат и крестьянство, которым противопоставлялись «либерально-демократическая общечеловечность», «религиозный и иной гашиш», «реставрация феод-буржуазных (*sic*) отношений», «просто плохие и хорошие люди», «добрые короли и принцы» и «хорошие господа». Циркуляр Главлита ориентировал авторов и цензоров на «здоровый научный подход к изучению мира» и «рабоче-классовый подход в описании путешествий», внимание к социалистическому переустройству экономики, производству, новому быту – в противовес былой установке на «бегство от современья» и «мещанский индивидуализм». Таким образом, к работам по краеведению, туристскому делу многие из указанных требований применялись в полной мере. Сюда относился, в частности, и отказ от традиционных прежде тем, затрагиваемых в путеводителях (особенно описания мест паломничества).

Эти и подобные требования самым непосредственным образом отразились на публикациях о краеведении и туризме. Например, 3 мая 1929 г. коллегия Уралобллита издала секретный циркуляр, который предусматривал, что судьба всех материалов и рукописей по вопросам краеведения (наряду с некоторыми другими, например, религиозными) должна решаться не местными цензурными органами, а непосредственно Уралобллитом в Свердловске, куда их и надлежало пересылать для просмотра²³. Вся краеведческая литература, выпущенная до 1930 г., подлежала тотальному пересмотру на предмет изъятия «политически вредных» изданий²⁴. То же самое касалось и иной связанной с туризмом литературы. Так, советский юрист В. П. Антонов-Саратовский, известный также как один из деятелей туристского движения, писал: «Тип путеводителей, имевшихся до последнего времени в образовании, в большинстве не отвечал запросам советского туристского движения. Они были рассчитаны на квалифицированную буржуазную интеллигенцию, а не на широкие трудовые массы»²⁵. Поэтому, не отказываясь в принципе от традиционных описаний ландшафта, природных условий и достопримечательностей, он рекомендовал помещать в путеводителях сведения о «социалистическом строительстве в разрезе пятилетки», наиболее важные данные из истории национальной борьбы и революций 1905–1917 гг., гражданской войны, революционных памятниках и музеях²⁶. В те же годы авторы энциклопедической статьи об экскурсионном деле указывали, что по вопросам экскурсий «до 1930 издана огромная литература, но большинство методических пособий не может быть рекомендовано»²⁷.

Эти призывы не остались без последствий. Путеводители, справочники и иные книги, выпущенные в 1930-х гг., стали разительно отличаться от литературы предшествующего десятилетия.

²¹ Блюм А. В. 1) За кулисами «Министерства правды». С. 127; 2) Как это делалось в Ленинграде. С. 43, 62.

²² Мы пользовались публикацией: Цензура и органы цензуры в постановлениях Наркомпроса РСФСР в 1927 г. / публ. М. В. Зеленова // Цензура в России: история и современность. Сб. науч. тр. Вып. 4 / редколл. Фирсов В. Р. (предисл.) [и др.]. СПб., 2008. С. 269–270.

²³ «Без визы не допускать...» Политическая цензура на Урале в период НЭПа. Сборник архивных материалов / сост. и ред. С. А. Дианов. Пермь, 2009. С. 157.

²⁴ Подробнее см.: Филимонов С. Б. Краеведение и документальные памятники (1917–1929 гг.). М., 1989. С. 22.

²⁵ Антонов-Саратовский В. П. Беседы о туризме. 2-е изд. М., 1933. С. 168.

²⁶ Там же. С. 168–169.

²⁷ Грищенко Л. Г. Экскурсия // Большая советская энциклопедия. Т. 63. Э – Электрофон. М., 1935. Стб. 321.

**Литература по туристической тематике,
подвергшаяся запрету в СССР (1930–1941)**

Тематика	Количество названий			
	Список 1930	Список 1932	Различные списки 1935–1941 гг.	Итого
Путеводители и справочники по городам и регионам	1 назв.: с. 13	28 назв. поз. 7/83, *20/04, 21/80, 40/57, *47/25, 51/13, 52/33, 65/74 (серия брошюр, включает не менее 18 назв.), *67/69, *71/31, 81/16	–	29
Путеводители по музеям	–	4 назв. поз. *28/64, 53/43–*53/45, *98/96–*98/97, *60/68	–	4
Путеводители по выставкам	–	5 назв. поз. 12/15, *53/61, 63/62, 60/67, 80/94	3 назв.: Списки № № 17–18 (1937). С. 6; Приказ № 420 (6). № 27; Приказ № 390 (5). № 367.	8
Экскурсионное дело	6 назв.: с. 4, 11, 18, 19 (2 назв.), 49	27 назв. поз. *4/39–*4/40, 7/54, *29/84, *35/12, 35/24, 36/41, 36/58, 37/51, *41/66, *44/23, *50/01, 51/10, *55/53, 60/28, *65/42, *72/90, *73/94, *73/95, *70/08, *78/25, 81/39, *81/59, *82/32, *82/51, *84/35–*84/37, *84/38, *85/96	3 назв.: Списки № № 17–18 (1937). С. 8, 10; Приказ № 79 (3). С. 35.	36
Музейное дело	2 назв.: с. 19, 64	1 назв. поз. 69/86	1 назв.: Список Ив. 1935. С. 25.	4
Краеведение	–	9 назв. поз. 10/37, *23/41, 37/33, 47/41, *48/94, 48/95, 56/80, 65/47, 67/14	8 назв.: Список Ив. 1935. С. 3, 16; Список Новосиб. 1937. С. 6; Список Свердл. № 11; Список № 1-а (1937). С. 26, 28; Списки № № 17–18 (1937). С. 8, 10.	17
Краеведческая работа (в т. ч. школьная) и ее методика	6 назв.: с. 10, 14, 20, 49, 50, 55	21 назв. поз. *4/48, *4/49, 5/18–5/19, *7/43, *7/45, *8/95, 19/68, 23/51–23/53, 25/28–25/33, *29/02, 29/79–29/80, *30/11, *34/16–*34/17, *40/27–*40/28, 53/87–53/89, *55/80, 59/38, 60/55, *69/35, *78/24, *83/22	5 назв.: Список Ив. 1935. С. 18; Список Новосиб. 1937. С. 5, 15; Список Свердл. 1937. № 23; Список № 1-а (1937). С. 11.	32
Методическая литература по туризму, вопросы выезда и въезда в СССР	–	3 назв. поз. 15/63, *27/70–*27/71, 44/53	4 назв.: Списки № № 17–18 (1937). С. 3, 21; Приказ № 79 (3). С. 4, 119.	7
Спортивный туризм	–	–	8 назв.: Список № 1-а (1937). С. 8; Списки № № 17–18 (1937). С. 12, 20; Приказ № 79 (3). С. 14, 29, 126, 130, 141.	8
Описания путешествий	1 назв.: с. 67	4 назв. поз. *41/83, 54/27–54/32, 56/18, 67/61	8 назв.: Приказ № 79 (3). С. 73; Приказ № 329 (4). № 99; Приказ № 390 (5). № № 28, 126, 166–167 (2 изд.), 168–169 (2 изд.); 285, 341.	13
Картография, карты	–	2 назв. поз. *66/46, *70/17	2 назв.: Список Новосиб. 1937. С. 7; Приказ № 390 (5). № 215.	4
Курортное дело, дома отдыха	3 назв.: с. 23, 52, 66	6 назв. поз. *3/12, 18/42, 27/68, *28/52, 30/39, 81/07	1 назв.: Приказ № 560 (8). № 29.	10
Общественное питание	1 назв.: с. 9	–	–	1
Транспорт	–	–	188 назв.: Список № 1-а (1937). С. 6; Списки № № 17–18 (1937). С. 16, 21; Приказ № 955 (24). № № 1–180; Приказ № 329 (4). № № 35, 212; Приказ № 390 (5). № № 190, 258, 363.	188
Страховое дело	–	–	1 назв.: Список № 1-а (1937). С. 7	1
Всего:	26	117	240	362

Они делаются все более идеологизированными и все менее содержательными. А издания прежних лет начинают массово изыматься из продажи и библиотек. Против авторов «старой школы» была развернута агрессивная пропагандистская кампания. В вину краеведам ставились обращение к далекому прошлому (в этом усматривалось «бегство» от революционной тематики и проблем классовой борьбы), идеализация буржуазно-помещичьего строя и пережитков старого народного быта, защита религии и суеверий, а также великодержавный шовинизм. Их порицали за пренебрежение историей фабрик и заводов, отрыв от задач социалистического строительства. В совокупности все это обозначалось зловецким словом «вредительство»²⁸, что в обстановке тех лет было равнозначно политическому доносу, за которым могла последовать (и нередко следовала) расправа со стороны властей. Поскольку многие деятели туристского и краеведческого движения, работники музеев и др. были репрессированы, то написанные ими путеводители, краеведческая и методическая литература были также изъяты и на долгие годы запрещены. Кроме того, даже если к самим авторам у властей не было претензий, запрет обычно налагался на любые издания, в которых упоминались или изображались репрессированные впоследствии лица.

Основой для анализа советской цензурной политики в отношении туристической литературы послужили многочисленные списки 1930-х гг., в которых перечислялись изъятые издания. Эти списки составлялись как в центре, так и на местах. Часть их представляет собою объемистые книги, другие распространялись в виде небольших бюллетеней, а то и вовсе машинописных перечней. Все они выпускались под грифами «Для служебного пользования» (ДСП) или «Не подлежит оглашению» (НПО). К сожалению, в настоящее время пока возможны лишь выборочные наблюдения такого рода: не все списки сохранились, уцелевшие остаются доступными лишь отчасти, а сплошной статистический их анализ еще ни разу не проводился²⁹. Часть этих списков дошла до нас лишь в единичных архивных экземплярах. Представительной коллекцией таких списков располагает архив бывшего спецхрана Российской национальной библиотеки (РНБ). В настоящей статье мы коснемся лишь книг и брошюр по туристической тематике, учитывая также отдельные элементы отрасли (транспорт, общественное питание и др.). Важнейший вопрос о тотальном засекречивании картографической информации, которое происходило в тот же период, требует самостоятельного исследования и здесь специально не рассматривается³⁰.

Цензурные списки Главлита сами по себе производят сильное, даже устрашающее впечатление. Это десятки тысяч названий, обширный мартиролог человеческой мысли. Выявить среди них литературу по туристической тематике не всегда удастся с уверенностью, поскольку для проверки многих работ требуется знакомство с самими изданиями *de visu*, а часть изъятых книг и брошюр до нас не дошла вовсе (тиражи некоторых из них, видимо, целиком уничтожались). К тому же словоупотребление тех лет могло не совпадать с современным, что также порождает иногда ложное представление о содержании запрещенных изданий³¹. И все же знакомство с

²⁸ Рубинштейн Н. Борьба с классовым врагом в краеведческой литературе и задачи историков-марксистов // Против вредительства в краеведческой литературе / под ред. Н. Рубинштейна и М. Зеленского. Иваново, 1931. С. 4–8; Гальперин Ц. Краеведение или мракобесие? // Там же. С. 29–30; Дунаевский Л. Научно-исследовательская работа в области воинствующего атеизма за последние 15 лет // Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917–1932. Сб. ст. / под ред. М. Енишерлова, А. Лукачевского, М. Митина. М., 1932. С. 451–452; Этнография на службе у классового врага (Библиотека ГАИМК. Вып. 11). Л., 1932.

²⁹ Исключения составляют беллетристика и литературоведение (см.: Блюм А. В. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов).

³⁰ Данной теме посвящена наша статья: Рогачевский А. Л. К истории цензуры в СССР: государственный контроль за картографической информацией в сфере туризма (середина 1950-х – середина 1980-х гг.) // Ученые записки юридического факультета СПбГЭУ. Вып. 33 (43). 2014. С. 62–64.

³¹ Примером могут служить так называемые «памятки для отпускников». В изученных списках нам удалось выявить 21 название таких брошюр (Список 1930 – 6 названий (с. 15, 33, 45, 52, 57, 58), Список 1932 – 7 названий (поз. *15/62, 27/74, 41/64, *52/90, *52/91, *52/93, 61/31) и 8 названий по более поздним перечням: Список Ив. 1935. С. 18 (2 назв.), 21; Список № 1-а (1937). С. 20 (3 назв.); Списки № 17–18 (1937). С. 9 (2 назв.)). Однако изучение этих изданий *de visu* позволило установить, что их адресатами были отнюдь не граждане, выезжающие на отдых. Эти памятки составлялись для вчерашних красноармейцев, возвращающихся с военной службы в родные деревни, где им предстояло вести среди односельчан работу по укреплению советской власти и нарождающегося колхозного строя, участвовать в культработе, атеистической пропаганде и проч. Другой пример – слово «культпоход», присутствующее в

цензурными перечнями позволяет в какой-то мере оценить потери, которые понесли читатели туристической литературы в те годы. Несмотря на отмеченную выше неполноту сведений, даже имеющиеся материалы позволяют говорить о значительном размахе кампании запретов.

Условные обозначения:

Список 1930 – Контрольный список (сводка актов-распоряжений) изданий группы ГИЗ и ОСТ, списанных в макулатуру за все годы 1922–1930 гг. [М., 1930]. (Циркуляр № 276/к 22/XI 1930 г.). [ДСП].

Список 1932 – Контрольный список (сводка актов-распоряжений) изданий групп Огиз, ОСТ, КОМ и КУП, списанных в макулатуру. 1932 г. М., 1932. (Циркуляр № 3465/2215. 4 декабря 1932 г. Всей сети). [ДСП].

Список Ив. 1935 – Контрольный список макулатурных краевых изданий ИПО. (Ивановское областное отделение книготоргового объединения государственных издательств РСФСР. Инвентаризация на 1 января 1935 г.). Иваново, 1935. [ДСП].

Список № 1-а (1937) – Сводный список № 1-а устаревших изданий, не подлежащих распространению и рекомендуемых к изъятию из библиотек общественного пользования (составлен по спискам № № 1–16 и 1а – 4а). М., 1937. [Только ДСП]. (Архив РНБ. Ф. 2. Оп. 2-ОСХ. Ед. хр. № 40).

Списки № № 17–18 (1937) – Списки № № 17–18 устаревших изданий, не подлежащих распространению и рекомендуемых к изъятию из библиотек общественного пользования. М., 1937. [Только ДСП]. (Архив РНБ. Ф. 2. Оп. 2-ОСХ. Ед. хр. № 42).

Список Новосиб. 1937 – Список № 1-а литературы, изданной Зап.-Сиб. ОГИЗ'ом (г. Новосибирск), подлежащей изъятию из библиотек общественного пользования и книготорговой сети. Новосибирск, 1937. (Утв. начальником З.-С. Крайлита П. Кислицыным. 25/VII 1937. Только ДСП. НПО). (Архив РНБ. Ф. 2. Оп. 2-ОСХ. Ед. хр. № 33).

Список Свердлов. 1937 – Список книг, изданных Свердловским Истпартком и уральскими издательствами, а также книг центральных изданий об Урале, которые Свердловский Истпарт считает необходимым изъять из библиотек и книжных магазинов [1937] (опубликован в ст.: *Ефремова Е. Н.* Партийная цензура историко-краеведческих изданий 20–30-х гг. на Урале // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2010. Т. 82. № 4. С. 191–196).

Приказ № 955 (24) – Приказ Уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и Начальника Главлита РСФСР № 655 (24) от 8 декабря 1938 г. [НПО]. (Архив РНБ. Ф. 2. Оп. 1-ОСХ. Ед. хр. № 2/1. Кн. 4).

Приказ № 79 (3) – То же. № 79 (3) от 26 января 1939 г. (Там же. Кн. 6).

Приказ № 420 (6) – То же. № 420 (6) от 27 апреля 1939 г. (Там же. Кн. 8).

Приказ № 560 (8) – То же. № 560 (8) от 3 июня 1939 г. (Там же. Кн. 9).

Приказ № 329 (4) – То же. № 329 (4) от 22 мая 1941 г. (Там же. Кн. 11).

Приказ № 390 (5) – То же. № 390 (5) от 16 июня 1941 г. (Там же. Кн. 12).

Примечания.

1. Целый ряд запрещенных изданий повторяется в различных списках. В этом случае предпочтение отдается списку, в котором данная книга упоминается раньше.

2. Списки включают в основном книги советских и эмигрантских авторов. Однако некоторые книги, содержавшие описания путешествий, были написаны и иностранцами.

3. Часть книг и брошюр, указанных в списках, представлена несколькими изданиями, каждое из которых обычно получало отдельный номер, поэтому количество перечисленных позиций несколько больше, чем количество названий. Такие издания указаны в таблице через тире.

4. Звездочкой в списке 1932 г. отмечены позиции, которые до рассылки этого списка не оформлялись отдельными актами, т. е. были включены в число изымаемых незадолго до изда-

---

названиях некоторых изъятых работ (*Список 1932*, поз. *38/68, *47/74, *79/34, *50/26, *63/41). Сегодня этим словом, как правило, обозначают организованное посещение театра или музея, которое устраивается для школьных групп. Но в те годы оно употреблялось как синоним кампании по борьбе за новую пролетарскую культуру, ликвидацию неграмотности и т. п.

ния циркуляра 1932 г. Их обилие свидетельствует о том, что массовое изъятие путеводителей, литературы по краеведению и экскурсионному делу пришлось как раз на начало 1930-х гг.

5. В нескольких случаях нумерация в списке 1932 г. сбивается (видимо, из-за того, что часть позиций была добавлена в последний момент), но при этом общий алфавитный порядок в нем был сохранен. Поэтому номера соответствующих позиций также даны в таблице не в конце перечней, а в качестве вставных номеров.

6. Часть изданий, вошедших в списки № 17–18 за 1937 г. и в Приказ № 329 (4) за 1941 г., предписывалось изъять из магазинов, но разрешалось оставить в библиотеках при условии удаления из них части страниц, на которых изображались или упоминались репрессированные лица.

7. Часть запрещенных изданий для уточнения их содержания и выходных данных проверена нами *de visu*. Знакомство с ними позволяет сделать вывод о том, что в литературе 1920-х гг. не всегда четко различались понятие «путешествие» и «экскурсия», а рекомендации по проведению экскурсий нередко включались в текст путеводителей (особенно по отдельным объектам показа). Поэтому в ряде случаев разграничение литературы по тематике условно.

Помимо литературы, выпущенной в советские годы, строгому контролю по-прежнему подлежали издания дореволюционного времени. Об этом свидетельствует, например, Руководство для цензоров, работающих при букинистических магазинах, утвержденное 22 марта 1941 г. заместителем уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальником Главлита. Особенное внимание в нем обращается на литературу религиозного содержания и книги по церковной истории. Так, запрещался к продаже через букинистические магазины журнал «Русский паломник», в котором печатались некогда описания православных обителей и путешествий к святым местам. Некоторые труды по истории монастырей, содержавшие ценный фактический материал, допускались к продаже, однако приобретать их могли только научные учреждения и лишь в исключительных случаях – отдельные исследователи. Количество мест, где дозволялось торговать подобной литературой, было жестко ограничено: в столицах союзных республик для этого выделялось по 1–3 магазина³².

Обращение к самим запрещенным изданиям позволяет прояснить и уточнить конкретные мотивы, которыми в том или ином случае руководствовались цензоры Главлита. Проиллюстрируем это рядом примеров. Так, превосходный путеводитель по Донбассу³³ имел в глазах цензуры целый ряд изъянов: развернутые описания месторождений (с. 28–48), статистические данные о промышленности края в целом и отдельных его трестах и предприятиях (с. 103–159), подробные карты, в том числе карту электрификации Донбасса, с указанием расположения линий электропередач, трансформаторных подстанций и др. (вклейка между с. 228–229). Недовольство порождали, очевидно, и упоминания о местах заключения в городах Донбасса (с. 349, 351, 417). Болезненную реакцию цензуры должны были вызвать и статистические данные о социальной ситуации в крае. В связи с резким падением жизненного уровня в начинающуюся эпоху пятилеток была установка на «реальный учет действительности», «здоровый научный подход к изучению мира» и на внимание к «быту улицы, завода, домашнему быту» (на что ориентировал цитированный выше циркуляр Главлита 1927 г.) оказалась «неактуальной». Между тем в книге приведены обширные сведения о бюджете и бюджетной обеспеченности на душу населения (с. 267–268), о быте, заболеваемости, семейном бюджете рабочих (с. 160–193)³⁴. А на основании цифр о стоимости питания в столовых Донбасса в 1927 г. (с. 173) делается вывод: «Наиболее дешевое питание, как видно из таблицы, дают частные столовые». Легко себе представить,

³² Руководство для цензоров, работающих при букинистических магазинах. [ДСП]. М., 1941. С. 8, 15, 16. – С этой брошюрой мы также знакомимся по экземпляру, хранящемуся в архиве РНБ (Ф. 2. Оп. 2-ОСХ. Ед. хр. № 117).

³³ Донбасс. Южный горно-промышленный район. С 7 картами, 12 картограммами, 1 схемой и 2 таблицами / под ред. Э. С. Батенина. М.; Л., 1928. Изъято: *Список 1932*, поз. 21/80.

³⁴ В те годы данные подобных исследований стали систематически засекречиваться (см., напр.: Чадаев В. Н. ...Житье-бытье. Бюджет ленинградского рабочего. Л., 1926. Изъято: *Список 1930*. С. 57).

как должны были восприниматься такие слова после закрытия всех частных заведений такого рода, в обстановке начавшейся коллективизации и в преддверии массового голода 1933 г., который в мирное время унес, по современной официальной оценке, около 7 млн жизней³⁵. Наконец, в книге имеются ссылки (с. 65, 81, 158) на некоторые издания, тогда же подвергшиеся запрету (*Список 1932*, поз. 9/05, 41/73, *69/02).

Книга об экскурсии в Приднепровье, состоявшейся в 1924 г.,³⁶ могла вызвать недовольство цензоров тем, что в ней критикуется постановка природоохраны на Украине, особенно в связи с переносом столицы из Киева в Харьков (с. 182), а также тем, что среди анонсов книг (с. 183–184) также дана ссылка на изъятое издание (*Список 1932*, поз. *50/96).

Почти сразу же был запрещен путеводитель по морскому порту в Ленинграде³⁷. По-видимому, эта книга привлекла к себе внимание Главлита не только «излишне подробным» планом порта (с. 17), но также статистическими данными о советской внешней торговле (с. 14). Такие сведения в эту пору по большей части уже считались секретными. Причина заключалась не столько в стремлении СССР поддержать выгодную для себя внешнеторговую конъюнктуру, сколько в другом: в условиях надвигающегося голода граждане не должны были догадываться о продолжении хлебного экспорта, да еще по бросовым ценам³⁸. Между тем в брошюре прямо говорится о «борьбе за экспорт» и о противодействии советскому демпингу за границей (с. 3–4). Ясно, что такая откровенность была уже «несвоевременной». Наконец, в списке литературы (с. 51) среди прочих опять-таки имеется ссылка на изъятое издание (*Список 1932*, поз. 31/81).

В предвоенные годы была запрещена и уже цитированная выше книга В. П. Антонова-Саратовского о советском туризме³⁹. По-видимому, автора «подвели» цитаты из уставов западноевропейских, в том числе «фашизированных», туристских союзов (с. 17), обстоятельный рассказ об истории разогнанного впоследствии ОПТЭ под руководством Н. В. Крыленко (с. 147–153) и, разумеется, обширный список литературы (с. 192–204), в котором имеются ссылки на работы репрессированных авторов. Среди них – сам Крыленко, его заместитель Л. М. Гурвич, который многие годы провел в лагерях, и многие другие, включая начальника самого Главлита С. Б. Ингулова (с. 194), расстрелянного в 1938 г.

Наличие библиографических ссылок, списков и анонсов вообще часто оказывалось «минным полем». Никогда нельзя было предугадать, какое издание завтра подвергнется запрещению из-за ужесточившегося режима секретности, очередной смены идеологических установок или просто расправы с автором. В итоге даже книги, содержание которых не имело ничего предосудительного в глазах цензуры, подвергались изъятию «по цепочке». Например, брошюра А. П. Новлянского по вопросам производственных экскурсий⁴⁰ сама по себе не содержит каких-то «сомнительных» положений. Судьбу ее предрешили, по-видимому, анонсы серии «Экскурсионная библиотека» на второй и третьей страницах обложки – как вышедших в свет, так и готовящихся к изданию. По нашим подсчетам, не менее 8 названий из них были запрещены по тому же цензурному списку 1932 г. (*Список 1932*, поз. *4/39, *4/40, *7/83, *29/84, *54/96, *67/69, *70/08, *82/32). В свою очередь, другая брошюра по экскурсионному делу⁴¹ также подверглась запрещению из-за анонсов работы Новлянского и еще двух изъятых изданий (*Список 1932*, поз. *4/39, *4/40, *50/01).

³⁵ Заявление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Памяти жертв голода 30-х годов на территории СССР», утвержденное постановлением Государственной Думы от 2 апреля 2008 г. (СЗ РФ. 2008. № 15. Ст. 1462).

³⁶ *Портенко Л. А.* Днепр и Приднепровье. Из записок охотника-экскурсанта в районе нижнего течения Днепра. М.; Л., 1928. Изъято: *Список 1932*, поз. 56/18.

³⁷ *Моренец Н. И.* Ленинградский торговый порт. Л., 1931. Изъято: *Список 1932*, поз. *47/25.

³⁸ *Блюм А. В.* За кулисами «Министерства правды». С. 131–132.

³⁹ *Антонов-Саратовский В. П.* 1) Беседы о туризме. Азбука советского (пролетарского) туризма. М., 1930; 2) Беседы о туризме. 2-е изд. М., 1933. Изъяты: *Приказ № 79 (З)*. С. 4 (изд. 1933 г. было упомянуто в уже более раннем перечне: *Списки № № 17–18 (1937)*. С. 3). – В тексте статьи ссылки на книгу приводятся далее по второму изданию.

⁴⁰ *Новлянский А. П.* Один день на суконой фабрике / под ред. А. Д. Монахова. М.; Л., 1927. Изъято: *Список 1932*, поз. *50/01.

⁴¹ *Краснуха Э. В.* Экскурсии в партшколе. М.; Л., 1927. Изъято: *Список 1932*, поз. 37/51.

Пристальное внимание Главлита вызывало все, что касалось пересечения границ страны. Так, вскоре после того как свобода передвижения в Советском Союзе была практически уничтожена, подвергся запрету справочник о въезде и выезде из СССР⁴². Он содержал по преимуществу официальные материалы, но напоминать гражданам о том, как можно легально выехать за рубеж, в новых условиях представлялось «излишним». Перед самой войной было изъято описание путешествия советских граждан вокруг Европы в 1932 г.⁴³ Счасть издание «политически вредным» побудили как минимум две причины. Во-первых, в книге упомянут целый ряд советских дипломатов и иных совзагранработников, которые были уничтожены в ходе репрессий 1937–1938 гг.: Д. В. Богомолов, Я. Д. Янсон (с. 44), М. И. Розенберг, М. А. Левинсон (с. 75), а кроме них также Н. А. Скрыпник (с. 61), застрелившийся в 1933 г. на почве разногласий с партийным руководством и посмертно объявленный «врагом народа». Во-вторых, в обстановке начавшейся мировой войны сама по себе идея заграничной поездки больше не должна была «смущать умы» рядовых советских читателей, тем более что в книжке рассказано, как часть путешественников позволяла себе отбиться от группы (с. 62, 63) или посещать бедные кварталы в Гамбурге, Лондоне, Генуе, где наблюдала уличную проституцию (с. 23, 44, 75).

Дальнейшие исследования изъятых книг и брошюр *de visu* должны уточнить и расширить список мотивов, по которым запрещались те или иные издания. Но уже сейчас можно констатировать, что резкое ухудшение политической обстановки в стране, наблюдавшееся в 1930-х гг., в полной мере сказалось и на советской цензурной политике, касавшейся туристической литературы.

Аннотация. На рубеже 1920–1930-х гг. в СССР происходит заметное ужесточение политического режима. Это не могло не отразиться также на туризме и на его информационном обеспечении. Правовое регулирование туризма осуществлялось в обстановке, когда свобода передвижения в СССР была почти уничтожена, а большинство общественных организаций, связанных с краеведением и туризмом, – ликвидировано. Гораздо строже становится и советская цензурная политика в отношении туристической литературы. Необъятное разрастание секретности и засилье политической и военной цензуры в 1930-х гг. приводят к массовым изъятиям выпущенных ранее книг по краеведению и туризму. Этот вопрос рассмотрен на основе секретных ранее материалов советской цензуры (Главлита), хранящихся сегодня в архиве Российской национальной библиотеки. В статье сделана попытка дать статистический анализ запрещенной литературы и прояснить основные мотивы цензурных запретов.

Ключевые слова. Антирелигиозная политика, библиотечные чистки, Главлит, Интурист, краеведение, Общество пролетарского туризма и экскурсий, паломничества, паспортная система, право на информацию, режим секретности, репрессии в СССР, Российская национальная библиотека, свобода передвижения, советская пропаганда, советская цензура, туризм в СССР, экскурсионное дело.

Annotation. The eve of the 1930s was a marked tightening of the political regime in the USSR which also affected the tourism and its information support. The legal regulation of tourism since the late 1920s till 1941 was proceeded in the situation when the freedom of movement in the USSR was practically annuled, and the most non-governmental organizations in the sphere of the local studies and tourism were disbanded. The evolution of the Soviet censorship policies related to the control of the tourist literature reflected these political measures. The immense growth of secrecy and the political and military domination of censorship in the 1930s lead to massive withdrawals of the earlier publications concerning local history and tourism. This issue

⁴² Выезд за границу и въезд в СССР граждан СССР, эмигрантов, реэмигрантов и иностранцев. Практическое руководство / сост. Л. П. Дьяконов. М., 1925. Изъято: *Список 1932*, поз. 15/63.

⁴³ Вокруг Европы на «Украине». Написано бригадой ленинградских ударников, премированных поездкой вокруг Европы на теплоходе «Украина» / под ред. Н. А. Сотникова и С. Н. Озерова. Л.; М., [1932]. Изъято: *Приказ № 390 (5)*. № 28.

is searched on the basis of previously secret instructions and guidelines of the so-called Glavlit, i.e. the Soviet censorship bodies. A large collection of such materials is retained today in the archive of the Russian National Library. An attempt is undertaken to give a statistical analysis of the banned literature and to clear the main causes of the censorship bans.

Keywords. Antireligious politics, censorship, excursions, freedom of movement, Glavlit, Intourist, library cleansing, local history, passport system, pilgrimages, repressions in the Soviet Union, right to information, Russian National Library, secrecy, Society for Proletarian Tourism and Excursions, Soviet censorship, Soviet propaganda, tourism in the USSR.

*Т. М. Хлусов
T. M. Khlusov*

**ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В КОНТЕКСТЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО
И СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА
(ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ РЕТРОСПЕКТИВА):
ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ**

**BODIES OF THE INTERIOR IN THE CONTEXT OF THE MANAGEMENT
AND STRUCTURAL AND FUNCTIONAL ANALYSIS
(HISTORICAL AND LEGAL RETROSPECTIVE):
CONCEPT AND ESSENCE**

Привычное ныне словосочетание «органы внутренних дел» не было известно в дореволюционной России. Неизвестно оно и в зарубежных странах, исключая некоторые постсоветские государства. Кроме того, и сегодня понятие «органы внутренних дел» и его содержание непонятно большинству граждан и даже ученых-юристов и практических работников самих органов внутренних дел. Его часто отождествляют то с полицией (милицией), которая, на самом деле, является всего лишь составной частью органов внутренних дел, либо Министерством внутренних дел Российской Федерации (МВД России) как с органом исполнительной власти, что тоже неверно, о чем речь пойдет ниже (например, в средствах массовой информации, при обсуждении реформы по преобразованию милиции в полицию, часто неоправданно писали о реформе МВД).

Поэтому, что понимается под органами внутренних дел, далеко не всем известно и понятно. Следовательно, необходимо уточнить сущность и содержание понятия «органы внутренних дел».

Рассматриваемое понятие, несомненно, происходит от названия соответствующего ведомства – МВД. МВД Российской Империи, образованное наряду с другими министерствами в 1802 г., было многофункциональным ведомством¹. Оно вовсе не руководило полицией во

© Т. М. Хлусов, 2015

¹ Министерство внутренних дел России. 1802–2002: Исторический очерк. В 2 т. Т. 1 / Под общ. ред. В. П. Сальникова; Грызлов Б. К., Сальников В. П., Стрельников А. А., Рыскин Л. Б., Глушаченко С. Б., Александров А. И., Нижник Н. С. СПб.: Фонд «Университет», 2002. 272 с. (Серия: «МВД России 200 лет»); Министерство внутренних дел России. 1802–2002: Исторический очерк. В 2 т. Т. 2 / Под общ. ред. В. П.

всероссийском масштабе, кроме политической полиции, представленной Департаментом полиции. С полицией не были соединены органы предварительного следствия, как это имеет место в настоящее время, и их соединение, в сущности, и означает понятие органов внутренних дел. Институт судебных следователей в то время был самостоятельным правоохранительным институтом, не имеющим ничего общего с современной системой органов предварительного следствия. Он появился в Российской империи в результате судебной реформы 1864 г., как в общем-то и мировые судьи, и суды присяжных заседателей².

Кроме того, понятие «органы внутренних дел» долгое время отсутствовало и в советское время. В 1930–1950 гг. в нормативно-правовых актах использовались понятия «органы НКВД», «органы милиции», причем указанные понятия разделялись. К органам НКВД, под которым имелся в виду Народный комиссариат внутренних дел СССР, образованный в 1934 г., относились органы государственной безопасности, предшественниками которых были Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК), Главное политическое управление (ГПУ), Объединенное главное политическое управление (ОГПУ). Милиция того времени, несмотря на ее подчинение НКВД СССР, к органам НКВД официально не относилась, о чем свидетельствует, например, название одного из нормативно-правовых актов – Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 февраля 1943 г. «О званиях начальствующего состава органов НКВД и милиции»³.

В 1946 г. НКВД СССР вместе с другими народными комиссариатами был преобразован в министерство – Министерство внутренних дел (МВД) СССР. К тому времени существовало отдельное ведомство государственной безопасности – НКГБ-МГБ СССР. В марте 1953 г. произошло кратковременное объединение МВД и МГБ в одно ведомство под общим названием – МВД СССР, однако уже 13 марта 1954 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР органы государственной безопасности были выделены в Комитет государственной безопасности (КГБ) при Совете Министров СССР. В ведение КГБ были переданы также пограничные войска и войска правительственной связи.

Территориальными подразделениями МВД СССР были МВД союзных и автономных республик, управления МВД (УМВД) в краях и областях, управления (отделы, отделения) милиции в городах и районах. МВД СССР, союзных и автономных республик, краевые и областные УМВД, кроме управлений милиции в этих министерствах и управлениях, официально назывались органами МВД, а управления милиции МВД, УМВД и городские, районные управления (отделы, отделения) милиции – органами милиции.

25 октября 1956 г. было принято постановление Совета Министров СССР и Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС) «О мерах по улучшению

Сальникова; В. П. Сальников, Ю. Е. Аврутин, А. Е. Алексеенков, И. В. Говоров, М. Ю. Гутман, М. Э. Жаркой, В. А. Журавлев, В. А. Иванов, А. М. Назаренко, Н. С. Нижник. СПб.: Фонд «Университет». 2002. (Серия: «МВД России 200 лет»); *Нижник Н. С., Сальников В. П., Мушкет И. И.* Министры внутренних дел Российского государства (1802–2002): Биобиблиографический справочник. СПб.: Фонд «Университет», 2002. С. 176–189. (Серия: «МВД России 200 лет»); Министерство внутренних дел: страницы истории (1802–2002 гг.): Сб. статей / Под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет», 2001 (Серия: «МВД России 2000 лет»); *Сальников В. П., Степашин С. В., Янгол Н. Г.* Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Санкт-Петербургской ун-т МВД России, Лань, 1999; *Борисов А. В.* Министры внутренних дел России. 1802–октябрь 1917 / Вступительная статья В. Ф. Некрасова и В. П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет», 2002 (Серия: «Внутренние войска и органы внутренних дел России»).

² *Шахрай С. М., Граковский К. П.* «Суд скорый, правый, милостливый и равный для всех». М., 2014; *Остроумов Н. В.* Эволюция судебной реформы в России: от суда «милостивого» к суду классовому (к 150-летию судебной реформы) // Мир политики и социологии. 2015. № 1. С. 43–50; Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: Сб. документов / Науч. ред., сост., авт. ступ. ст.: Д. И. Луковская, Н. В. Дунаева. СПб.: Президент. б-ка, 2014. (Документы и материалы); *Кони А. Ф.* Отцы и дети судебной реформы (к 50-летию судебных уставов). 1864–20 ноября 1914. М., 1914; *Коротких М. Г.* Судебная реформа 1864 года в России (сущность и социально-правовой механизм формирования): Дис. ... докт. юрид. наук. Воронеж, 1989; *Захарцев С. И.* Суд присяжных как проблема правосудия: философско-правовой и прикладной аспекты // Мир политики и социологии. 2013. № 9. С. 144.

³ Собрание законов СССР. 1936. № 27. Ст. 252.

работы Министерства внутренних дел СССР», а 27 октября того же года был издан приказ МВД СССР от № 0500 с объявлением Постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС «О мерах по улучшению работы Министерства внутренних дел СССР»⁴.

В п. 2 постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС при этом указывалось: «Считая неправильной существующую централизацию руководства местными учреждениями внутренних дел со стороны Министерства внутренних дел СССР, а также деление на органы МВД и органы милиции, признать целесообразным реорганизовать управления МВД и управления милиции в областях и краях в единые управления внутренних дел исполнительных комитетов областных (краевых) Советов депутатов трудящихся, а отделы (отделения) милиции в городах и районах преобразовать в отделы (отделения) милиции исполнительных комитетов городских и районных Советов депутатов трудящихся. Установить, что начальники областных и краевых управлений внутренних дел, а также министры внутренних дел автономных республик одновременно являются начальниками милиции области, края, автономной республики и что начальники указанных управлений подотчетны в своей деятельности как соответствующему Совету депутатов трудящихся и его исполнительному комитету, так и вышестоящему учреждению внутренних дел». Таким образом, устанавливалось двойное подчинение учреждений внутренних дел.

В приказе МВД СССР от 27 октября 1956 г. министрам внутренних дел союзных республик было предписано до декабря 1956 г. реорганизовать краевые и областные УМВД в управления внутренних дел исполнительных комитетов областных (краевых) Советов депутатов трудящихся, а управления (отделы, отделения) милиции в городах и районах преобразовать в управления (отделы, отделения) милиции исполнительных комитетов городских и районных Советов депутатов трудящихся.

Таким образом, в указанных документах появляются понятия «управление внутренних дел» и «учреждение внутренних дел». Последнее понятие, правда, не прижилось, и именно впоследствии трансформировалось в понятие «органы внутренних дел». Переименование краевых, областных УМВД в управления внутренних дел (УВД) указывало на то, что они являются управлениями не только и не столько МВД, сколько исполнительных комитетов (исполкомов) соответствующих Советов, что и отразилось в дальнейшем в официальных названиях этих управлений (например, Управление внутренних дел исполнительных комитетов Ленинградских областного и городского Советов депутатов трудящихся; впоследствии Главное управление внутренних дел исполнительных комитетов Ленинградских областного и городского Советов народных депутатов – ГУВД Леноблгорисполкомов).

После упразднения МВД СССР с передачей его функций МВД союзных республик и преобразования республиканских МВД в министерства охраны общественного порядка (МООП) краевые и областные УВД были преобразованы в управления охраны общественного порядка (УООП).

В связи с переименованием МВД и УВД в МООП и УООП появилось понятие «органы охраны общественного порядка». Так, 6 апреля 1963 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка»⁵.

Должности следователей существовали в НКВД–МВД СССР, однако они относились к органам государственной безопасности. В 1941 г. НКВД СССР был разделен на два ведомства – собственно НКВД и Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ), в который и перешел весь следственный аппарат. В том же году должности следователей и старших следователей были введены и в НКВД, однако их процессуальное положение определялось правами и обязанностями, установленными законом для органов дознания. Следственные подразделения в НКВД были созданы его ведомственным актом и не упоминались в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик. Поэтому существование их было, по существу, незаконным. После принятия Основ уголовного

⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 315. Лл. 140–146.

⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. 1963. № 18. Ст. 181.

судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., которые предоставили право производства предварительного следствия только органам прокуратуры и государственной безопасности, следственные подразделения в системе МВД были упразднены. К тому же существовавшие в то время следственные подразделения входили в состав милиции⁶.

Следственные отделы после введения в действие Указа Президиума Верховного Совета СССР «О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка» с 1 июля 1963 г. стали создаваться на уровне министерств и управлений охраны общественного порядка. При городских и районных управлениях (отделах) милиции работали следственные отделения (группы), которые не входили в их организационную структуру, а напрямую были подчинены следственному отделу УООП и входили в его штаты.

Следственные подразделения, таким образом, в состав милиции не входили. В Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик после внесения в них соответствующих изменений указывалось на следователей органов охраны общественного порядка, а не на следователей милиции.

В управленческом аспекте понятие «органы охраны общественного порядка» фактически было распространено только на МООП и УООП и не распространялось на городские, районные управления (отделы, отделения) милиции. В нормативно-правовых актах того времени еще встречалось понятие «органы милиции». Так, например, 18 февраля 1966 г. Совет Министров СССР утвердил Типовое положение о вневедомственной охране при органах милиции.

После образования 26 июля 1966 г. МООП СССР и переименования его 25 ноября 1966 г. в МВД СССР в МВД были переименованы все МООП союзных и автономных республик, а все УООП – в УВД. В то же время на уровне города и района сохранялись управления (отделы, отделения) милиции.

В Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и уголовно-процессуальные кодексы союзных республик были внесены соответствующие изменения: вместо следователей органов охраны общественного порядка стали упоминаться следователи органов внутренних дел.

В 1970-е гг. следственные подразделения стали создаваться и на городском (районном) уровне, в связи с чем соответствующие управления, отделы милиции стали преобразовываться в управления, отделы внутренних дел. Следственные подразделения не были включены только в отделения милиции, которые сохранили свои прежние названия.

В МВД союзных и автономных республик, краевых, областных УВД кроме подразделений милиции и следственных подразделений в 1970-е и последующие годы действовали подразделения по руководству исправительно-трудовыми учреждениями, пожарной охраной, а также подразделения общие для всех служб (кадровые, финансовые и т. п.). Сотрудники милиции и следователи в то время имели специальные звания милиции, а сотрудники исправительно-трудовых учреждений и пожарной охраны и органов управления ими – специальные звания внутренней службы. Сотрудники общих для всех служб подразделений могли иметь специальные звания как милиции, так и внутренней службы. Сотрудники милиции и следователи носили форменную одежду милицейского образца, а сотрудники, имеющие специальные звания внутренней службы, – форму военного образца. Звания внутренней службы и соответствующая форма одежды были введены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 августа 1952 г. «Об отмене воинских званий и введении новых званий для начальствующего состава МВД СССР»⁷.

В эти же годы был установлен единый правовой статус указанных сотрудников. Так, 23 октября 1973 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О специальных

⁶ Григонис Э. П. Органы внутренних дел в механизме правового государства (теоретико-правовой аспект). Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1995. С. 109.

⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-4901. Оп. 16. Д. 10. Лл. 1–10.

званиях рядового и начальствующего состава органов внутренних дел»⁸. В тот же день постановлением Совета Министров СССР было утверждено Положение о прохождении службы рядовым и начальствующим составом органов внутренних дел⁹. В обоих нормативно-правовых актах были предусмотрены специальные звания милиции и внутренней службы. Упомянутым Указом Президиума Верховного Совета СССР были утверждены Присяга рядового и начальствующего состава органов внутренних дел и Положение о порядке принятия Присяги рядового и начальствующего состава органов внутренних дел.

После распада СССР постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 г. № 4202-1 было утверждено новое Положение о службе в органах внутренних дел¹⁰, которым для сотрудников следственных аппаратов органов внутренних дел, а также для слушателей и курсантов очных отделений учебных заведений Министерства внутренних дел Российской Федерации, готовящих специалистов для следственных подразделений органов внутренних дел были предусмотрены специальные звания юстиции.

Понятие «органы внутренних дел», сложившееся в то время, Э. П. Григонис предлагает рассматривать в двух аспектах. Первый аспект – управленческий. В этом смысле органы внутренних дел представляют собой совокупность вышестоящих и нижестоящих управленческих звеньев – министерства внутренних дел, управления внутренних дел, отделов внутренних дел. Второй аспект – структурно-содержательный. В этом смысле органы внутренних дел подразделяются на милицию, следственный аппарат, Государственную противопожарную службу и уголовно-исполнительную систему¹¹.

В целом, соглашаясь с данной точкой зрения, предлагаем второй аспект в дальнейшем называть структурно-функциональным, поскольку составные части органов внутренних дел реализуют самостоятельные функции, отличные от функций других составных частей.

С тех пор, однако, ситуация во многом изменилась.

Так, в связи со вступлением в 1996 г. в Совет Европы Россия взяла на себя определенные обязательства, в том числе передать уголовно-исполнительную систему из ведения МВД в ведение Министерства юстиции. В целях исполнения этого международного обязательства Указом Президента Российской Федерации от 8 октября 1997 г. № 1100 «О реформировании уголовно-исполнительной системы Российской Федерации Министерства внутренних дел Российской Федерации» «в целях совершенствования системы исполнения уголовных наказаний Российской Федерации, в соответствии с рекомендациями Комитета Министров Совета Европы о единых европейских пенитенциарных правилах и впредь до принятия соответствующих федеральных законов было предписано осуществить поэтапное реформирование уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, предусмотрев ее передачу в ведение Министерства юстиции Российской Федерации»¹².

Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 октября 1998 г. № 1254 «Вопросы уголовно-исполнительной системы» на учреждения, органы, предприятия и подразделения уголовно-исполнительной системы было распространено действие нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, регулировавших деятельность учреждений, органов, предприятий и подразделений уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, в части, их касающейся, были внесены изменения и дополнения в постановления Правительства Российской Федерации и решены другие вопросы, связанные с передачей уголовно-исполнительной системы из ведения Министерства внутренних дел в ведение Министерства юстиции¹³.

В соответствии со Структурой федеральных органов исполнительной власти, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г., создана новая

⁸ Ведомости Верховного Совета СССР. 1973. № 43. Ст. 603.

⁹ СПС «Консультант Плюс».

¹⁰ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 2. Ст. 70.

¹¹ Григонис Э. П. Органы внутренних дел в механизме правового государства (теоретико-правовой аспект). Дис. ... канд. юрид. наук. С. 106.

¹² СЗ РФ. 1997. № 41. Ст. 4683.

¹³ Там же. 1998. № 45. Ст. 5516.

федеральная служба – Федеральная служба исполнения наказаний, подведомственная Министерству юстиции Российской Федерации¹⁴.

В одной из своих статей¹⁵ мы уже отмечали, что в течение почти полутора лет – с момента принятия постановления Правительства Российской Федерации от 16 июня 1997 г. и до передачи в уголовно-исполнительную систему Министерства юстиции Российской Федерации в начале 1999 г. отдельной составной частью органов внутренних дел являлись уголовно-исполнительные инспекции, предназначенные для исполнения уголовных наказаний и иных уголовно-правовых мер, не связанных с лишением свободы, которые ранее исполнялись милицией. Передача функции милиции по исполнению уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, в соответствующие специализированные подразделения органов внутренних дел была предусмотрена постановлением Правительства Российской Федерации от 17 сентября 1992 г. № 723 «Об организационных мерах по выполнению Постановления Верховного Совета РСФСР «О порядке введения в действие Закона РСФСР «О милиции»»¹⁶.

На сотрудников уголовно-исполнительной системы, тем не менее, до сих пор распространяется действие Положения о службе в органах внутренних дел, утвержденное постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 г.

Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2001 г. № 1309 «О совершенствовании государственного управления в области пожарной безопасности» «в целях совершенствования государственного управления в области пожарной безопасности, повышения готовности единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, объединения сил и средств при организации и проведении первоочередных аварийно-спасательных работ, связанных с тушением пожаров» было предписано до 1 января 2002 г. преобразовать Государственную противопожарную службу Министерства внутренних дел России в «Государственную противопожарную службу Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, включив в ее состав входящие по состоянию на 1 октября 2001 г. в систему Государственной противопожарной службы Министерства внутренних дел Российской Федерации центральные и территориальные органы, подразделения, учреждения, предприятия, организации с состоящим на их балансе имуществом»¹⁷.

Государственная противопожарная служба в настоящее время входит в состав Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России). На сотрудников Государственной противопожарной службы, так же как и на сотрудников уголовно-исполнительной системы, до сих пор распространяется действие Положения о службе в органах внутренних дел, утвержденное постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 г.

Указом Президента Российской Федерации от 23 февраля 2002 г. № 232 «О совершенствовании государственного управления в области миграционной политики» на МВД России наряду с функциями, возложенными на него законодательством Российской Федерации, дополнительно были возложены функции федерального органа исполнительной власти в области миграционной политики¹⁸.

Указу Президента Российской Федерации от 23 февраля 2002 г. предшествовало упразднение Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от

¹⁴ Указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // Там же. 2004. № 11. Ст. 945.

¹⁵ Хлусов Т. М. Министерство внутренних дел как федеральный орган исполнительной власти Российской Федерации и его функции (в исторической ретроспективе 1991–2010 гг.) // Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 76–93.

¹⁶ Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1992. № 12. Ст. 980.

¹⁷ СЗ РФ. 2001. № 46. Ст. 4348.

¹⁸ Там же. 2002. № 8. Ст. 813.

16 октября 2001 г. № 1230 «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти»¹⁹.

Приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 15 мая 2002 г. № 445 было утверждено Положение о Федеральной миграционной службе Министерства внутренних дел Российской Федерации, в соответствии с которым Федеральная миграционная служба получила статус самостоятельного структурного подразделения центрального аппарата Министерства внутренних дел Российской Федерации. Федеральную миграционную службу возглавил начальник, являющийся по должности заместителем Министра, который назначался на должность и освобождается от должности Президентом Российской Федерации по представлению Министра.

В ФМС во время нахождения ее в составе МВД России влилась паспортно-визовая служба органов внутренних дел, образованная в свою очередь постановлением Правительства Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 15 февраля 1993 г. № 124²⁰ на базе управлений (отделов) виз, регистраций и паспортной работы, а также паспортных отделений (паспортных столов) и отделений (групп) виз и регистраций милиции. Таким образом, почти 10 лет в органах внутренних дел Российской Федерации была еще одна составная часть – паспортно-визовая служба.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» была образована Федеральная миграционная служба в качестве подведомственного Министерству внутренних дел Российской Федерации федерального органа исполнительной власти. Федеральной миграционной службе были переданы правоприменительные функции, функции по контролю и надзору и функции по оказанию государственных услуг в сфере миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации²¹.

В ведение Федеральной миграционной службы перешла паспортно-визовая служба, которая был тем самым выведена из состава органов внутренних дел. Еще ранее, в соответствии с постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 15 февраля 1993 г. № 124 «О реорганизации подразделений виз, регистраций и паспортной работы милиции в паспортно-визовую службу органов внутренних дел» эта служба была выведена из состава милиции²².

Примечания

Например, в учебно-методическом пособии «Правоохранительные органы Российской Федерации», изданном в 2004 г. в Тамбове (автор-составитель Н. П. Печников)²³ тема «Органы внутренних дел» включает в себя вопросы: «Органы внутренних дел, их задачи и структура», в котором фактически представлен материал о правовой основе деятельности милиции, и «Организация милиции в Российской Федерации». Кроме милиции, в рамках данной темы ничего не пишется (с. 37–39).

Аннотация. Автором прослеживается исторический путь образования Министерства внутренних дел Российской Федерации, раскрывается ретроспектива принимаемых нормативно-правовых актов на пути формирования МВД России, анализируется процесс реформирования функций и структуры данного органа. Раскрывается сущность и содержание понятия «органы внутренних дел».

Ключевые слова. Органы внутренних дел, НКВД, Министерство внутренних дел, Совет Министров СССР, Указ Президента РСФСР, Президиум Верховного Совета РСФСР, Конституционный Суд, структура МВД Российской Федерации, Президент Российской Федерации

¹⁹ Там же. 2001. № 43. Ст. 4071.

²⁰ Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 8. Ст. 659.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Правоохранительные органы Российской Федерации: Учеб.-метод. пособие / Авт.-сост. Н. П. Печников. Тамбов, 2004. С. 37–39.

Федерации, Закон Российской Федерации, Постановление Верховного Совета Российской Федерации, задачи МВД России, уголовно-исполнительная система, противопожарная служба, функции МВД России, Совет Европы.

Annotation. The author traces the historical path of formation of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, revealed a retrospective of received legal acts in the way of the formation of the Russian Interior Ministry, analyzes the process of reforming the functions and structure of the body. The essence and content of the concept of «law-enforcement bodies».

Keywords. Law-enforcement bodies, the NKVD, the Ministry of the Interior, USSR Council of Ministers Decree of the President of the RSFSR, Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR, The Constitutional Court, the structure of the Interior Ministry of the Russian Federation, President of the Russian Federation, Law of the Russian Federation, Resolution of the Supreme Soviet of the Russian Federation, Russian Ministry of Internal Affairs of the problem, correctional system, Fire Service, Russian Ministry of Internal Affairs function, the Council of Europe.

Т. М. Храмова
T. M. Khramova

ПРАВО НА ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ДОПУСТИМЫ ЛИ МИРНЫЕ СОБРАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЧАСТНЫХ ВЛАДЕНИЙ?

RIGHT TO PUBLIC SPACE: IS FREEDOM OF PEACEFUL ASSEMBLY PERMITTED ON PRIVATE LANDS

Введение. В содержание права на свободу мирных собраний входит правомочие беспрепятственно использовать определенную территорию или помещение для публичного выражения идей либо обсуждения общественных и политических вопросов. Место проведения собрания выбирается организатором и обычно представляет собой площадку, традиционно используемую для массовых мероприятий (площадь, сквер, стадион, парк, широкая улица или проспект и т. п.), право собственности на которую принадлежит публичному образованию (государству или муниципалитету). Выбор места для проведения собрания представляет собой важнейший элемент рассматриваемой свободы и, как отмечал Федеральный конституционный суд Германии, сам по себе является способом отстаивания участниками акции своей позиции¹. На государство ложится обязанность обеспечить доступ всех желающих к месту проведения мероприятия и на время проведения мирного собрания создать все условия, чтобы никакие иные цели использования «общественного форума» не мешали его использованию в соответствии с целями организаторов.

Проблемы возникают, когда участники публичного мероприятия претендуют на его проведение в месте (будь то открытая или закрытая площадка), находящемся в частной собственности. Конфликт между конституционными правами одного порядка невозможно разрешить без существенного ущемления интересов одной из сторон. При этом на стороне собственника оказывается такая важная составляющая конституционно гарантируемого права собствен-

ности, как правомочие самостоятельно и независимо принимать решения по распоряжению имуществом, в том числе посредством запрета любому лицу или группе лиц пользоваться объектом собственности, а на стороне манифестантов – требование использовать для проведения собрания по своему выбору место, обладающее характеристиками «публичного форума».

Обозначенная правовая проблема обычно не решается на законодательном уровне и умалчивается в нормативно-правовых актах, регулирующих свободу собраний. Ее решение является прерогативой суда. Исключение составляет Венгрия, где в Акте о свободе собраний зафиксировано, что свобода собраний гарантируется в публичных местах (на дорогах, улицах, площадях и любой территории, доступной для всех без ограничений), а также на объектах частной собственности, открытых для населения (ст. 15)².

Автор данной статьи ставит перед собой задачу поиска правового баланса между двумя равновеликими конституционными ценностями – свободой мирных собраний и правом частной собственности. Посредством анализа зарубежной судебной практики мы постараемся выделить факторы, требующие учета в процессе балансирования, и проследить динамику усиления остроты воздействия отдельных факторов на выводы судов, устанавливающих конституционно допустимые, хотя и весьма неустойчивые, временные точки равновесия, примиряющие интересы обеих сторон.

«Квазипубличная» собственность

Прежде всего, необходимо определиться, какие объекты частной собственности потенциально пригодны для проведения публичных мероприятий и, следовательно, могут стать предметом спора. Здесь целесообразно выделить две категории частных территорий и помещений:

- 1) используемые в сугубо частных целях (для удовлетворения личных нужд собственников), и
- 2) используемые в качестве публичного пространства («квазипубличная» собственность).

В отношении первой группы объектов недвижимости баланс, бесспорно, устанавливается в пользу максимальной защиты прав частного собственника. Как отмечал Верховный Суд США в деле *Корпорация Ллойд против Таннера*³, неверно утверждать, что правонарушитель или незваный гость могут осуществлять общее право на свободу слова на территории частных владений, используемых без какой-либо дискриминации только для личных нужд. В деле *Армз против Города Филадельфия*⁴ Окружной суд Восточного округа Пенсильвании подчеркивал, что право «исключать других» является фундаментальным элементом права частной собственности, и Первая Поправка не может рассматриваться как создающая абсолютное право нарушать границы владения. Сложно не согласиться с проходящей через большинство судебных решений о защите права собственности мыслью о том, что посягательство на право собственника свободно и без объяснения мотивов распоряжаться принадлежащим ему имуществом недопустимо, поскольку разрушает саму сущность права и выхолащивает его содержание. Собственность, в не меньшей, а скорее даже в большей мере, чем свобода мирных собраний, выступает как «цивилизованная основа и выражение свободы человека»⁵ и поэтому не может быть принесена в жертву каким бы то ни было иным конституционным правам и свободам. Поэтому, по общему правилу, нет никаких оснований требовать от собственника объяснять разумными доводами свое нежелание предоставлять кому-либо доступ к своему земельному участку⁶.

² Peters A., *Ley I. Comparative Study: Freedom of Peaceful Assembly in Europe*. Max Planck Institute for Comparative Public and International Law. March 2014. P. 116, 142. Available at URL: http://www.venice.coe.int/files/Assemblies_Report_12March2014.pdf (дата обращения 01.07.2014).

³ *Lloyd Corporation, Ltd. v. Donald Tanner, Betsy Wheeler, and Susan Roberts* // 407 U.S. 551 (1972).

⁴ *Stephanie Morello Armes, Michael McMonagle and Joseph Wall, v. City Of Philadelphia* // 706 F Supp 1156.

⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2008 г. № 9-П по делу о проверке конституционности положений статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Костылева // СЗ РФ. 2008. № 30 (ч. 2). Ст. 3695.

⁶ Данный вывод сделан в решении суда провинции Онтарио (Канада) по делу *Russo v Ontario Jockey Club* (1988) 46 DLR (4th) 359 at 361.

Сказанное не препятствует собственнику по своему свободному волеизъявлению, без какого бы то ни было принуждения открыть объект недвижимости для неограниченного использования всеми желающими, как за определенную плату, так и бесплатно. Участки и помещения, предлагающие многочисленным посетителям всевозможные услуги, осуществляют в том числе функцию обеспечения коммуникативного взаимодействия большого числа индивидов и в этом смысле обретают «квазипубличный» характер.

Термин «квазипубличный» («quasi-public») широко используется в англо-американском праве для обозначения земельных участков или помещений, которые номинально находятся в частной собственности, но по воле собственника открыты для публичного использования неограниченным кругом лиц, в связи с чем не могут рассматриваться исключительно как приватные зоны⁷. Торговые центры, аэропорты, кампусы университетов, тротуары и улочки частных спортивных комплексов, рекреационных зон и жилых кварталов привлекают большое количество граждан и постепенно вытесняют традиционные общественные площадки, находящиеся в публичной собственности, из списка мест, где идеи и предложения могут быть услышаны максимальным числом адресатов. Профессор политологии Университета Торонто Маргарет Кон в своей книге «Отважные новые районы: приватизация общественных территорий» отмечает, что «развитие автомобильных технологий, расширение сети федеральных магистралей, разрастание жилых пригородов изменили стиль жизни американцев. В настоящее время единственным местом, где многие американцы сталкиваются с незнакомыми людьми, являются торгово-развлекательные комплексы. Самое главное общественное место на сегодняшний день является частным»⁸.

Автором исследования обозначена важная проблема, широко обсуждаемая в западной правовой, социологической и политологической литературе, – проблема «приватизации публичного пространства»⁹. Все более распространенной во многих странах становится практика передачи в частные руки территорий, традиционно использовавшихся в качестве публичных форумов, для благоустройства, перепланировки или реконструкции. Так, одна из самых больших площадей в Лондоне – Площадь Гранари (Granary Square) – открылась в 2012 г. после ее передачи частной девелоперской компании, что стало предметом острых разногласий между властью и противниками приватизации публичного пространства¹⁰. А американский город Солт Лейк Сити в конце 1990-х годов продал часть главной улицы в центре города в собственность Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (церкви мормонов), оставив по соглашению с церковью для жителей только право беспрепятственного прохода, не предполагающего, в частности, возможность проводить собрания, митинги или демонстрации, распространять литературу, организовывать развлекательные мероприятия, устанавливать стенды или вешать плакаты, использовать громкоговорители. Недовольство общественных и религиозных организаций привело к судебным тяжбам¹¹.

Как отмечают исследователи, по мере все большего перемещения жизни горожан в места, принадлежащие частным компаниям, возможности для публичного самовыражения заметно сужаются. Частный собственник движим соображениями максимизации прибыли или личной

⁷ См., напр.: Gray K., Gray S. F. Civil Rights, Civil Wrongs And Quasi-Public Space, 4 *European Human Rights Law Review*, 1999. P. 46–102.

⁸ Kohn M. Brave New Neighborhoods: The Privatization of Public Space. Taylor & Francis, 2004. P. 55 (перевод с англ. мой. – Т. Х.) Available at URL: http://chisineu.files.wordpress.com/2013/03/margaret_kohn_brave_new_neighborhoods_the_privatization_of_public_space__2004.pdf (дата обращения 01.07.2014).

⁹ Dorsen N. and Gora J. Free Speech, Property, and the Burger Court: Old Values, New Balances // The Supreme Court Review Vol. 1982 (1982). P. 195–241; Kohn M. Op. cit.; Minton A. The privatisation of public space: What Kind of World Are We Building? Report published by Royal Institution of Chartered Surveyors (RICS), 2006 Available at URL: <http://www.annaminton.com/Privatepublicspace.pdf> (дата обращения: 01.07.2014); Mitchell D. The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space. Guilford Press, 2003.

¹⁰ Vasagar J. Public Spaces in Britain's Cities Fall Into Private Hands // The Guardian, 11 June 2012. Доступно на URL: <http://www.theguardian.com/uk/2012/jun/11/granary-square-privately-owned-public-space> (дата обращения 01.07.2014).

¹¹ Решение окружного суда 2001 г. по делу *First Unitarian Church of Salt Lake v. Salt Lake City Corporation*, 146 F. Supp. 2d 1155, вынесенное в пользу города, было обжаловано в апелляционный суд, которым

пользы в иной форме от объектов собственности¹² и, кроме того, получает удовлетворение от свободного распоряжения принадлежащим ему имуществом, в том числе посредством пресечения попыток его использования, причиняющих дискомфорт. Кроме того, собственник вполне объяснимо может предложить манифестантам использовать площадку для проведения собраний при условии внесения платы за аренду помещения или земельного участка в размере, определяемом свободным рынком. Для многих организаторов публичных мероприятий такие условия равносильны запрету на использование соответствующей территории в качестве места проведения манифестации. По мнению исследователей, ограничение свободного и равного доступа к частным владениям, по своей сути предназначенным для коллективного использования (торговли, общественного питания, отдыха и т. п.), актуализирует проблему социальной изоляции определенных групп, увеличивает неравенство и чувство неудовлетворенности наименее обеспеченных прослоек общества¹³.

Практика зарубежных государств предоставляет богатый материал для размышлений о поиске разумного баланса между свободой публичного выражения мнений и правом собственника удалить нежелательных лиц с принадлежащего ему участка (или из здания). В Руководящих принципах по свободе мирных собраний БДИПЧ ОБСЕ¹⁴ подчеркивается наличие права на свободу мирных собраний также и для собраний, проходящих на территории частных владений. Для проведения таких собраний не требуется уведомление государственного органа, но обязательно согласие собственника (п. 22). Далее в указанном документе содержится правило о том, что владельцы частной собственности могут на законных основаниях и по своему усмотрению ограничить доступ к своим владениям любым лицам, за исключением тех ситуаций, когда защита свободы собраний в местах, находящихся в частной собственности, может оказаться необходимой в случае нарушения самой сути данного права (п. 23). К исключениям как раз относится требование о предоставлении манифестантам права на проведение мирных собраний в местах, относящихся к «квазипубличным» территориям.

Правовой режим некоторых объектов «квазипубличной» собственности

Существует практика отнесения к «квазипубличной» собственности следующих частных владений:

- 1) аэропортов;
- 2) торговых и торгово-развлекательных центров;
- 3) пешеходных улиц;
- 4) университетских кампусов.

Интерес представляют критерии, используемые судами в качестве основы для вывода о признании (или отказе в признании) частной территории публичным форумом, а также трудности, с которыми сталкиваются суды при разрешении данной категории споров.

Аэропорты. Отнесение к публичным местам территорий аэропортов вне зависимости от их формы собственности (государственной или частной) обычно не вызывает споров¹⁵. К выводу о

вынесено решение от 9 октября 2002 г., отменившее решение окружного суда и признавшее соглашение между городом и церковью мормонов не соответствующим Первой Поправке к Конституции (*First Unitarian Church of Salt Lake City v. Salt Lake City Corporation*, 308 F.3d 1114).

¹² Некоторые территории передаются застройщикам в долгосрочную аренду, при этом публичный собственник надолго утрачивает контроль над объектом. Мотивация арендатора при таких условиях близка к мотивации собственника. Одним из примеров является проект возрождения центрального района Ливерпуля (Великобритания), получивший название «Райский проект» (*The Paradise Project*) и позже переименованный в «Ливерпуль ОДИН» (*Liverpool ONE*). Территория в центре города площадью 42,5 акра, включающая в себя 34 улицы и парк Чавасс, сдана в аренду на 250 лет компании-застройщику Grosvenor, который превратил ее в огромный квартал магазинов, развлечений и отдыха под открытым небом (см. подробнее: *Minton A.* Op. cit. P. 14–15; *Kingsnorth P.* *Cities For Sale* // *The Guardian*, 29 March 2008. Available at URL: <http://www.theguardian.com/society/2008/mar/29/communities> (дата обращения 01.07.2014); официальный сайт проекта «Ливерпуль ОДИН» <http://www.liverpool-one.com/> (дата обращения 01.07.2014).

¹³ *Kohn M.* Op. cit. P. 4–7.

¹⁴ Доступно на URL: <http://www.osce.org/ru/odihr/83237> (дата обращения 01.07.2014).

¹⁵ В 1991 г. Верховный Суд Канады вынес решение по делу *Committee for the Commonwealth of Canada v. Canada*, 1 SCR 139, в котором указал на то, что государство, будучи собственником Международного аэропорта в Монреале, не вправе ограничивать свободу выражения мнений на его территории, поскольку

том, что политические собрания и выступления должны быть разрешены на частной территории аэропорта, пришел Федеральный Конституционный Суд Германии по результатам рассмотрения дела *Франпорт (Fraport AG)*, завершившегося вынесенным 22 февраля 2011 г. решением¹⁶. Спор возник вследствие того, что Франкфуртский аэропорт наложил на заявительницу и пять других членов инициативной группы против депортации запрет на посещение аэропорта и пояснил в письме, что собрания, реклама, а также распространение листовок требуют согласования и что «несогласованные демонстрации» в терминале недопустимы по соображениям безопасности, а также того уровня сервиса, который гарантирует пассажирам аэропорт.

Вынося решение, Суд исходил из того, что, хотя аэропорт находится в частной собственности, держателями его акций являются земля Гессен и город Франкфурт-на-Майне, которые, согласно Основному закону ФРГ, непосредственно связаны основными правами. Конечно, свобода митингов не предполагает право на доступ к любым местам, в особенности к личным земельным участкам. Но эта свобода и не ограничена общественным пространством улиц. Если сегодня коммуникационную функцию улиц и площадей все больше дополняют другие общественные места, то на этих территориях не должна исключаться свобода собраний. Франкфуртский аэропорт как раз является местом общего коммуникативного взаимодействия и в этом смысле собрания на его территории являются «собраниями под открытым небом» в понимании абз. 2 ст. 8 Основного закона ФРГ. Поскольку пределы защиты права на свободу собраний охватывают территории частных аэропортов, правомерность ограничений, выражающихся в данном случае в полном запрете членам инициативной группы проводить мирные акции в аэропорту Франкфурта, оценивается стандартно – посредством применения теста на пропорциональность. Поскольку наложенные ограничения не были оправданы непосредственной, очевидно распознаваемой угрозой безопасности и не препятствовали реализации аэропортом его первоначальной функции по организации воздушного сообщения, они не могут считаться допустимыми. В решении указывается, что управляющая компания аэропорта должна создать соответствующие конституционным требованиям прозрачные правила поведения, приспособленные к специфическим особенностям и функциональным характеристикам объекта.

В логике суда несколько удивляет то, что характеристика аэропорта как общественного места, требующего признания за гражданами права на реализацию на его территории свободы мирных собраний, увязана с составом акционеров, включающим в себя публичные образования. Возможно, обращение к «личности» собственника делает более очевидным вывод о прямом распространении на него требований Основного закона, но одновременно ставит вопрос, осталось бы неизменным решение Суда, если бы в число акционеров входили исключительно частные лица. Как представляется, состав собственников не должен играть роли при отнесении места к «квазипубличной» территории, поскольку свойство «публичности» вытекает из функциональных особенностей помещения или участка под открытым небом, а также обусловлено добровольным решением собственника о предоставлении неограниченного доступа к территории для получения широкого спектра услуг. Именно с услугами, оказываемыми на территории частного объекта недвижимости, обычно, так или иначе, связана тематика публичных мероприятий, которые не будут столь убедительными, если их перенести за пределы соответствующего объекта.

Торгово-развлекательные центры. Следующая категория «квазипубличных» мест, вытесняющих традиционные общественные пространства, – это торгово-развлекательные комплексы, разнообразные по своим размерам и предлагаемому спектру услуг. Несмотря на поразительную динамику распространения и растущую среди населения большинства государств популярность, признание права на свободу собраний на территории торговых комплексов вызывает наибольшее количество споров в судебной практике.

аэропорт является подходящим для высказывания идей и мыслей местом («публичной ареной»), а также поскольку мирное самовыражение совместимо с основной целью функционирования объекта и не препятствует ее эффективному осуществлению Текст решения доступен на сайте URL: <http://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/723/index.do> (дата обращения 01.07.2014).

¹⁶ 1 BvR 699/06.

Еще полвека назад торговые центры предназначались в первую очередь для совершения покупок. В 1972 г. при рассмотрении дела *Корпорация Ллойд против Таннера*, касавшегося запрета, установленного торговым центром, на мирное распространение анти-милитаристских листовок на его территории, Верховный Суд США основывал свои выводы на убеждении, что торговый центр не является эквивалентом поселка, выстроенного компанией для своих рабочих, обязанного, несмотря на частную форму собственности, быть открытым для политических выступлений и собраний¹⁷. В тот момент Суд считал, что торговые центры не предназначены для осуществления гражданами разнообразных видов деятельности, а построены исключительно для совершения покупок и поэтому не могут считаться публичным пространством. По мнению судьи Пауэлла, автора данного решения, политические активисты неверно поняли приглашение собственника, обращенное к неограниченному кругу лиц, как заявление о превращении торговой галереи в публичный форум; приглашение касалось лишь совершения покупок на частных владениях¹⁸.

Реальность оказалась таковой, что рассуждения Верховного Суда очень быстро утратили фактическую основу. В США и по всему миру торговые комплексы стремительно превратились в коммуникативные центры, в которые люди направляются для отдыха и развлечений¹⁹. К примеру, открывшийся в 1992 г. в штате Миннесота Американский Молл (Mall of America) ежегодно принимает более 40 миллионов посетителей, чьи интересы сводятся не только к шоппингу: комплекс представляет собой «город в городе», включает в себя свадебную часовню, самый большой в стране парк развлечений под крышей, аквариум, постоянное выставочное пространство, почту, полицейский участок и несколько отелей²⁰. По оценкам исследователей, в среднем лишь четверть времени от среднего визита в торговоразвлекательный центр уходит на посещение магазинов. Имеются прецеденты выполнения торговоразвлекательными комплексами функций административных центров. К примеру, местные и окружные власти в городе Ноксвилл, штат Теннесси, разместили основные государственные службы на территории торговой галереи. Власти мотивировали такой шаг попыткой «приблизить государственные услуги к населению»²¹.

Верховный Суд США тем не менее не взял на себя ответственность констатировать свершившееся превращение торговых центров из частных в «квазипубличные» пространства и, соответственно, возложить дополнительное обременение на частного собственника. Он, однако, не запретил конституционным законодателям штатов в соответствии с Первой Поправкой к Конституции США требовать от собственников обеспечения права на доступ граждан в торговоразвлекательные центры с целью реализации свободы выражения мнений. Такой возможностью, упомянутой в решении Верховного Суда по делу *Торговый центр Прунъярд против Робинса*²², воспользовались несколько штатов²³.

В деле *Коалиция Нью-Джерси против Войны на Ближнем Востоке против Корпорации недвижимости JMB* Верховный Суд штата Нью-Джерси открыто заявил, что, несмотря на то что конечная цель открытия торговых галерей связана с извлечением прибыли, их обычное

¹⁷ Решение о том, что свобода самовыражения на территории поселка, принадлежащего частной компании, защищается Первой Поправкой, было вынесено в 1946 г. по делу *Марш против Алабамы* (*Marsh v. Alabama / 326 U.S. 501*).

¹⁸ *Lloyd Corporation, Ltd. v. Donald Tanner, Betsy Wheeler, and Susan Roberts*, 407 U. S. 551 (1972).

¹⁹ *Goss J. The «Magic of the Mall»: An Analysis of Form, Function, and Meaning in the Contemporary Retail Built Environment // Annals of the Association of American Geographers. Vol. 83. No. 1 (Mar., 1993). P. 25–26.*

²⁰ URL: [https:// www.bloomingtonmn.org/page/1/mall-of-america.jsp#.U61lLtoaySN](https://www.bloomingtonmn.org/page/1/mall-of-america.jsp#.U61lLtoaySN) (дата обращения 01.07.2014).

²¹ *Kohn M.* Op. cit. P. 59.

²² *Pruneyard Shopping Center v. Robins*, 447 US 74 (1980).

²³ Имеются в виду штаты Нью-Йорк, Нью-Джерси, Колорадо, Орегон (см., в частности: *Barendt E. Freedom Of Speech. Second Edition. Oxford University Press. P. 287*). Правда, следует констатировать, что большинство штатов (Аризона, Висконсин, Джорджия, Миннесота, Мичиган, Огайо, Пенсильвания и др.) поддержали частных собственников и их право отказывать индивидам и организациям в использовании торговых центров в качестве места проведения публичных мероприятий.

использование является всеобъемлющим, практически безграничным, отражающим картину жизни социума, практически во всех аспектах повторяющим активность городского бизнес-квартала, оставляющим место для проявлений свободомыслия и организации общественных мероприятий. Мы не знаем другой частной собственности, так сильно похожей на публичную. Приглашение публике использовать пространство торгового центра – это призыв не столько совершать покупки в магазинах, сколько делать все действия, которые можно реализовывать на общественных площадках в центре города. Приглашение, обращенное к широкой публике, звучит очень просто: «Приходите сюда, это все, чего мы желаем»²⁴. Впоследствии Верховный Суд Нью-Джерси подтвердил свою позицию, указав на недопустимость введения торговым центром запрета на распространение политической организацией листовок на его территории, при условии что политическая активность не мешает коммерческой деятельности организаций, расположенных в торговом комплексе²⁵.

Очевидно, решение Верховного Суда Нью-Джерси в отношении торговых центров мотивировано той же логикой, что и решение Федерального Конституционного Суда ФРГ в отношении частных аэропортов: политические собрания должны разрешаться на «квазипубличных» территориях, если они не препятствуют основной деятельности объекта.

Логика Верховного Суда Нью-Джерси применительно к торговым комплексам не является общепризнанной. Ни в США, ни в других юрисдикциях требование об ограничении интересов частного собственника торгово-развлекательного комплекса в пользу интересов манифестантов не рассматривается как конституционно гарантируемое. При отсутствии специального законодательного регулирования приоритет чаще всего отдается наиболее полной защите правомочий частного собственника. В Канаде, например, в известном деле *Харрисон против Карсвелла* Верховный Суд посчитал, что собственник торгового центра был вправе запретить протестантам проводить пикетирование на территории торгового центра, несмотря на то что адресатом выступления являлась расположенная в торговом центре организация, в которой работала заявительница²⁶. Суд отметил, что торговый центр не является общественным пространством. Следует иметь в виду, что это решение вынесено в 1975 г., на заре формирования обыкновения проводить время в торгово-развлекательных центрах. Кроме того, дело рассматривалось до вступления в силу Канадской Хартии прав и свобод, ст. 2 которой провозгласила в качестве одной из основных свобод свободу собраний с мирными целями. И хотя Верховный Суд Канады повторно не обращался к данному вопросу, провинциальный суд в 1986 г. посчитал, что Хартия гарантирует канадцам право использовать частную территорию торгового центра для публичного выражения своей позиции²⁷. Законодатель одной из провинций внес изменения в правовое регулирование и разрешил пикетирование и другие формы коммуникации «истинных утверждений» в торговых центрах, запретив собственнику произвольно лишать жителей провинции права использовать эту территорию в целях самовыражения²⁸.

Конфликт права на свободу манифестаций и права частной собственности между манифестантами и компанией – владельцем торгового центра стал также предметом судебных споров в Великобритании, завершившихся обращением в Европейский Суд по правам человека. В деле *Эпплби против Соединенного Королевства*²⁹ сотрудники службы безопасности торгового центра заставили заявителей убрать установленный у входа в галерею агитационный стенд для сбора подписей против планируемой застройки на спортивном поле в центральной части города и запретили продолжать сбор подписей под их петицией. ЕСПЧ не нашел нарушений свободы

²⁴ *New Jersey Coalition Against War in the Middle East v JMB Realty Corporation*, 138 N. J. 326 (1994) (перевод с англ. мой. – Т. Х.).

²⁵ Решение Верховного Суда Нью-Джерси 2000 г. по делу *Green Party of New Jersey v. Hartz Mountain Industries, Inc.*, А-59-99.

²⁶ *Harrison v. Carswell* (1975), [1976] 2 S.C.R. 200.

²⁷ *R. v. Layton* (1986), 38 C.C.C. 3d 550.

²⁸ The Petty Trespasses Act of Manitoba / C.C.S.M. с. P50. Amended by S.M. 1992. P. 21.

²⁹ European Court of Human Rights. Case of *Appleby and Other v. The United Kingdom*. Judgment of 6 May 2003. Application N 44306/98.

слова и мирных собраний в действиях государства-ответчика, отметив, что органы власти напрямую не несут ответственность за действия частного лица (собственника торгового центра), ограничившего свободу слова и собраний заявителей³⁰. Данный довод (об отказе в признании «горизонтального эффекта» конституционных прав в том смысле, что положения о свободе выражения мнений защищают граждан только от посягательств со стороны государства («*state action*»), а не частных лиц) встречается и в американских решениях³¹.

Европейский Суд согласился с заявителями, что в способах, с помощью которых люди перемещаются с места на место и общаются друг с другом, произошли изменения. Однако эти изменения не требуют автоматического создания прав на вход на территорию частной собственности. Только в случаях, когда налагаемые на доступ к собственности ограничения препятствуют эффективному осуществлению свободы выражения мнения или разрушают самую суть этого права, есть, по убеждению Европейского Суда, повод для возникновения позитивного обязательства государства ограничить право собственности.

В деле *Эплби*, согласно позиции Суда, ничто не мешало заявителям получить разрешение от частных предпринимателей, арендующих в Галерее торговые площади, или проводить кампанию в старом центре города, или использовать альтернативные средства агитации, такие как обход домов и квартир, попытки добиться освещения своей кампании средствами массовой информации. Соответственно, заявители фактически не были лишены возможностей доводить свои взгляды до сведения сограждан (п. 48).

Данное дело демонстрирует неготовность Европейского Суда внести ясность в вопрос о том, какие последствия несет приватизация публичного пространства для свободы слова и свободы мирных собраний. Сведя аргументацию к весьма поверхностному анализу фактических обстоятельств (предложенные ЕСПЧ иные формы выражения позиции заявителей явно не являются эффективными субститутами экспрессивных действий на территории торгового комплекса), Суд ушел от ответа на вопрос, может ли государство, передав территорию, исторически использовавшуюся в качестве публичного форума, в частные руки, снять с себя обязательства по защите конституционных прав и свобод на этой территории, если последние вступают в конфликт с интересами частного собственника.

В отношении торгово-развлекательных центров доктринальный ответ на этот вопрос далеко не очевиден. С одной стороны, как отмечает в своем частично несовпадающем мнении к делу *Эплби* судья Марусте, территория торгово-развлекательного комплекса по функциональным характеристикам представляет собой эквивалент *forum publicum*, и ее нельзя рассматривать иначе как «квазипубличное» пространство. Но, с другой стороны, справедливо утверждение владельцев торговых галерей о том, что привлекательность огромных торговых площадей как раз обусловлена тем, что собственник позаботился об избавлении посетителей от любого источника дискомфорта. Приятная температура воздуха, отполированные полы и стены, повышенная безопасность, тихая музыка, единый стиль дизайнерской проработки интерьера – все это делает торговые комплексы улучшенным макетом реальности городских улиц и площадей и заставляет людей проводить время в таких центрах. Как отмечает Бенжамин Барбер, торговые галереи создают мир в одном единственном измерении – потребительском, и отсекают все факторы, отвлекающие и раздражающие покупателей³². Лишение собственника права исключить лиц, создающих дискомфорт окружающим (демонстрантов, попрошайек, бездомных), разрушит всю концепцию молла и отпугнет огромное количество потенциальных посетителей.

В свете последних утверждений небезосновательными выглядят заявления собственников о том, что предоставление манифестантам территории торгово-развлекательного комплекса для

³⁰ Не повлияло на выводы Европейского Суда и то обстоятельство, что торговый комплекс был построен на государственной земле в историческом центре города по распоряжению властей и впоследствии приватизирован.

³¹ См., например, решение Верховного Суда США по делу *Hudgens v. NLRB*, 424 U.S. 507 (1976).

³² *Barber B. Malled, Mauled and Overhauled: Arresting Suburban Sprawl by Transforming the Mall into Usable Civic Space*, in *Public Space and Democracy*, ed. Marcel Hijnaff and Tracy B. Strong. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2001. P. 204.

проведения публичных мероприятий равносильно изъятию собственности для публичных нужд без справедливой компенсации, что конституцией не допускается³³. Активные экспрессивные действия на территории торговых комплексов сулят собственнику значительные финансовые потери. К тому же, поскольку конкуренция среди владельцев частных моллов высока, посетители могут перестать посещать те торгово-развлекательные центры, где распространено проведение протестных акций. Данная проблема не возникает, например, у собственников крупных аэропортов или железнодорожных вокзалов, поскольку люди, пользующиеся транспортом, не могут с легкостью отказаться от их услуг, а значит, аэропорты и вокзалы вряд ли утратят часть своих клиентов из-за периодических протестных мероприятий на их территории.

Итак, предоставление вопреки воле собственника права на проведение протестных мероприятий на территории торгово-развлекательных центров вызывает серьезные сомнения с точки зрения равноценного учета интересов обеих сторон. Проблема усугубляется тем, что торговые центры являются более прибыльными субститутами традиционного общественного пространства, а потому возникают и на территориях, исторически использовавшихся для открытого эмоционального обсуждения общественно-политических вопросов, закрывая индивидам каналы для проявления гражданской активности.

Пешеходные улицы. Приватизация публичного пространства затронула и такие традиционно открытые для широкой публики места, как улицы и тротуары. В США наработана практика признания пешеходных улиц, находящихся в частной собственности, территорией, на которую распространяется действие Первой Поправки к Конституции. Основываясь на позиции, выраженной в решении Верховного Суда США по делу *Соединенные Штаты против Грейс*³⁴, в соответствии с которой тротуары в целом и пешеходная дорожка перед входом в здание Верховного Суда США, в частности, являются местом, открытым для выражения мнений в различных формах, нижестоящие суды признавали улицы, находящиеся в частной собственности, публичным форумом. Так, пешеходная улица перед Венецианским казино в Лас-Вегасе, расположенная на частной территории, признана местом, открытым для демонстраций, поскольку по соглашению с собственником эта улица предназначена для беспрепятственного движения пешеходов, а проведение мероприятий по реализации свободы слова и собраний представляет собой деятельность, непосредственно связанную со свободным передвижением граждан³⁵. Еще два важных довода, которыми суды мотивировали свои решения о признании частных пешеходных улиц публичным пространством, таковы: 1) частную улицу невозможно отличить от общественной, она никаким образом не отграничена, не отгорожена и не перекрыта для беспрепятственного движения пешеходов, а значит, является публичным местом³⁶; и 2) частная пешеходная дорожка проложена в том же месте, где традиционно располагалась общественная пешеходная улица, открытая для встреч и собраний³⁷.

Если тротуар, расположенный на частной территории, обозначен как частная собственность, внешне отличается и отгораживается от общественных пешеходных улиц, построен в непосредственной близости от пешеходных дорожек, открытых для беспрепятственного прохода, то приоритет отдается интересам собственника, который вправе запретить использовать частную территорию тротуара в качестве публичного форума³⁸.

Университеты. Наконец, публичной ареной считается территория университетского городка (кампуса). В деле *Штат Нью-Джерси против Шмида*³⁹ после длительных

³³ Этот контраргумент прозвучал, например, в деле Верховного Суда США *Pruneyard Shopping Center v. Robins*, 447 US 74 (1980), однако не был поддержан судом.

³⁴ *United States v. Grace* (1983), 461 U.S. 171.

³⁵ Решение Апелляционного Суда Девятого округа 2001 г. по делу *Venetian Casino Resort, LLC v. Local Joint Executive Board of Las Vegas*, 257 F.3d 937.

³⁶ См., например, решение Апелляционного Суда Шестого округа 2004 г. по делу *United Church of Christ v. Gateway Economic Development Corporation of Greater Cleveland, Inc.*, 383 F.3d 449.

³⁷ См., например, решение окружного суда северного округа штата Иллинойс 1991 г. по делу *Jackson v. City of Markham*, 773 F.Supp. 105.

³⁸ См., например, решение Верховного Суда штата Невада 2001 г. по делу *S.O.C., Inc. v. The Mirage Casino-Hotel*, 117 Nev. 403.

³⁹ Решение Верховного Суда штата Нью-Джерси 1980 г. по делу *State v. Schmid*, 84 N.J.535.

размышлений суд пришел к выводу, что частная территория Принстонского университета, выполняющего по своей сути публичную функцию, на основании положений Конституции штата Нью-Джерси должна рассматриваться как площадка для свободного и открытого выражения политических воззрений. Суд отметил, что при вынесении решения, требующего балансирования права частной собственности и свободы слова и собраний, необходимо учитывать три основных фактора: 1) природу и основную цель использования объекта собственности; 2) широту приглашения использовать частную территорию, адресованного публике, и 3) цели участников экспрессивных акций в их соотношении с частными и публичными целями использования объекта собственности⁴⁰.

Заключение

Итак, отдельная категория объектов частной собственности ввиду их особых функциональных характеристик получила название «квазипубличные». По общему правилу, защита интересов частного собственника оправдывает ограничение свободы выбора организатором места проведения публичного мероприятия. Однако «квазипубличные» участки и помещения требуют установления иного правового режима в силу того, что собственник по своему желанию делает объект недвижимости открытым для неограниченного числа посетителей.

Через категорию «квазипубличных» территорий проявляется обязывающий характер собственности, четко зафиксированный в абз. 2 ст. 14 Основного закона ФРГ. Собственность должна служить демократическим и правовым ценностям и не может использоваться для разрушения сущности других прав и свобод. Реализация правомочий собственника в ущерб равновеликим конституционным ценностям, в нашем случае свободе мирных собраний, является примером злоупотребления конституционным правом.

В условиях повсеместной приватизации публичного пространства естественным образом возникает вопрос о пересмотре обязательств государства по обеспечению свободы собраний в местах, признаваемых публичным форумом. Классическое понимание свободы собраний предполагает обязанность государства гарантировать гражданам право проводить манифестации на общественных улицах, площадях, в парках и скверах⁴¹. Активное перемещение общественной жизни в частные владения, вдохновляемое государством, делает вопрос о пределах вмешательства властного субъекта во взаимоотношения частных лиц крайне деликатным.

Правовые модели решения коллизии рассматриваемых конституционных прав варьируются. С одной стороны, существует немецкий подход, раскрытый выше на примере дела *Франпорт*, распространяющий свободу собраний на частные территории, открытые для публичного использования. С другой стороны, есть более сдержанные, смешанные правовые режимы, как в США, которые не считают обязательным, но и не препятствуют региональному законодателю вводить дополнительные обременения в отношении собственников «квазипубличных» территорий в угоду более широкой защите свободы выражения мнений. И, наконец, во многих государствах, в том числе в Российской Федерации, данная проблема пока не нашла правового отклика, что по умолчанию означает признание классического подхода к распространению свободы собраний исключительно на общественные территории.

С точки зрения оптимального баланса конституционных прав ни одна из моделей не является безупречной. Как представляется, баланс между свободой собраний и правом частной собственности может быть достигнут только за счет компромиссных решений, в наименьшей степени обременяющих каждую из сторон. Приватизация публичного пространства не должна вести к утрате возможности граждан проводить публичные мероприятия в местах, оптимально расположенных или традиционно использовавшихся для мирных собраний. Но и собственник не должен опасаться, что, открывая доступ к своему объекту недвижимости для большого числа посетителей, он рискует лишиться существенной части экономической выгоды, вследствие того что государство переложило на него свои обязательства по обеспечению права на

⁴⁰ *Stricker H.* Assembly on Private Property. First Amendment Center. URL: www.firstamendmentcenter.org/assembly-on-private-property (дата обращения 01.07.2014).

⁴¹ *Peters A., Ley I.* Op. cit. P. 142.

мирные манифестации. В свете сказанного одобрение вызывают инициативы, выдвигавшиеся в США в некоторых штатах, о том, что торговые центры не меньше определенного размера должны предусматривать на своей территории площадку, где желающие могли бы собираться и публично высказывать мнения по общественно-политическим вопросам⁴². Справедливой также представляется идея компенсировать частным собственникам издержки, возникающие в связи с проведением собраний (уборка территории, отказ предоставить площадку в аренду другим субъектам, частичная утрата клиентской базы и проч.), из бюджета публичного образования, поскольку, в конце концов, именно на властном субъекте, а не на частном лице, лежит конституционная обязанность создавать условия для беспрепятственной реализации гражданами свободы мирных собраний.

Проблема «квазипубличных» территорий далека от своего окончательного разрешения. Она демонстрирует сложность, но при этом необходимость применения техник балансирования в процессе судебного разрешения коллизий конституционных ценностей, во всех случаях когда обе стороны конфликта в одинаковой степени правы.

Аннотация. Статья посвящена исследованию малоизученного в российской правовой науке и практике вопроса о праве на проведение мирных собраний на частных территориях. Актуальность данной проблемы в зарубежных правовых системах возрастает ввиду заметной тенденции к приватизации публичного пространства. Автор анализирует практику судов США, Канады, ФРГ, а также Европейского Суда по правам человека и выделяет факторы, помогающие судам находить баланс между справедливыми притязаниями манифестантов на свободный выбор места проведения публичного мероприятия и неотъемлемым правомочием частного собственника самостоятельно и независимо распоряжаться своим имуществом.

Ключевые слова. Свобода собраний, частная собственность, «квазипубличные» территории, приватизация публичного пространства, балансирование.

Annotation. The article encompasses a study of the right to peaceful assembly on private property. This topic rarely receives attention of Russian legal scholars but is quite relevant in foreign legal systems in the light of a clear tendency to privatization of public space. The author analyzes case law of US, Canadian, German courts, as well as the European Court of Human Rights, and identifies factors that the judge has to consider in order to achieve a fragile balance between a protesters' claim to freely choose a place for assembly and legitimate powers of a private owner to make independent decisions regarding his property.

Keywords. Freedom of assembly, private property, "quasi-public" land, privatization of public space, balancing.

⁴² Kohn M. Op. cit. P. 61.

С. А. Ялышев
S. A. Yalyshev

ОБ ИНОСТРАННОМ ОПЫТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ ПРЕСТУПНИКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ СЕРИЙНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ON FOREIGN EXPERIENCE OF USING PSYCHOLOGICAL PROFILE OF CRIMINALS IN THE INVESTIGATION OF SERIAL CRIMES

В настоящее время в России, как и в других странах мира, неуклонно регистрируется рост тяжких насильственных преступлений против личности (в том числе серийных). В то же время всемирный опыт расследования преступлений убедительно доказал, что серийные преступления могут быть одним из немногих видов преступлений против личности, которые возможно предупреждать и пресекать на стадии подготовки. По мнению зарубежных и отечественных специалистов, можно существенно увеличить процент раскрываемости серийных преступлений, используя в процессе расследования психологический профиль преступника.

Безусловно, анализ понятия «психологический профиль преступника» в наши дни достаточно актуален и представляет собой научный и практический интерес. Несмотря на то что данная методика в России появилась не так давно, о ней уже было написано в некоторых изданиях, однако весьма поверхностно. Представляется, что над этой методикой российскими исследователями необходимо еще работать и работать для того, чтобы преступления раскрывались не только в Штатах, но и у нас, в России.

К сожалению, в Российской Федерации методика составления психологического профиля не применяется широко в полицейских кругах, и многие сотрудники правоохранительных органов воспринимают данную методику в штыки. Основная причина такой реакции та же, что и в работе с экстрасенсами, – непонимание. Но мы искренне надеемся, что недалек тот день, когда полиция сможет распознать преступника «так же быстро и надежно, по оставленным преступником следам и по психологическим петлям, как если бы преступник покрыл всю стену отпечатками своих пальцев»¹.

В Российской Федерации понятие «серийные преступления» стали употреблять с начала 90-х годов. В мире это понятие было введено спецагентом ФБР – Робертом Ресслером. В большинстве случаев тезис был предложен для определения одной, но весьма специфичной вариации преступлений – убийств, совершаемых с непостижимыми, на первый взгляд, жестокостью и садизмом, доминирующим в механизме которых является мотив достижения психосексуального разряда².

По мнению Председателя Следственного комитета А. И. Бастрыкина, указанная группа преступлений представляет чрезвычайную опасность и всегда вызывает общественный отклик. Объектами таких преступных посягательств являются зачастую жизнь, здоровье, безопасность людей, а, как показывает практика, жертвами становятся наиболее незащищенная часть общества – дети, женщины, старики³.

Считается, что за все время существования СССР на его пространстве фигурировали несколько десятков серийных преступников, совершивших сотни убийств. Но, несмотря на это, их существование не было предметом всеобщего обсуждения в среде советского

© С. А. Ялышев, 2015

¹ Образцов В. А., Богомолова С. Н. Криминалистическая психология. М., 2002. С. 15–25, 80–95.

² Данильян А. С. Лекции в МВД. Организация и производство расследования убийств, совершенных маньяками на сексуально-садистской почве. Краснодар, 2012.

³ Официальный сайт Следственного Комитета РФ. А. И. Бастрыкин: «расследование и раскрытие “серийных” преступлений – наиболее сложное... Статья от 30.10.2008 (<http://www.sledcom.ru/actual/1099/?blind=on>).

социума или предметом публикаций в средствах массовой информации. Во времена социально-экономических потрясений конца 1980-х – начала 1990-х годов число серийных преступников резко возросло, равно как и количество их жертв.

К сожалению, раскрываемость серийных убийств низка, и причин этому множество.

Одной из таких причин специалисты называют то, что на практике зачастую особо тяжкие преступления раскрываются не в результате целенаправленной и планомерной следственной и оперативной работы, а случайно. В отношении многих из таких преступников совсем не появлялось подозрений, как, например: Ткач, Сливко, Кулик, Головкин и др., а применительно к некоторым подозрение позже было даже снято. Так было с Чикатило и Михасевичем⁴. Такие преступники, длительное время чувствуя свою безнаказанность, постепенно теряют какую-либо осторожность и только тогда это дает возможность выйти на их след.

Вероятно, в основе такого положения дел – несовершенная работа правоохранительных органов, и прежде всего отсутствие специалистов, имеющих для этих целей необходимые знания и опыт. К сожалению, недостаточность научных работ по методике расследования серийных преступлений и отсутствие обобщенного опыта приводят к ошибкам в версиях и т. д.⁵

По мнению заместителя Главного управления уголовного розыска МВД России Леонида Втюрина, проблему эффективности поиска серийных преступников нельзя рассматривать отдельно от сложности раскрытия убийств в целом. За прошедшие годы нагрузка на сотрудников правоохранительных органов стала выше. Другая трудность – ухудшение качественного состава оперативных подразделений. Третья проблема – недостаточное техническое обеспечение уголовного розыска. Нынешнее оснащение оперативников осталось на уровне 70-х годов XX в. Как и раньше, их главные помощники – ручка, блокнот и собственная голова. Тактика, методы и формы работы из-за отсутствия новых технических средств практически не улучшаются⁶.

В связи с тем, что серийных преступников и их жертв ничего, кроме мотива влечения и основанной на этом избирательности выбора, не связывает, очень сложно понять мотив преступления. Непонимание мотива затрудняет расследование серийных преступлений.

Следовательно, понять мотив – одна из самых важных в расследовании данного вида преступлений задач. Именно отсутствие связи между преступником и жертвой (что традиционно использовалось сотрудниками правоохранительных органов при расследовании преступлений) делает неэффективным использование обычной методики расследования преступлений и использования типовых версий. Серийные преступники выбирают жертвы только по известным им самим основаниям и признакам⁷.

Значит, основным ключом к раскрытию серийных преступлений является умение разглядеть что-то, пусть даже на первый взгляд незначимое, неважное, но общее в серии преступлений, увидеть почерк одного и того же человека в деталях, а затем, исходя из этого, составить профиль преступника и проводить целенаправленный поиск.

Основными трудностями в раскрытии таких преступлений являются, во-первых, то, что серийные преступники выбирают своих жертв среди незнакомых им людей. Во-вторых, серийные преступники внешне кажутся совершенно «нормальными», на первый взгляд, людьми.

Профессор М. В. Виноградов рассказывал, что существует масса признаков, которые позволяют специалисту заподозрить маньяка, но на уровне житейском это очень сложно сделать. В одном из своих интервью для Первого канала профессор Виноградов поделился своим опытом: «...ходит маньяк, скромный служащий – Чикатило, в очочках, веревкой

⁴ Александренко Е. В. Основные трудности раскрытия и расследования серийных сексуальных убийств. Электронный ресурс. 2010 (http://www.juristlib.ru/book_10314.html).

⁵ Ижнина Л. П., Рязанов Т. Д. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Значение криминалистических следов и психологического портрета неизвестного преступника в расследовании серийных сексуальных преступлений. 2009 (http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2009_4/37.pdf).

⁶ Модестов Н. С. Маньяки... Слепая смерть: Хроника серийных убийств. Палек, 1998. С. 64.

⁷ Александренко Е. В. Основные трудности раскрытия и расследования серийных сексуальных убийств.

перевязанных, дети у него, жена, и вообще он скромный советский работник. А на самом деле, он знает, что он самый кровавый маньяк. И вот это ощущение самоудовлетворения приносит ему огромную радость, значительно большую, чем слава с петлей на шее, или в камере пожизненного заключения»⁸.

Серийные преступники остаются пока еще загадкой для судебной психиатрии. Очень сложно сказать, что ими движет, даже специалистам. Психиатры считают серийных маньяков психически здоровыми, вменяемыми людьми. Ведь они могут вести нормальный образ жизни, жизнь обычного человека, жить в социуме. Свою потребность к убийствам умеют неплохо маскировать, наслаждаясь тем, как это у них хорошо выходит⁹.

Кстати, о нормальности. Психиатр Херви Клекли ввел такой термин, как «маска нормальности». Клекли считал, что не все психопаты являются преступниками, все они прекрасные манипуляторы, некоторые даже достигают немалых успехов в жизни благодаря такому качеству, как умение внушить людям что угодно, внушить им, что именно он является самым лучшим и ласковым человеком на земле. Херви Клекли писал, что самым страшным типом психопата является серийный убийца, который совсем лишен таких человеческих качеств, как умение любить и сострадать. Такой человек прячет свое чудовищное нутро под «маской нормальности». И прячет он свою истину настолько хорошо, что разглядеть его настоящего очень трудно, а часто становится слишком поздно.

Факт состоит в том, что серийные преступники умеют казаться абсолютно нормальными людьми. Таких людей просто невозможно заподозрить в преступлениях, ведь окружающие не видят в них опасности. Социумом такие люди воспринимаются психически полноценными. Рамиль Линарович Ахмедшин, профессор, доктор юридических наук, говорил, что многие серийные преступники обладают повышенным интеллектуальным потенциалом, и, в определенной степени, они обладают артистическими способностями. Благодаря таким качествам серийные преступники могут несколько лет вести двойную жизнь, ничем не выдавая свои маниакальные потребности, ведь они воспринимаются окружающими, как ярко выраженные социально адаптированные личности.

Нужно отметить еще один факт, который затрудняет ход расследования.

Со временем серийные преступники оттачивают свой «профессионализм». Это дает им возможность быстрее войти в доверие к жертве, что в свою очередь позволяет им не оставлять следов. Люди, которые совершают такие преступления, ищут себе моральное оправдание, поскольку любое преступление – отклонение от общепринятой нормы, нормы морали человека. Человек, прежде чем совершить преступление, должен сначала оправдать себя, для чего он это совершает. Если человек сам себя оправдал и верит в то, что сам является жертвой, разоблачить его становится очень сложно.

Вероятно, ни у кого нет сомнений, что серийные убийства (к великому сожалению) будут продолжаться, и именно поэтому требуются детальное изучение явления серийных убийств, разработка и совершенствование новых методик поиска преступника, подготовка специалистов для работы с данными видами преступлений.

Прежде всего, необходимы специализация следователей и оперативных сотрудников по категории «серийные убийства», а также более широкое применение в их практике метода составления психологического профиля преступника.

Когда сотрудникам правоохранительных органов сложно определить мотивы убийства, они должны исследовать его поведенческие аспекты – это мнение Джона Дугласа.

Профайлинг – методика расследования преступлений, которая зародилась в Соединенных Штатах Америки во второй половине XX в. В Российской Федерации данная методика стала называться составлением психологического профиля неизвестного преступника.

⁸ Документальный фильм. Криминальная Россия. По следу сатаны. 2008 год // <http://rutube.ru/videodeo/06b42734503887933a666a3995bd63dc/>

⁹ Статья в блоге. Серийные маньяки-убийцы – мутация души? От 28.11.2007 г. // <http://dnevnik.bigmir.net/article/582094/?p=0&sort=ASC>

Криминалистическое профилирование создавалась как одно из средств борьбы с серийными убийцами. Необходимость ее появления была обусловлена резким ростом серийных преступлений, совершенных неизвестными субъектами¹⁰.

Нью-Йоркский психиатр Джеймс Брассел был основоположником данного направления, он предложил составлять психологический портрет неизвестного преступника.

Согласно теории, ФБР работает исходя из принципа, что именно поведение отражает личность преступника. По этому вопросу С. В. Милюков писал, что человек проявляется вовне через свою деятельность. В основе ее осуществления лежит взаимодействие человека с материальной средой, людьми, предметами посягательства, которое приводит к передаче информации¹¹.

Иными словами, ничто не исчезает бесследно. И те следы, которые оставляет неизвестный преступник, несут информационный характер.

Следствию необходимо понимать модель мышления преступников: это нужно для того, чтобы придать смысл уликам с места преступления и показаниям жертвы. Характерные особенности найденных улик и жертвы несут в себе информацию о том, как поступит убийца в следующий раз, как он готовится к преступлению, какими психическими расстройствами может страдать, и в чем его слабость.

Исходя из данных соображений, следователи должны начать искать мотивацию убийцы, определив вместе с тем связь мотивации и жертвы. Агенты ФБР утверждают, что во всех преступлениях присутствует мотив, что все действия преступников имеют смысл согласно определенной логике. Только эту логику необходимо понять.

Роберт Ресслер характеризовал профилирование как «процесс идентификации всех психологических данных личности, составляющий общее описание индивидуума, основанный на анализе совершенных им преступлений»¹².

С точки зрения Л. А. Бегуновой, «психологический профиль преступника – это результат психолого-правового исследования материалов уголовных и оперативно-поисковых дел по фактам нераскрытых преступлений, содержащий информацию о поисковых признаках преступника, рекомендации для выдвижения следственно-розыскных версий и основных направлений по их обработке, а также прогностическую оценку вероятного совершения очередного преступления»¹³.

Методика построения психологического профиля личности основана на принципах психоанализа и поведения. Она заключается в том, что на основании представленных материалов профайлер создает вероятное описание психологически значимых характеристик неизвестного лица, совершившего преступление¹⁴.

Пытаясь систематизировать процесс разработки психологического профиля неизвестного субъекта, некоторые авторы смогли разработать собственный метод профилирования.

Метод ФБР – анализ места преступления (Crime Scene Analysis). Профайлеры из ФБР обычно разделяют процесс анализа профиля неизвестного субъекта на семь этапов. Первый этап – оценка самого преступления. Вторым этапом является подробная оценка специфических особенностей места или мест преступления (они доказали, что местонахождение трупа имеет такое же значение, как и любая другая сторона преступления, что может немало сказать о самом неизвестном преступнике). Третий этап – подробный

¹⁰ Ахмедшин Р. Л. К вопросу о доказательственном статусе заключения об установлении «психологического портрета» неизвестного преступника. Иркутск, 2000 (<http://killer.hut.ru/art2.htm>).

¹¹ Милюков С. В. К вопросу составлении комплексного портрета личности. Электронная книга. 2010//http://www.juristlib.ru/book_7747.html

¹² Логунова А. О. Применение знаний о личности и поведении серийных сексуальных убийц в правоохранительной деятельности (обзор зарубежного и отечественного опыта) // http://www.psyedu.ru/files/articles/2315/pdf_version.pdf

¹³ Бегунова Л. А. Проблемы разработки и использования психолого-криминалистического портрета. Дис. // <http://lawtheses.com/problemu-razrabotki-i-ispolzovaniya-psihologo-kriminalisticheskogo-portreta-podozrevaemogo-pri-raskrytii-iznasilovaniy-i->

¹⁴ Крюкова Е. С. Психологический профиль как способ поиска преступника. Электронный каталог работы СПбГУ. 2007 (<http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1251581>)

анализ жертвы или жертв (в явных серийных случаях). На данном этапе очень важно уметь проникнуть, погрузиться, в сознание жертвы во время преступления. Да, нелегко совершить путешествие во мрак сознания убийцы и судьбы его жертвы, но для того чтобы понять динамику преступления и того, что происходило между убийцей и его жертвой, – это единственный способ. Можно привести для понимания следующий пример: о жертве было известно то, что по своему характеру она была пассивным человеком, следовательно, возникает вопрос: почему на ее лице так много ударов? Почему она была подвержена таким жестоким и многочисленным мучениям? Ведь после анализа ее личности было ясно, что она бы сдалась, сделала бы все, что ей приказал убийца. Эти знания о возможной реакции жертвы могут помочь понять следствию нечто очень важное о самом подозреваемом. В данном случае сделаем следующие выводы: насильнику было недостаточно самого изнасилования, он намеренно причинял жертвам боль, осуществить наказание для него было гораздо важнее. Это называется «почерком» преступника. Определив сам «почерк», можно восполнить пробелы, допущенные в анализе профиля неизвестного субъекта, а также предсказать с данной точки зрения поведение преступника после совершения преступления. Важно знать все о каждой жертве, и в каждом деле, однако, как утверждают специалисты, это самое эмоционально изматывающее занятие, какое только можно вообразить.

Четвертый этап – рассмотрение предварительных отчетов полиции. Изучение протокола судебно-медицинского вскрытия – пятый этап. На шестом этапе необходимо разработать профиль неизвестного с критическими характеристиками подозреваемого. И последний этап, седьмой, включает в себя предложение по следственной стратегии на основании созданного профиля личности¹⁵.

Как показывает практика ФБР, представленный психологический портрет неизвестного – только начало. Дальше следуют совещание со следственной группой и выработка активной стратегии, которую можно использовать для того, чтобы «помочь» неизвестному субъекту сделать неверный шаг.

Разработанный психологический профиль неизвестного преступника, в первую очередь, ограничивает, сужает круг подозреваемых лиц.

В настоящее время поисковый психологический профиль создается и реализуется в целях розыска преступников не только в Америке, но и в ряде других стран Запада, а также в России.

Метод Дэвида Кантера – следственная психология (Investigative Psychology). По-видимому, свой подход Кантер основал «на статистическом анализе и использовании возможностей эмпирической базы данных, включающей в себя информацию о преступлении и жертве, а также на некоторых теоретических концепциях психологии. Кантер рассматривает преступления в контексте межличностного взаимодействия преступника и жертвы, в котором косвенно отражаются социальные и психологические стороны личности преступника, установление которых ведет к выявлению его поисковых характеристик.

В связи с этим при разработке психологического профиля преступника он уделяет внимание анализу следующих факторов: 1) особенности выбора жертвы; 2) время и место совершения преступления; 3) характеристика личности преступника, его репутация; 4) криминальное прошлое личности (судимость); 5) способы маскировки и сокрытия следов преступлений (осведомленность преступника в техниках и процедурах криминалистики).

Разработка психологического профиля преступника состоит из следующих (последовательных) этапов: а) сбор информации о криминальном событии и его анализ, с целью выявления связей между характеристиками криминального поведения преступника и свойствами его личности; б) оценка пространственного разброса эпизодов серии для определения наиболее вероятного места обитания преступника; в) разработка на основе анализа собранных данных модели поведения преступника; г) преобразование собранной информации в электронную базу данных; компьютерная обработка информации, направленная на определение наиболее перспективных версий поиска преступника; внедрение результатов в деятельность практических органов.

¹⁵ Дуглас Дж., Олшейкер М. Погружение во мрак. М., 1998 (<http://coollib.net/b/196266>).

Отвечая на вопросы о роли психологии в расследовании преступлений, Кантер объяснил, что нельзя думать, что психологи когда-нибудь расследуют преступления. Преступления расследуются только полицией. Профайлеры разрабатывают новое понимание о преступном поведении, стратегии и стили расследования преступлений¹⁶.

Метод Brent Turvey – поведенческий анализ доказательств (Behavioral Evidence Analysis). Данный метод был разработан сравнительно недавно американским частным профайлером Брентом Тюрвей. Методика Тюрвея была создана, в первую очередь, для того, чтобы заполнить пробелы в остальных методах. В разработке психологического профиля преступника Тюрвей решил использовать в своих исследованиях все оставшиеся следы на месте преступления, а также подробно изучить поведение преступника и его жертвы.

Таким образом, метод Тюрвея состоит из четырех этапов:

1) *анализ сомнительных улик*. На этом этапе происходит анализ и оценка всех собранных по делу улик (следов), затем назначается технико-криминалистическая экспертиза; 2) *виктимология*. Здесь составляется профиль жертвы. Путем исследования профиля жертв можно получить некоторую информацию о преступнике. Тюрвей уверяет, что необходимо составлять психологический профиль как преступника, так и его жертвы. С исторической точки зрения, виктимология в профилировании была одной из самых запущенных глав. Особо она никого не интересовала. На этой стадии профиль жертвы должен содержать следующее: происхождение, пол, возраст, раса, профессия, семейный статус, внешние признаки, привычки и т. д. Таким образом, данная информация о жертве позволит узнать, каким образом преступник выбрал именно эту жертву, время и место нападения; 3) *глубокий анализ места преступления*. Особенности выбранного места совершения преступления могут охарактеризовать преступника и метод его действий; 4) *создание психологического профиля преступника*. На последнем этапе суммируется все собранная информация и разрабатывается сам профиль преступника (то, для чего были проделаны первые три стадии процесса).

В результате составленный психологический профиль преступника по методике Тюрвей раскрывает о преступнике следующую полезную в его поисках информацию: телосложение, пол, профессию и привычки, отсутствие или наличие у преступника чувство вины или сожаления, используемая модель автомобиля, мотив преступления, уровень агрессивности, история болезни, расу, семейный статус и многое другое¹⁷.

В криминалистическом профилировании также существует понятие «географический профиль». По мнению доктора Мориса Гадвина, географический профиль преступника является наиболее точным, в отличие от метода ФБР.

Разрабатывая географический профиль, необходимо исследовать место, где было найдено тело жертвы; а также предположительного места, где на жертву напали или видели в последний раз.

Вместе с Кантером Гадвин провел расследования в поимке 54 серийных преступников. Его исследования убедили в том, что место, где на жертву напали или где видели последний раз, играет важную роль в прогнозировании профиля преступника.

По этой причине Гадвин предпочитает составлять географический профиль по второму этапу, поскольку второй этап дает несколько подсказок, такие, как рельеф местности, транспортные пути сообщения, возможные свидетели, возможность использования телефонной связи, возможное использование кредитных карт, видеонаблюдение дорожного движения, заправки и т. д.

В результате полученной информации (и не только этой, список может быть длиннее) необходимо провести параллель между местом нападения и местом проживания преступника.

¹⁶ Информационный портал. Психология права. Юридическая психология в лицах. Кантер // <http://yurpsy.com/files/lica/canter.htm>

¹⁷ Информационный сайт. Forensic Criminology Consulting. Latent Evidence: What Lies Beneath the Surface of Discovery. 2014 (<http://www.forensiccriminologist.com/Tips.html>).

Автор данного метода настаивает на том, что присутствие специалиста на всех «горячих точках» обязательно¹⁸, с чем мы также согласны.

Мы хотим подчеркнуть, что нельзя забывать о том, что преступник – прежде всего человек (личность), чьи мысли, чувства, переживания и эмоции, реализованные в преступлении, являются в то же время проявлением его личности. Понять поведение преступника невозможно без подлинного знания психологии личности, психологических механизмов и мотивов, социально-психологических явлений и процессов.

К сожалению, до сих пор появление хорошего профайлера в Российской Федерации – процесс почти неуправляемый, сравнимый с чудом, так как просто научить применять эти методики явно недостаточно. А ведь не помешали бы профессионалы, такие, как в Отделе поведенческих наук ФБР. Там профайлеры – это вспомогательный инструмент следственного отдела, которые умеют собрать воедино обломки и воссоздать картину преступления. Благодаря их работе, следствие может взглянуть по-новому на нераскрытые преступления.

Таким образом, понятие личности преступника очень обширно, и исследуется оно не только психологами, но и юристами. Личность преступника – это единство социально-психологических свойств характера человека, являющихся следствием и условием совершения преступлений. Согласно теории личность преступника отличается от личности законопослушного человека общественной опасностью, преступникам присущи преступные потребности и мотивация, эмоционально-волевые деформации и негативные социальные интересы. Проблема личности преступника является одной из центральных для наук, связанных с преступностью, и прежде всего для криминологии. Однако полученные знания могут с успехом применяться в расследовании преступлений и дополнительно изучаться специалистами в области криминалистики.

Серийные убийцы и насильники гораздо сильнее обычных преступников сбивают с толку и будоражат умы, их намного труднее поймать, отчасти потому, что их действия мотивируются более сложным комплексом факторов. От этого их образ становится расплывчатым, они как бы неподвластны естественным чувствам, и невозможно ни сострадать им, ни винить и упрекать их¹⁹. Специалисты утверждают, что иногда единственный способ их поймать – научиться думать, как они.

Аннотация. В современной правоприменительной практике расследования серийных преступлений в последние десятилетия получил распространение метод профилирования личности преступника. Он позволяет раскрывать преступления в тех случаях, когда традиционные пути расследования бессильны, когда отсутствует взаимосвязь преступника и жертвы. Мировая практика применения данного метода выработала несколько приемов решения данных задач.

Ключевые слова. Профайлинг, психологический портрет преступника, расследование серийных преступлений.

Annotation. In today's law enforcement investigation of serial crimes in recent decades has spread method of offender profiling. It allows you to disclose offenses in cases where traditional ways of investigation powerless when there is no relationship of the perpetrator and the victim. World practice of this method has developed several techniques rescheniya these tasks.

Keywords. Profiling, psychological portrait of a criminal, an investigation of serial crimes.

¹⁸ Crime library. Criminal minds and methods. Geographic profiling by Katherine Ramsland // http://www.crimelibrary.com/criminal_mind/profiling/geographic/5.html

¹⁹ Дуглас Дж., Олшейкер М. Охотники за умами. ФБР против серийных убийц. М., 1998. С. 20.

Раздел 3

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

И. А. Ананских, В. С. Сэруа
I. A. Ananskikh, V. S. Serua

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ (НАУКА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И НАУКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА)

UNKNOWN PAGES OF THE RUSSIAN LEGAL SCIENCE (SCIENCE OF ADMINISTRATIVE LAW AND SCIENCE OF STATE LAW)

Буржуазные реформы середины XIX в. в России одним из своих последствий имели переход отечественной юридической науки на качественно новый уровень, причем как в содержательном, так и в формально-организационном отношении.

Необходимость интенсификации научных исследований в сочетании со стремлением передовых юристов внести свой вклад в прогресс национальной науки привели к утверждению новой формы организации юридической науки – юридическим научным обществам, которых к началу XX в. насчитывалось более 20¹.

Научные исследования участников юридических обществ касались всех отраслей российского права. Однако задача развития российского административного права юристами – членами обществ рассматривалась как приоритетная, поскольку новые органы управления были учреждены без тщательной регламентации и юридического анализа их положения в обществе и системе власти. Тематика докладов по административному праву включала вопросы земского и городского самоуправления, юридических основ крестьянского строя, общих положений административного права и вопросов управления.

Так, возможность влияния губернатора на земства как негативное явление отметили члены Санкт-Петербургского юридического общества при обсуждении доклада В. Д. Кузьмина-Караваева «О пределах права губернаторов останавливать постановления земских собраний», признав при этом наличие установленных законом границ самостоятельности земств². Опасения за судьбу земств вызвало принятие закона от 12 июня 1900 г. о фиксации земского обложения, однако тщательное его изучение в Санкт-Петербургском обществе убедило юристов, что при новом законе земство может работать, поэтому пессимистические прогнозы и настроения преждевременны³.

Единым было мнение участников юридических обществ в отношении неспособности образованных в ходе реформы 1864 г. органов местного самоуправления успешно решать

© И. А. Ананских, В. С. Сэруа, 2015

¹ Сэруа В. С. Юридические общества как инновационная форма организации юридической науки // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6. С. 167–170.

² Юридические общества. Санкт-петербургское юридическое общество // Право. 1900. № 14. С. 791–792.

³ Там же. № 39. С. 1857–1860.

возложенные на них многочисленные задачи. Причину неудовлетворительной организации трех важнейших отраслей самоуправления – «охраны народного здоровья, общественного призрения и обеспечения населения продовольствием» юристы видели в недостаточной децентрализации земских учреждений. Особенно остро вопрос о необходимости усовершенствования устройства и функционирования органов местного самоуправления встал в годы голода 1891–1892 гг., когда правительство назвало неудовлетворительную организацию продовольственной помощи следствием недостаточного количества местных организаций. Именно поэтому вопрос о создании еще одной, более мелкой структурной единицы, занимающейся вопросами местного значения, неоднократно ставился в заседаниях юридических обществ. Часть юристов предлагали ввести всесословную или бессословную волость. Так, идею всесословной волости отстаивал К. К. Арсеньев, впервые выступивший с одноименным докладом в административном отделении Санкт-Петербургского общества в 1884 г. Другие (Н. П. Ретвих, Г. А. Евреинов) находили выход из сложившейся ситуации в создании гражданского прихода, обладающего признаком всесословности, в смысле уравнивания обязанностей всех членов прихода⁴. При разных взглядах на форму мелкой земской единицы юристы сходились в определении цели ее создания: справедливое, равномерное распределение местных средств и сближение сословий⁵ и оптимистическом прогнозе относительно ее деятельности.

Однако неверно было бы представлять обсуждение вопроса о мелкой земской единице в рамках юридических обществ как гладкий обмен мнениями между людьми, стоящими на принципиально одинаковых позициях. У идеи о мелкой земской единице были не только сторонники, но и ярые противники. Например, в диспуте, развернувшемся в Киевском юридическом обществе, Ф. Я. Воронов настаивал на необходимости расширения земского управления вверх, а не вниз, так как мелкая земская единица, располагая ничтожными средствами, не способна на плодотворную деятельность⁶. Но большинство членов юридических обществ не разделяли отрицательного отношения к мелкой земской единице.

Ввиду стоявшей на повестке дня в России реформы городского управления члены обществ подготовили ряд докладов: в Томском юридическом обществе П. С. Климентов прочитал реферат «Муниципальное движение в Англии», в Санкт-Петербургском обществе выступил А. Ф. Сулигофский с докладом «О городском управлении в губерниях Царства Польского». В результате обсуждений стало очевидным, что управление, основанное на самодеятельности общества (социума), обладает бесспорными преимуществами, и, следовательно, по мнению русских юристов, Россия должна идти по тому же пути – освобождения общества от жесткого контроля государства⁷.

В рамках проблем административного права в юридических обществах поднимался вопрос о субъекте, объеме и характере ответственности за действия должностных лиц. Инициатором обсуждения его в Санкт-Петербургском обществе выступил М. Б. Горенберг с докладом «Ответственность государства за действия должностных лиц». Суть авторской конструкции ответственности государства за действия должностных лиц состояла в признании за государством непосредственной ответственности за действия должностных лиц, являющихся для подданных конкретным проявлением государства, если они действовали в рамках своих полномочий⁸. Последовавшие прения выявили наличие сторонников позиции докладчика и его оппонентов. К последним примкнул Г. Б. Слиозберг, указав на нецелесообразность и необоснованность положений доклада, так как в итоге отвечать за нерадивых чиновников будут плательщики податей, что вряд ли можно считать справедливым. Более того, данная конструкция, по мнению Г. Б. Слиозберга, несовершенна и с юридической точки зрения ввиду того, что должностное лицо, совершая противозаконное деяние, выходит за пределы своей компетенции и перестает быть должностным лицом⁹. Тема была продолжена, хотя и в несколько ином ракурсе, Н. И. Лазаревским в докладе «Об ответственности должностных

⁴ Там же. 1899. № 10. С. 509–510.

⁵ Там же. 1902. № 19. С. 1010–1011.

⁶ Там же. 1904. № 2. С. 94.

⁷ Там же. 1902. № 9. С. 562–565.

⁸ Там же. 1900. № 12. С. 654–656.

⁹ Там же.

лиц административного ведомства за вред, причиненный их неправильными действиями». Основная мысль докладчика сводилась к невозможности имущественной ответственности должностного лица за свои ошибки, если эта ошибка состоит в неверном, но добросовестном толковании права. Докладчик предложил дополнить существующее по Судебным Уставам 1864 г. право лица подать иск в суд на должностное лицо возможностью предъявления иска после предварительного административного обжалования. Члены общества согласились с докладчиком и подчеркнули справедливость последнего предложения, так как возможность подачи иска и после административного обжалования предоставляет истцу выбор первоначального обращения: в административные органы или сразу в суд¹⁰. Вообще вопрос об административной юстиции в России неоднократно поднимался в юридических обществах. Участники обществ выступали за создание реально действующих органов административной юстиции посредством преобразования Первого Департамента Сената и губернских присутствий. Таким образом, постановка обозначенных вопросов и позиция участников обществ свидетельствовали о стремлении передовых юристов разобраться в сложных проблемах, порожденных сменой концепции взаимоотношений российского государства и его подданных (граждан), когда безоговорочный приоритет государственных интересов постепенно и медленно вытеснялся взаимной ответственностью государства и гражданина.

Впервые в рамках исследований по административному праву юристы предметно заговорили о государственном праве, когда в 1902 г. член Томского юридического общества М. А. Рейснер прочитал доклад «О задачах догматического изучения русского государственного права». Обратившись к положительному примеру Германии, где на рубеже веков возникла и начала развиваться юридическая теория государственного права, М. А. Рейснер показал плодотворные результаты юридико-догматической разработки теории государственного права и предложил использовать этот метод при разработке русского государственного права. Однако, подчеркнул докладчик, заимствование метода не означало копирования самого пути развития немецкого права отечественным, напротив, перед русским государственным правом стояли особенные оригинальные задачи, разрешение которых могло принести громадную пользу и теоретику-государствоведу, и будущему кодификатору. Первой задачей русского государствоведа, по мнению выступающего, было выделение из весьма пестрого по содержанию свода законов всего, что не относилось к праву. Во-вторых, юрист-государствовед должен разграничить нормы, относящиеся к государственному строю, и нормы, регулирующие государственное управление. Третьей задачей докладчик назвал выяснение понятия законности с точки зрения русского действующего права, при этом залогом успеха являлся отказ от попыток наложения на русскую действительность западноевропейского понятия законности. Далее в качестве задачи выдвигалась необходимость решения вопроса о дискреционной власти административных органов, не менее важным представлялось автору изучение института самоуправления и сущности отношений гражданской в России. Наконец, в обязанность государствоведа входило выяснение роли и значения Сената, различных присутствий по финансовым, крестьянским и другим делам как органов административной юстиции¹¹. Последующая дискуссия показала, что не все положения доклада получили одобрение членов Томского юридического общества. Наиболее спорным оказался тезис о необходимости отказа от конструирования институтов русского государственного права по европейскому образцу, последствиями чего становились бесцветность и бессодержательность отечественного права¹². Р. Л. Вейсман отрицал негативное влияние зарубежного права, доказывая, что «при изучении русского государственного строя необходимо сравнивать его с западноевропейским, который должен служить для нас образцом»¹³. Опыт разработки вопросов государственного права получил продолжение в годы первой русской революции, и только в 1913 г. после прочтения и обсуждения доклада В. М. Гессена «Наука государственного права в России» юристы сделали вывод о том, что «у нас обнаруживаются контуры своего конституционного права»¹⁴.

¹⁰ Там же. 1901. № 18. С. 943–945.

¹¹ Там же. № 23. С. 1157–1158.

¹² Там же. С. 1157–1158.

¹³ Там же. С. 1157–1158.

¹⁴ Санкт-петербургское юридическое общество // Право. 1913. № 22. С. 1085.

Таким образом, анализ научно-исследовательской деятельности юридических обществ по предметам административного права и государственного права позволяет утверждать, что при относительно небольшом количестве докладов и рефератов по данным научным направлениям, сделанных на заседаниях обществ, юристы – члены обществ внесли существенный вклад в развитие отечественной юридической науки. Именно формат научных обществ predetermined плодотворную научную проработку юридических институтов, обоснование необходимости внедрения новых правовых конструкций, базирующихся на концепции правового государства, идеях гуманизации институтов государства и общества и приоритета обеспечения прав гражданина.

Аннотация. В статье анализируются исследования российских юристов по проблемам административного права и государственного права в рамках деятельности научных обществ юристов сер. XIX – начала XX в.

Ключевые слова. История науки административного права, история науки государственного права, научные общества, административная юстиция.

Annotation. This article analyzes the study of Russian lawyers on issues of administrative law and constitutional law in the framework of the scientific societies of lawyers mid. of XIX – early XX centuries.

Keywords. History of science of administrative law, the history of science of public law, scientific societies, administrative justice.

Е. В. Калинина, Л. Р. Романовская
E. V. Kalinina, L. R. Romanovskaya

КОНЦЕПЦИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА В ИУДАИЗМЕ И ХРИСТИАНСТВЕ: НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

THE CONCEPT OF THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE STATE IN JUDAISM AND CHRISTIANITY: SOME THOUGHTS

Вопрос об обоснованности целесообразности государства в религиозных учениях возникает вполне закономерно. Духовные и государственные учреждения с начала их сосуществования представляли собой властные структуры, соперничающие за супрематию как в международных отношениях, так и во внутригосударственных. Тем не менее реалии внешней и внутренней политики периодически вынуждают и светскую, и духовную власть искать компромисс. В итоге, и светские, и религиозные мыслители на протяжении многих веков пытались определить уровень взаимодействия, компетенцию и роль данных властей в политическом общении. Характерно, что в религиозных теориях права (в частности, в иудаизме и христианстве) государство предстает временным образованием на пути достижения высшего блага – формирования общества нового типа.

Исследование религиозных учений позволяет выявить характерную особенность: обосновывая неизбежность объединения индивидов в единое целое под эгидой некоего

вероучения, такие теории утверждают необходимость создания лишь относительно организованного сообщества, предполагающего, как минимум 1) наличие духовного руководства, основанного на личном авторитете лидера и доверии к нему управляемых, 2) организацию быта и т. п. О создании государства, на ранних стадиях формирования религиозного учения, речь, как правило, не идет. Исследуя степень и уровень развитости народа и наличие/отсутствие у него собственного опыта государственности, можно выявить следующие причины: либо 1) религиозные учения возникают у вновь образованной группы индивидов, не имеющих пока опыта сосуществования в организованном сообществе и неспособных понять и спрогнозировать, какие отношения такой союз породит; либо 2) религиозное учение зарождается среди народа, недовольного действующими в государстве порядками, что способствует представлению государства как антагониста общины верующих и даже, порой, гонителя новых идей.

Дальнейшее развитие религиозного учения закономерно приходит к признанию неспособности действующего духовного лидера (каким бы выдающимся он ни являлся) сохранять безоговорочное доверие и непрерываемое повиновение общества, используя лишь личный пример и способы убеждения. Вероятные тому причины: 1) увеличение численного состава общины; 2) обновление контингента общины за счет новых поколений; 3) изменение системы ценностей; 4) постепенная утрата доверия к идеям, которые так и не воплотились на практике, либо были искажены или же привели к непредвиденным последствиям в процессе их воплощения). В ветхозаветной мифологии подтверждением этой точки зрения выступает история взаимоотношений Моисея с иудейскими коленами. Наступает момент, когда пророк вынужден признаться Всевышнему в собственном бессилии и неспособности справиться с претензиями и нуждами вверенных ему людей.

История становления раннехристианской политико-правовой мысли, в свою очередь, отражает переход от жесткой критики института государства к идее взаимодействия духовной и светской власти и разработке категории катехона с целью оформления теории власти и «вплетения» ее в церковное учение, а также обоснования целесообразности государства.

На практике, в процессе существования общины, возникшей как сообщество верующих, духовное руководство постепенно начинает сталкиваться с проблемами, неизбежно проявляющимися в любом объединении людей: коллизия личных интересов и нежелание/неспособность поиска компромисса, не говоря уже о риске агрессии и насилия, в случае невозможности разрешить проблему мирными способами, требует привлечения властных структур, уполномоченных использовать не только метод убеждения, но и силовое воздействие для наведения порядка в обществе. Отсюда признание ведущими идеологами религиозных направлений необходимости диалога между духовным руководством общины и органами власти государства. С этого момента происходит трансформация религиозного учения в сторону обоснования взаимодействия государства и религиозных лидеров, которое к этому моменту уже происходит *de facto*.

В то же время следует упомянуть еще одну закономерность: новые религиозные теории на определенном этапе своего становления претендуют на официальное признание, что подталкивает их идеологов к диалогу с государственными структурами и внесению корректировок в ранее сформулированные тезисы религиозного учения.

При изучении идей раннего иудаизма и раннего христианства становятся очевидными некоторые расхождения данных учений: 1) иудаизм даже в эпоху своего зарождения не предполагает противопоставления сообщества верующих государству, в то время как раннее христианство строило свою PR-кампанию изначально на порицании пороков, свойственных государствам. Аврелий Августин наглядно показывает сходство признаков государства и преступных объединений: «...при отсутствии справедливости, что такое государства, как небольшие разбойничьи шайки; так как и сами разбойничьи шайки, есть не что иное, как государства в миниатюре. И они также представляют собою общества людей, управляются властью начальника, связаны обоюдным соглашением и делят добычу по добровольно установленному закону. Когда подобная шайка потерянных людей возрастает до таких размеров, что захватывает области, основывает оседлые жилища, овладевает городами, подчиняет своей власти народы, тогда она открыто принимает название государства»¹.

Кроме того, по мнению Аврелия Августина, государство есть продукт насилия и братоубийственного соперничества: «Первым основателем земного града был братоубийца, из зависти убивший своего брата, гражданина вечного града, странника на этой земле (Быт. IV). Неудивительно, что спустя столько времени, при основании того города, который должен был стать во главе этого земного града, о котором мы говорим, и царствовать над столь многими народами, явилось в своем роде подражание этому первому примеру... Именно так был основан Рим, судя по свидетельствам римской истории об убийстве Ромулом своего брата Рема. [...] Оба они добивались славы создать Римскую республику; но оба вместе не могли иметь такой славы, какую мог бы иметь каждый из них, если бы был один»².

Из вышесказанного вытекает еще одно отличие раннехристианского представления о государстве и праве: 2) более жесткая критика недостатков позитивного светского правотворчества, бездуховности и прагматизма последнего.

Таким образом, необходимо определить, какие средства используются различными вероучениями (на примере иудаизма и христианства) для плавного перехода от игнорирования официальных учреждений власти либо критики государства к обоснованию целесообразности последнего.

Религиозные концепции традиционно поддерживают идею Божественного начала Вселенной, человечества, власти и права. Библейские тексты подтверждают данную тенденцию, объясняя создание космоса и мира людей волей Всевышнего. Профессор С. Ф. Ударцев, рассуждая о божественном всевластии, заявляет, что Бог «обладает истинным суверенитетом во всех отношениях, независим от людей и народов. [...] Бог знает и определяет законы мира, его путь. Он – праведный, справедливый и высший судья над отдельными людьми, народами (Псал. 7:9) и над вселенной»³.

Один из еврейских правоведов, Рабби Ханина, аргументировал необходимость верховной власти как сдерживающего фактора, способного гарантировать хоть какой-то порядок и безопасность в обществе: «Молись за благополучие верховной власти, ибо если бы не страх перед нею, люди живьем проглатывали бы друг друга»⁴.

В исследовании «Мировоззрение талмудистов» предлагается разграничить два типа управления: 1) религиозно-духовное, осуществляемое учеными, и 2) государственное, вверенное представителям власти. «При недостатке первого, второе может существовать; но при недостатке второго не может существовать и первое, так как где нет страха перед властью, там люди опасаются друг друга и все проводят жизнь в заботах о самосохранении»⁵.

Мудрецы Талмуда не подвергали сомнению мысль о том, что создание государства является неотъемлемой частью божественного замысла, о чем свидетельствует интерпретация фрагмента из Первой Книги Паралипоменон 29:11: «Твое, Господи, величие, и могущество, и слава, и победа и великолепие, и все, что на небе и на земле, Твое: Твое, Господи, царство, и Ты превыше всего, как Владычествующий». Суть комментария сводится к следующему: Всевышний создает царство земное по образцу царства небесного⁶.

¹ *Аврелий Августин*. О граде Божиим. Кн. четвертая. Гл. IV. – Цит. по: Хрестоматия по истории политических и правовых учений / Сост.: Е. В. Калинина, А. М. Белякова. Н. Новгород, 2009. С. 75.

² Там же. С. 77.

³ *Ударцев С. Ф.* Ветхий Завет: Политико-правовые идеи и легенды [доп. изд.] // Евразия. Общественно-политический и литературно-художественный журнал (Казахстан, Алматы). 2002. № 1(5). С. 5–3; Синергетика образования. Межвузовский сборник (выпуск первый) / Министерство образования и науки РФ. Южное отделение Российской академии образования. Ростов н/Д: Издательство Ростовского государственного педагогического университета, 2004. С. 247–274.

⁴ Мировоззрение талмудистов. Т. III: Обязанности человека в общественной и гражданской жизни / Сост. С. И. Фин, Х. Л. Каценеленбоген, пер. Л. О. Гордона. СПб.: Типография Э. Гоппе, 1876. Трактат Авот 3, 2. С. 24.

⁵ Р. Менахем Меири, кн. Бет-Габехира // Там же. С. 30.

⁶ Брахот 58а, а также: Мировоззрение талмудистов. Т. III. С. 27.

Призыв «Бойся, сын мой, Господа и царя»⁷ понимается талмудистами как сопоставление страха перед царем и Страха Божьего, как проистекающие один из другого (страх перед царем является производным от страха перед Всевышним), ибо царство земное подобно царству небесному. Идея Страха Божьего как внутреннего ограничителя произвола субъекта власти была заимствована не только христианством, но и упоминается в трудах светских мыслителей, например, Ж. Боденом: «Государь должен быть следующим: больше всего бояться Бога...»⁸.

Возвращаясь к вопросу об обоснованности целесообразности государства в религиозных теориях, можно обнаружить, что хронологически более ранние учения практически не используют терминологию, идентичную по содержанию понятию «государство». Зато достаточно часто в тексте Писаний встречаются категории «община», «народ», «колена», «племя». Это навело исследователей Новейшего времени на мысль, что государство, как форма общения некоторыми вероучениями вообще не предусмотрено.

Профессор Джеффри Б. Леви в работе «Иудаизм и обязанность умереть во имя государства» отмечает, что, по мнению некоторых ученых, использование понятия государства проблематично, если не чуждо классическим формам управления, упомянутым в Ветхом Завете⁹. Так, Роланд де Во в своем исследовании древнееврейских учреждений приходит к выводу о невозможности рассуждений о едином израильском представлении о государстве по причине элементарного отсутствия самого явления ветхозаветной еврейской государственности. «Федерация двенадцати племен, царство Саула, правление Давида и Соломона, Царства Израиля и Иудеи, община, образовавшаяся после изгнания, – все это предполагало слишком разный строй. Мы можем даже пойти дальше, заявив, что никакого израильского представления о государстве не существовало вовсе»¹⁰.

В процессе сравнительного анализа содержания терминологии, задействованной для обозначения различных форм и образов управления, выясняется, что основная путаница связана с семантикой понятия «государство». Так как, отвечая на вопрос о необходимости отказа от части своей естественной свободы и принесения некоторых жертв во имя союза в обмен на гарантию защиты, мы сталкиваемся не с проблемой традиционной теории и практики государственности, а с тем, связан ли кто-либо обязательством пойти на определенные жертвы ради безопасности и благополучия любого образования, включая политическую ассоциацию, частью которой этот индивид является; пожертвовать потому, что так решил уполномоченный на то орган. Иными словами, важно определить природу и охват обязанности по отношению к социальной общности или политическому телу. В таком случае, под эту формулировку подпадает как государство в традиционном смысле данного слова, так и иное устойчивое объединение индивидов.

Все вышесказанное, по мнению профессора Дж. Б. Леви, не противоречит заявлению Р. де Во о том, что никакой еврейской идеи государства никогда не существовало, – в Ветхом Завете описана лишь серия меняющихся разновидностей управления иудейским коллективным существованием. Обязательства иудея определены Божественными заповедями, а не каким-либо политическим учреждением.

Точка зрения американского профессора косвенным образом подтверждается терминологической неточностью, которая прослеживается в трудах ряда исследователей. Например, А. П. Лопухин рассуждает о «Моисеевом государстве», хотя, согласно ветхозаветной истории, Моисей не только не дожил до создания государства, но и не вступил на его будущую территорию. Американский ученый М. Даймонт и российский исследователь П. Д. Баренбойм превозносят теократию Судей, хотя в ту эпоху государства еще не существовало и говорить можно лишь о теократическом принципе, как это называет А. П. Лопухин¹¹.

⁷ Притчи 24:21.

⁸ Боден Ж. Шесть книг о государстве. Книга II гл.3 б) Законный государь. – Цит. по: Хрестоматия по истории политических и правовых учений / Сост.: Е. В. Калинина, А. М. Белякова. С. 148.

⁹ Levey G. B. Judaism and the Obligation to Die for the State // Law, Politics and Morality in Judaism. Princeton University Press, 2006. P. 183.

¹⁰ Roland de Vaux. Ancient Israel: Its Life and Institutions (London, 1973). P. 98.

¹¹ Баренбойм П. Д. Первая Конституция Мира. Библиейские корни независимости суда / П. Д. Баренбойм. М.: Белые альвы, 1997. С. 69; Даймонт М. Евреи, Бог и история / М. Даймонт. М.: Издательский

Кроме того, внимание иудейских правоведов было всегда сфокусировано на двух уровнях отношений: 1) отношения между человеком и Богом; 2) отношения между человеком и человеком (в то время как отношения между индивидом и государством даже не обсуждаются).

В Ветхом Завете это проявляется как на уровне международного общения (участие в предписанных Всевышним войнах, где иудеи, согласно одной из теорий, выступают орудием возмездия), так и в плоскости уголовного права и имущественных отношений. Такое направление мысли прогнозируемо предполагает исследование жизни, потребностей и менталитета общины, ее способность следовать Божественному праву и ответственность за уклонение от установленных свыше норм.

Помимо этого, учитывая тот факт, что большую часть своей истории евреи, утратив государственную автономию, провели в надеждах на возврат себе Земли Обетованной, иными словами, проживая на территории других государств, в произведениях еврейских правоведов эпохи рассеяния сложно искать опору в изучении теории государства.

Тем не менее в Библии содержатся сведения не только исторического, но и теоретического характера, касающиеся государства и права. Перечисляются советы правителю, другим должностным лицам, поясняются задачи и функции государства, указывается конечная цель (переход от земного царства к Царству Всевышнего).

Маймонид, еврейский ученый эпохи Средневековья, рассуждая о происхождении человеческих объединений и государственности в целом, отмечает, что «общественность и государственность свойственны самой природе человека в противоположность прочим животным, для которых не существует необходимости составлять общества: «Далее, вследствие многосложности организации этого рода (человеческого) – так как он представляет последнее и самое совершенное органическое целое, как это уже известно нам, – черты различия между его неделимыми являются в чрезвычайно резких выражениях, так что не встретишь двух человек вполне одинаковых качеств, точно так же как трудно найти два вполне сходных человеческих лица. У других животных нет таких резких индивидуальных отличий; у них индивидуальность выражена гораздо слабее. Между тем можно найти людей, до такой степени различающихся в нравах, как будто они принадлежат к разным родам. Так, жестокость одного доходит иногда до того, что он в гневе способен зарезать родного ребенка, другой же – не в состоянии раздавить червяка или убить ничтожное насекомое. То же самое можно сказать и относительно других нравов. Если же человеческая природа, с одной стороны, обуславливает такое несходство нравов, а с другой – требует общественности, то людское общество не иначе может сделаться совершенным, как, имея над собою, в качестве регулятора, главу, который определял бы их действия, начертал бы раз и навсегда правила и нравы для всех, так чтобы природные различия людей уравнились условным соглашением и таким образом установился бы порядок в обществе»¹².

Авторитетный теоретик христианства Фома Аквинский на первый план выдвигает две причины объединения людей в сообщества: 1) потребность в общении (в том числе политическом) и 2) недостаточность природной защищенности. «Для человека, так как он существо общественное и политическое, естественно то, что он живет во множестве, даже еще более, чем все другие существа, ибо этого требует естественная необходимость. Ведь все другие существа от природы обеспечены пищей, покровом из шерсти, защитой, например, клыками, рогами, когтями или по крайней мере проворством в беге. Человек, напротив, создан так, что природа не наделила его ни одним из этих качеств, но вместо всего этого ему дан разум, благодаря которому он мог бы обеспечить себя всем этим при помощи рук. Один человек, однако, не в состоянии справиться со всем тем, что должно быть обеспечено»¹³.

дом «Имидж», 1994. С. 63; Лопухин А. П. Законодательство Моисея. Исследование о семейных, социально-экономических и государственных законах Моисея, с приложением трактата: Суд над Иисусом Христом, рассматриваемый с юридической точки зрения / А. П. Лопухин. СПб.: Тип. Ф. Г. Елеонского и Ко, 1882. С. 206.

¹² Маймонид, Морэ Невухим, ч. I, гл. 40.

¹³ Аквинский Ф. О правлении государей. Кн. 1. Гл. 1. – Цит. по: Хрестоматия по истории политических и правовых учений / Сост.: Е. В. Калинина, А. М. Белякова. С. 79.

В качестве причин возникновения государства, согласно библейской теории, профессор С. Ф. Ударцев вполне справедливо называет следующие: 1) необходимость создания разветвленной судебной системы, 2) рационализация организационной и судебной деятельности для налаживания нормальной общественной жизни, 3) реализация правды и права через закон и власть¹⁴. Перечисленные основания позволяют провести параллель с учением Дж. Локка о происхождении государства. Тем не менее к вышеуказанному списку следует добавить: а) необходимость образования единого народа (Ветхий Завет представляет эту задачу первоочередной; там же показано, что в формате союза общин деление иудеев на колена и, как следствие – разобщенность, сохраняется); б) определение компетенции органов управления и комплекса допустимых мер воздействия на индивидов в целях принуждения к соблюдению Закона.

По мнению талмудистов, власть и Закон тесно связаны между собой: власть без Закона и Закон без власти существовать не могут¹⁵. Сказанное можно дополнить необходимостью обеспечения безопасности объединившихся, хотя это, косвенным образом, подразумевается 2-й и 3-й причинами, сформулированными профессором С. Ф. Ударцевым, поскольку, как полагали мудрецы Талмуда, мир и государственное благоустройство настолько же способствуют духовному совершенствованию людей, доставляя им средства для достижения необходимых им благ, насколько отсутствие мира и государственности препятствуют достижению оных.

Аннотация. В статье исследуется библейское видение (иудейская и христианская версия) целесообразности государства и его места в парадигме становления общества, а также трансформация представлений о необходимости государства в процессе дальнейшего развития данных религиозных политико-правовых направлений.

Ключевые слова. Право, государство, религиозно-правовые учения, происхождение и целесообразность государства.

Annotation. The Article analyzes the Biblical view (Jewish and Christian version) of the expedience of a State and its place in the paradigm of society's formation. The article examines as well transformations of the idea during further development of those religious political and legal theories.

Keywords. Law, State, religious and legal theories, origin and expedience of a State.

¹⁴ Ударцев С. Ф. Ветхий Завет: Политико-правовые идеи и легенды [доп. изд.] // Евразия. Общественно-политический и литературно-художественный журнал (Казахстан, Алматы). 2002. № 1(5). С. 5–23; Синергетика образования. Межвузовский сборник (выпуск первый) / Министерство образования и науки РФ. Южное отделение Российской академии образования. Ростов н/Д: Издательство Ростовского государственного педагогического университета, 2004. С. 247–274.

¹⁵ Мировоззрение талмудистов. Т. III. С. 31.

Э. Б. Курзенин, В. П. Сальников, В. Б. Романовская
E. B. Kurzenin, V. P. Salnikov, V. B. Romanovskaya

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИИ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА САМУЭЛЯ ПУФЕНДОРФА

THE SPECIFIC METHODOLOGY OF SCIENTIFIC RESEARCH BY SAMUEL PUFENDORS

В течение нескольких десятилетий с конца XVII в. самыми популярными среди образованной публики западноевропейских государств были труды выдающегося немецкого мыслителя, основателя школы естественного права, Самуэля Пуфендорфа. Его труды читали во всех университетах Европы. Он был признан среди европейских ученых - своих современников и последователей. И в России его работы были переведены и изучались, в частности, в Царско-сельском лицее¹. Для западноевропейской науки XVII в. и последующих веков Пуфендорф является продолжателем и систематизатором идей великого голландца Гуго Гроция², широко использовавшим нетрадиционные положения не менее великого англичанина Томаса Гоббса и французского мыслителя Жана Бодэна. Однако он стал известен не только как продолжатель или интерпретатор работ этих философов и правоведов. Сам Пуфендорф подчеркивает, что он близко познакомился с разумными идеями стоиков: «Ego Stoicorum sanae sententiae proxime accedo...»³, а также изучал гипотетические взгляды Эпикура. Показательно, что Пуфендорф подчеркивает дистанцию, отделявшую его от «эпикурейства». Об «энциклопедических» наклонностях Пуфендорфа не раз писал известный русский исследователь Е. В. Спекторский⁴. Так же как и его предшественники Гуго Гроций, Томас Гоббс и Жан Бодэн, Пуфендорф развивал последовательно светское учение на методологической базе естественнонаучных достижений своего времени (математики – в первую очередь). А свою теорию развития юридических и политических институтов человеческого общества он строил на формально-логических правилах. Заметим, что в период позднего средневековья и раннего нового времени право было очень тесно переплетено с религией и играло ключевую роль в политических вопросах⁵. Это «мирское», светское содержание проявляется в сочинениях немецкого ученого более смело и последовательно, чем в трудах Гуго Гроция. Средневековый схоластический провиденциализм, присущий концепции Гроция, устраняется немецким теоретиком посредством индивидуализации абстрактно-рационализированной правовой теории гениального голландца. Индивидуализация состоит в том, что абстрактный всеобщий естественный принцип, провозглашенный Гроцием, как бы «наложенный» на бытие человеческого социума, превращается в индивидуально принятую норму каждым человеческим существом. Иначе говоря, естественно-правовые отношения строятся не на коллективном (групповом) действии, а на воле отдельного индивида. Следовательно, Пуфендорф в рамках развития «правовой теории чистого естественного права» формулирует философско-правовой принцип антропоцентризма⁶. Это бесспорно один из первых камней, положенных в фундамент будущего здания теории о правах

© Э. Б. Курзенин, В. П. Сальников, В. Б. Романовская, 2015

¹ Романовская Л. Р., Сальников В. П. Профессор А. П. Куницын у истоков естественной школы права в России // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 4 (38). С. 23–26; Сальников В. П., Романовская Л. Р. Санкт-Петербургская школа естественного права: начало большого пути // Правовое поле современной экономики. 2013. № 11.

² Курзенин Э. Б., Сальников В. П. Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция. Евразийский юридический журнал. 2014. № 12. С. 120–122.

³ Eris scandica. Lund, 1759. P. 103.

⁴ Проблемы социальной физики в XVII веке. Киев, 1917. С. 171; и др.

⁵ Романовская В. Б., Романовская Л. Р. Религия и право в политической жизни средневековой Европы // Вестник Костромского государственного университет им. Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 4. С. 172–174.

⁶ Курзенин Э. Б., Романовская В. Б., Цыганов В. И. Концепция юридического антропоцентризма в трудах европейских ученых позднего средневековья // Genesis: исторические исследования. 2015.

личности. Не класса, не сословия, а именно личности (индивида – «антропоса») – так мыслил Пуфендорф. Рассуждая о динамическом свойстве естественно-правовых институтов, Гуго Гроций «философски» рассматривает это свойство как некую коллективную форму мышления, как изменение духовного состояния общества⁷, в основе которого лежит здравый разум людей, испытывающих потребность, а порой и необходимость к общению, общежитию – так сказать «*appetitus societatis*». Вот одна из его основополагающих мыслей: «Право естественное есть предписание здравого разума, коим то или иное действие, в зависимости от его соответствия или противоречия разумной природе, признается либо морально позорным, либо морально необходимым, а следовательно, такое действие или воспрещено, или предписано самим Богом, Создателем природы»⁸. У Пуфендорфа естественное право превращается в предмет, осваиваемый и развиваемый индивидуальным правосознанием. Уходя из высоких сфер философских абстракций, немецкий мыслитель приземляет естественное право на почву конкретных законов, норм, процедур и др. Подобное «снижение» мыслительных действий вело к изгнанию из права теолого-схоластических универсалий предшествовавшего времени. Поскольку, рассуждая логически, если разум индивидуален и не происходит от абстрактного высшего разума, а делается функцией индивидуума («индивидуализированно мыслящих субъектов»), тогда право в своем развитии не обязано опираться на трансцендентную силу. Юридическая антропология Пуфендорфа убирает «божественный промысел», «божественное провидение» и т. п. Он делает решительный шаг «от сакрализации права к его секуляризации»⁹. Пуфендорф ограничивает сферу воздействия «божественного права» (*jus divinum*) на людей совестью, причем совесть также не «субстанциональна», но имеет функционально-индивидуализированные свойства. Еще один шаг по сравнению с Гроцием делает Пуфендорф, когда отказывается идеализировать природу. У великого голландца зачатки права имеют свое происхождение в естественной природе живых существ. В их число включается и человек. Гроций пишет о таких «нормах», как защита жизни, стремление к размножению, необходимость добычи пищи и т. п., – общих, по его мнению, для человека и животного. Естественно, что здесь усматривается премудрость божественного промысла. Нормы естественного права являются результатом действия неких правил, вытекающих из некоего биологического закона, направленного на сохранение человеческого сообщества и действующего «по божественному провидению» (точнее – «под божественным провидением»)¹⁰.

Пуфендорф мыслит иначе. Он отказывается от идеи провидения, свойственной теологии и идущей, скорее всего, от Фомы Аквинского. Предполагается, что правотворчество индивидуумов – это плод их свободной мысли, некая идеальная модель самодействия и саморегуляции. Эта мысль утверждает бессилие биологических импульсов и силу человека как мыслящего существа. Право имеет основой чисто социальные (моральные) явления. Полемизуя с голландским политологом, Пуфендорф подчеркивает, что «не через согласование воли всех людей», а действием «каждого одиночки» (*jedem Einzelnen*) ради преодоления биологического бессилия (*biologische Imbecillitas*) создан общественный союз (*Gemeinschaftsverband*).

Соблюдение естественно-правовых нормативов и правил становится, по мнению Пуфендорфа, обязательным для каждого человека тогда, когда эти естественные законы получают санкцию сформированного в ходе исторического развития государства. В отличие от своих предшественников Пуфендорф стремился связать обязательность и «нерушимость» естественных законов с действительностью государства, в частности, с социально-государственным регулированием. Иначе говоря, государство ранжирует людей

⁷ Эрик Вольфф пишет: «Für Grotius war das ganze Naturrecht noch eine Geisteszustand...» (*Wolff E. Grotius, Pufendorf, Thomasius. Drei Kapitel zur Gestaltgeschichte der Rechtswissenschaft // Heidelberger Abhandlungen zur Philosophie und ihrer Geschichte. Band II. Tübingen, 1927. S. 86*).

⁸ Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. С. 11.

⁹ Романовская В. Б., Романовская Л. Р. Эволюция права: от сакрализации к секуляризации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 3–2. С. 191–195.

¹⁰ Wolf E. Grotius, Pufendorf, Thomasius. Drei Kapitel zur Gestaltgeschichte der Rechtswissenschaft // Heidelberger Abhandlungen zur Philosophie und ihrer Geschichte. Band II. Tübingen, 1927... P. 89.

«по достоинству» и делает это, опираясь на естественно возникшую в еще догосударственное время социальную иерархию¹¹.

Пуфендорф стремится оправдать общественную «дробность», неравенство индивидов в обществе с помощью естественного права. Естественно-правовое регулирование для Пуфендорфа и его единомышленников явилось политическим средством утверждения новых (буржуазных) общественных порядков. Незрелость буржуазного общества определяла некоторые специфические методологические приемы «правовой теории чистого естественного права» (*Rechtsbegriff des reinen Naturrechts*). Новые отношения, которые еще только едва просматривались через толщу традиционных институтов и структур, можно было прояснить лишь чисто умозрительными приемами. Априорное знание опиралось на математику и математическую дедукцию. Исходным («неделимым» «монадным») субъектом для движения мысли (отсчета аргументов) делается «человек» – «индивид» (*individuum* на латинском языке – это атом, нечто неделимое)¹². Определялись его статусные характеристики, и эти индивидуальные характеристики предполагались для дальнейших математических или квази-математических операций в качестве аксиом (т. е. простых недоказуемых утверждений). Из найденных таким образом аксиом чисто дедуктивными приемами выводилась вся система. Ее основные положения доказывались как теоремы. Вся совокупность «ответов» и «решений», «теорем» и «задач» и т. п. составляла «естественное право», которое четко отмежевывалось от «провиденциально сформулированных правовых предложений феодальной схоластической юриспруденции», от «*jus voluntarium*», т. е. «самовольного», «произвольного» права).

Гроций, Пуфендорф и их единомышленники-ученики в некоторых своих логических построениях стремятся продемонстрировать, что «*jus naturale*» есть некая метафизическая величина, равная, а то и превосходящая божественные первоисточники правовых институтов, следовательно и «*jus divinum*». Естественно право столь авторитетно, что его не в состоянии изменить даже Бог. Например: Бог не может сделать, чтобы «дважды два не было четыре», он не может «помешать дурному быть дурным». Здесь необходимо указать, что гегелевская диалектика еще не вооружила ученых и суждения их с точки зрения современного человека кажутся слишком прямолинейными. Ими не было проведено достаточно четких различий между «*justum*» (правовым) и «*rectum*» (областью морали), т. е. между «должным», «обязывающим» и «правильным», «честным». Причина этого является очевидной: она кроется в рационализации, доведенной до крайних пределов, благодаря чему затушевываются эмоциональный и генетически-инстинктивный факторы. Нельзя не сказать еще раз о «субъективности», которая особенно четко проявилась у Самуэля Пуфендорфа. Естественно право в период античности у римских юристов, а также правоведов XVII столетия связано со свободой субъекта права, иначе – со свободным человеком. Юридические нормы, т. е. право в объективном смысле слова, выводятся сторонниками естественно-правовой школы из прирожденных правомочий личности и его способности к волевому действию (акту). Иначе говоря, норма – это отражение, или развитие, естественной свободы. Социально-обобщенная норма – инобытие права в субъективном смысле слова. Наоборот, их оппоненты из позитивно-правового лагеря считают, что норма первична. Сфера «правомочий» и «действий» личности – это вторично, т. е. субъект и его субъективные права выводятся из норм, возникших априорно или априоризированных исторически. Объективное право определяет волю людей. Логические основания права, такие как «договоры должны соблюдаться», «суд должен быть справедливым» и др., – это не субъективные волевые оценки, а рациональные предпосылки всякого (и «естественного», и «позитивного») права. Естественно-правовая методология Пуфендорфа продвинула теорию правовой науки. Она во многом подготовила правовые универсалии нашего вре-

¹¹ Krieger L. The Politics of Discretion. Pufendorf and Acceptance of Natural Law. Chicago; London, 1963. pp. 148 ff.

¹² Верховодов Е. В., Курзенин Э. Б., Цыганов В. И. Концепция юридического антропоцентризма в трудах европейских ученых позднего средневековья.

мени. С помощью своего метода Пуфендорф, подобно своим великим предшественникам Бодэну, Гроцию и Гоббсу, пытался начертить кривую генезиса правовых институтов цивилизованного общества людей, выводя эту линию из его первичного («первобытного», «дообщественного») состояния. Другой характерной чертой теоретических изысканий Пуфендорфа, на которую обращают внимание исследователи его наследия, является компромиссность. Имея перед собой богатейший мыслительный материал, оставленный ему «великими» и «малыми» философами права и политики, он разработал «эластичные» подходы как к внутри-теоретическим вопросам, так и к вопросам взаимоотношения теории и реальностей политической и культурной жизни, его окружавшей. Предваряя диалектику XIX в., Самуэль Пуфендорф стремился к дуальности, гибкости своих принципов, никогда не утверждая жесткой и плоской «единственно правильной» точки зрения. Эта своеобразная «парность» логических дефиниций германского мыслителя открывала ему возможность маневра в безграничных просторах разума, осмысливавшего различные феномены бытия, реального и виртуального. Основой его исследовательского подхода (можно сказать, его конечной целью) был человек, но и об «обществе» он тоже не забывал. Его «индивид», «личность» и др. «социабильны».

В области его этических подходов к праву постулируется и «интерес» личности, и «обязанности» («долги», «должности» – в русском переводе) субъекта. Пуфендорф, с одной стороны, выступал за «свободу», предлагавшую безграничность прав и, соответственно, бездну бесправия, но, с другой стороны, он не забывает о равенстве христиан перед Трансцендентным Величеством, более того, из этого теологического принципа он выводит принцип формального равенства людей перед законом.

Германский ученый выступает как смелый теоретик. Он пристально следит за динамикой окружавших его общественных явлений. И потому его теоретические положения не смотрятся как некие незыблемые аксиомы, напротив, мысль его вибрирует, и эта вибрация мысли отражает пульсацию внешних факторов, осмысливаемых философом.

Аннотация. В статье рассматривается творчество выдающегося немецкого мыслителя Самуэля Пуфендорфа с точки зрения особенности его методологии исследования, во многом новаторской и не типичной для позднесредневековой европейской науки. Раскрывается особый, так называемый «антропологический» научный подход Пуфендорфа к обоснованию теории естественного права.

Ключевые слова. Самуэль Пуфендорф, Гуго Гроций, Томас Гоббс, Жан Боден, естественное право, методология, антропоцентризм.

Annotation. The article discusses the work of the distinguished German philosopher Samuel Pufendorf from the point of view of the specific features of the research methodology, largely innovative and not typical of late medieval European science. Reveals a special, so-called «anthropological» scientific approach of Puffendorf to the justification of the theory of natural law.

Keywords. Samuel Pufendorf, Hugo Grotius, Thomas Hobbes, Jean Bodin, natural law, methodology, anthropocentrism.

Т. Г. Минеева, В. И. Цыганов
T. G. Mineeva, V. I. Tsyganov

САМОЗВАННЫЕ ПРЕТЕНДЕНТЫ НА ПРЕСТОЛ И ЛЕГИТИМИЗАЦИЯ ИХ ВЛАСТИ В ЕВРОПЕ XII–XVII

SELF-APPOINTED CLAIMANTS TO THE THRONE AND LEGITIMISATION OF THE POWER IN EUROPE FROM THE 12TH TO 17TH CENTURIES

Европейские государства почти без исключения прошли в своей эволюции этап складывания и развития монархии. Монархическая власть в Европе передавалась по наследству, принадлежность к правящей династии была одним из факторов, определявших переход власти к следующему правителю¹. Не менее важное явление, характеризующее отношение к верховной власти, – наивный монархизм², облакавший фигуру монарха идеалистическими представлениями³. Вместе с тем в европейской истории неоднократно случались случаи, когда на троне оказывались самозванцы. В ряде случаев самозванцы не только добивались верховной власти, но и удерживали эту власть в своих руках. Исследование обстоятельств и механизма легитимизации правителей, не имевших права на наследование титула монарха, но, тем не менее, добившихся верховной власти, выявление общих и особенных аспектов данного феномена способствует уточнению представлений о природе монархической власти. Любопытным выглядит комплексный анализ схожих ситуаций, имевших место в средневековой Англии (вторая половина XV в.), Норвегии (последняя треть XII в.) и России (начало XVII в., Смутное время).

Отметим, что во всех случаях мы имеем дело с ситуацией гражданской войны и анархии. Войны Роз, начавшиеся на рубеже 40–50-х гг. XV в. как конфликт внутри правящей верхушки английской феодальной элиты, постепенно охватывали другие слои общества: среднее и мелкое дворянство, горожан и пр. В 60-е гг. XV в. страна была близка к состоянию анархии.

Уже весной 1461 г. власть в Лондоне и большей части королевства оказалась в руках Эдуарда, сына погибшего в этом времени Ричарда Йорка. Законный представитель династии Ланкастеров Генрих VI при приближении войска Эдуарда Йорка бежал на север. Лорды доводят до Эдуарда желание толпы, но в такой форме: «народ выбрал его королем». На следующий день «на собрании духовных и светских лордов», «здесь находившихся» (т. е. йоркистов), избрание народа было подтверждено. 4 марта Эдуард «взял» в Вестминстерском дворце королевские регалии⁴. Затем был победный поход против приверженцев ланкастерского дома, победа при Таутоне (29 марта 1461)⁵. В ноябре 1461 г. в Вестминстере парламент подтвердил предшествующие решения, победы и завоевания⁶. И в этой длительной процедуре парламент играл определенную роль, хотя и не решающую. Следует отметить, что два момента присутствовали в юридических операциях парламента: это подтверждение сформулированных королевскими советниками наследственных прав Эдуарда IV через отрицание легитимности трех Генрихов Ланкастеров, а также посредством настойчивого повторения фикции о божественной воле. Тем самым парламент являлся частью очень сложного комплекса сил и мнений, воздвигнувшего на престол Эдуарда Йорка.

© Т. Г. Минеева, В. И. Цыганов, 2015

¹ *Lapsley G. T.*, 1951. *Crown, Community and Parliament in the Later Middle Ages*. Oxford: Univ. Press. P. 380.

² Roudet Juliette, 1984. *Popular masses in history*. Moscow: Mysl. P. 138.

³ *Blum J.* 1961. *Lord and Peasant in Russia from the Ninth to Nineteenth*. Princeton, 1961.

⁴ *Vitellius A-XVI.* 1905. *The Chronicles of London.*, Ed.Ch.L. Kingnivsford. Oxford: Univ. Press, pp. 210. P. 168.

⁵ *Gregory's Chronicle*, 1876. *The Historical Collection of a Citizen of London*, Ed. J. Gairdner. L.: Camden Society, pp. 450. P. 217

⁶ *Rotuli Parliamentorum.1767–1777.* Vols I-IV.Ed.J. Strachey and others: L. P. 461–465, 476.

Большой интерес для английских и американских конституционалистов представляют и правовые (точнее, быть может, – лжеправовые) обоснования узурпации Ричарда III. «Общинники» декларировали в специальном билле избрание Ричарда III: «...by this our writing choose you, high and mighty Prince, into our King and Sovereign Lord...»⁷. При интронизации Ричарда III отсутствовал, что вполне естественно, мотив «завоевания королевства». Остальные же элементы налицо: «true inheritance» (верное наследство по крови королевской), «vox populi...» (глас народа), «parliamentary elections» (парламентские выборы или «утверждение» – «confirmation»⁸).

Еще одним примером захвата власти в средневековой Англии может служить утверждение на королевском троне Генриха Тюдора, произошедшее после битвы при Босворте и гибели короля Ричарда III в 1485 г. Если рассуждать формально, то Генрих Тюдор, граф Ричмонд не имел никакого отношения к двум враждующим королевским династиям Ланкастеров и Йорков. Его родство с обеими линиями королевского дома вытекало из внебрачных связей и свойства⁹.

В дискуссии о захвате власти Генрихом Тюдором участвовали представители школ Англии, США и Канады. Отправной точкой является классическая вигская теория, сформулированная в трудах Уильяма Стаббса и его учеников. Согласно этой теории Генрих VII в процессе длительного восхождения к власти использовал парламентские механизмы, что подтверждает суверенитет представителей палаты общин в конституционном развитии островного королевства. Г. Б. Эдемс¹⁰ утверждал, что Ланкастеры опирались на избрание парламента, а существовавший с 1399 по 1461 г. временный парламентский суверенитет был разрушен при Йорках и Тюдорах, по их мнению, в рамках парламентской работы в позднесредневековой Англии соблюдался баланс сил между королями, стремившимися править как тираны (иначе говоря, неограниченно), баронами, надеявшимися установить олигархию, и палатой общин, пытавшейся создать демократию.

Представители иной точки зрения, представленной работами Краймса, Вилкинсона К. Пикторна и др., описывая конституционные институты Ланкастеров, стали заключать определение «constitutional» в кавычки, прилагая к нему определение «limited», т. е. чем-то ограниченное¹¹. Краймс под «конституцией», «конституционным» стал понимать вообще всякую политическую систему, которая организована, «структурирована, а не хаотична»¹². Предметом дискуссии являлся и так называемый парламентский титул первого короля ланкастерской династии, в котором многие видели краеугольный камень «контрактного конституционализма» Стаббса. Например, С. В. Краймс считал, что парламент не имел суверенитета и исключительно по воле королей привлекался к решению «коронных вопросов» в качестве второстепенного члена политической системы средневековой Англии¹³.

Однако в 1976 г. американские профессора У. Данхем и Ч. Вуд опубликовали совместную статью в «The American Historical Review» под названием: «Право править в Англии: свержение и авторитет королевства. 1327–1485 гг.»¹⁴. Они рассмотрели последовательно пять кризисов королевской власти: от низложения Эдуарда II (1327 г.) до свержения Ричарда III в 1485 г., включая свержение Ричарда II в 1399 г., Генриха VI в 1460–1461 гг. и

⁷ 'We humbly desire, pray and require your said Noble Grace, that, according to this election, you will accept and upon you the said Crown and Royal dignity.' Rotuli Parliamentorum, V. VI. P. 241 ff.

⁸ McKenna J. W. The Myth of Parliamentary Sovereignty in late-medieval England. English Historical Review. Vol. XCIV: 480–492.

⁹ Lander J. R. 1976. Crown and Nobility 1450–1509. L.: Edward Arnold, 1976, pp. 412.

¹⁰ Adams G. B. 1918. An Outline Sketch of English Constitutional History. New Haven: Univ. pp. 620, P. 586.

¹¹ Wilkinson B. 1964 The Constitutional History of England in the fifteenth Century. 1399–1485. L.: Arnolds, pp. 244, P. 45 etc.

¹² Chrimes S. B. 1936. The English Constitutional Ideas in the fifteenth Century. Cambridge: Univ. Press. pp. 415. P. 19 esp.

¹³ Danham W., Wood C. 1976. The Right to Rule in England: Deposition and the Kingdom's Authority. 1327–1485. The American Historical Review. 81. N 4 (November).

¹⁴ McKenna J. R. The Myth. P. 484.

детей Эдуарда IV в 1483 г. Авторы пришли к выводу, что в ходе этих кризисов или переворотов ослаблялась королевская власть и росла парламентская супрематия. Первый король из династии Тюдоров объявляется исследователями первым в истории современной Англии королем, которого сделал таковым парламент.

Д. МакКенна предложил такую точку зрения: политико-юридическая процедура замены недостойного монарха на лучшего опиралась на ряд посылок, далеко не однозначных. Это могут быть и «божья воля», и «права предков», и «право завоевания», и какая-то форма волеизъявления народа. В подтверждение своей концепции он приводит слова Дж. Чосера: «...завоеватель... который по линии [родства имеет право] и свободным выбором утвержден, тот... истинный король»¹⁵. Джон Гауер выдвигал на первый план божью волю: «Всевышний Бог, единственно в силу своего правосудия провозгласил право, которое относится к твоим регалиям [королевскую власть]». Затем Гауер признает важность наследственных прав и в конце упоминает: «...народ страны твое право подтвердил». Конечный вывод Гауера звучит так: «...так стоит твое царство, утвержденное богом и человеком»¹⁶. В таком случае следует говорить о четырех принципах, определявших в сознании людей позднего средневековья легитимность королевской власти: «божья воля», «права предков», «завоевание» и какая-то форма волеизъявления народа.

Налицо трудность с пониманием выражения Д. Чосера «*by... free election*», что может означать и свободные выборы с некоей альтернативой, как это предполагается в новое время, и в то же время «одобрение» со стороны народа или баронов победоносного узурпатора или древний обычай «безгласного одобрения» на народном собрании или собрании воинов тех или иных решений князя, вождя, предводителя и др.

Билль парламента стипулировал предложение. Следует отметить, что именно стипуляция, в силу своей гибкости, универсальности и практичности была пригодна для достижения самых разнообразных политических и юридических целей. В соответствии с нормами римского права созыв парламента Генрихом Тюдором дал повод коммонерам считать, что возникла ситуация стипуляции, следовательно, общины не просили, не обращались с петицией, а предлагали. Что же предлагали общины? Было стипулировано, чтобы корона принадлежала новому суверену Генриху VII и его наследникам (...*be rest, remain, and abide in the most royal person of our new Sovereign Lord King Harry VII, and in the heirs of his body*¹⁷). Король ответил, что согласен по всем пунктам. Генрих VII получил по формальным признакам первый истинный парламентский титул в средневековой Англии. Тем самым в то время парламент вырос до «превосходства» во властных институтах английского королевства. Иначе говоря, именно в 1485 г. линия развития парламентского преимущества достигла высшей точки, чтобы вскоре опуститься до ничтожной величины.

Королевский брак обсуждался в парламенте¹⁸. Следует отметить, что брак с принцессой Елизаветой был заключен уже после заседания парламента, так как королевские советники не хотели, чтобы права короля зависели от этого брака.

На заседание парламента Генрих VII явился уже с короной на голове, символизируя тем самым уже полученные им королевские полномочия.

Ранее, чем открылся парламент, советники Генриха VII позаботились получить поддержку от папы римского. Папская булла была получена 27 марта 1486 г., но опубликована на английском языке лишь в июне того же года, по-видимому, для того, чтобы лишить папскую буллу юридической формы утверждения¹⁹.

Таким образом, и папская булла, и парламентский билль лишь одобряли уже свершившиеся действия, поддерживали решения и процедуры, которые имели совершенно иные правовые основания.

Основания королевских полномочий Генриха Тюдора ясно формулирует папская булла. Они таковы: «военная победа», «преемственность по наследству», «решение всех пре-

¹⁵ Ibid. P. 494.

¹⁶ Rotuli Parliamentorum. VI. P. 270.

¹⁷ Levine M., 1973. The Tudor Dynastic Problems. 1460–1576. L. Longman, pp. 275. P. 36.

¹⁸ McKenna J. R. The Myth. P. 494.

¹⁹ Ibid.

латов» (*omnium Prelatorum*) и «всех высокопоставленных магнатов» (*Procerum Magnatam Nobilium*) и наконец, на последнем месте: «*Decreto, Statuto et Ordinatione ipsus Angliae Regni Trium Statuum in ipsorum Conventu, Parlamento nuncupato*²⁰».

Процедура легитимизации власти Генриха VII Тюдора достаточно хорошо известна и позволяет сделать выводы как о роли парламента в утверждении позиций одного из претендентов на престол, так и о значении других компонентов этого действия, среди которых первое место занимают военная победа и благословление римской церкви.

Обстоятельства прихода к власти конунга Сверрира (*kong Sverre*) в Норвегии выглядят несколько иначе. Сверрир Сигурдсон, как он именуется в перечне королей Норвегии, родился на Фарерских островах в промежутке 1145–1151 гг. Уже будучи взрослым человеком и христианским священником, он возглавил движение биркебейнеров (норв. *Birkebeinerne* – березовоногие, лапотники). Для того чтобы придать себе больше значимости, Сверрир стал называть себя незаконнорожденным сыном Сигурда Рот (*Munn*), короля Норвегии и одного из сыновей Харальда Гилли, конунга из династии Харальда Прекрасноволосого, объединителя Норвегии²¹. Поддерживавшие Сверрира биркебейнеры представляли собой массу бедняков и малоземельных крестьян, которые выступили против крупных землевладельцев. Гражданская война в Норвегии началась до появления Сверрира. С середины XII в. общество Норвегии переживает период расслоения, когда начинает усиливаться положение иерархов христианской церкви, в том числе как крупных землевладельцев и судей, а также выделяется социальная группа лендрманнов, богатых и знатных людей, приближенных королевского двора. Введение налога в пользу папы римского (денарий святого Петра), ставшего первым в Норвегии регулярным налогом, включение 12 епископов в состав общегосударственного собрания (тинга), растущая социально-политическая роль духовенства вызвали общественное раздражение²². Достаточно большое число бондов Трёнделага, воинов и части знати было недовольно правлением короля Магнуса Эрлингсона, избранного, кстати, на тинге 1162 г. («он был конунгом с согласия всего народа»²³).

Сверриру после ряда военных операций против Магнуса и его отца Эрлинга удалось утвердиться на троне, причем его упрочению не смогли помешать ни родовитые семьи юга Норвегии, ни противодействие католического клира, приведшее к отлучению короля Сверрира от церкви и наложению интердикта на Норвегию²⁴.

Гораздо более значимым, чем благословление церкви, были для населения Норвегии ссылки Сверрира на «Законы святого Олава», в которых было зафиксировано старинное народное право, гарантировавшее независимость населения страны от крупных церковных землевладельцев, и судебник трёндов «Серый гусь», составленный Магнусом Добрым, сыном Олава Святого²⁵. Подтверждением права нового короля на престол считались его положение королевского сына (пусть и незаконного) и военные победы. Каких-либо длительных процедур, придававших сакральный характер власти Сверрира, не было. Сверрир обошелся даже без миропомазания папским легатом, обрушившись на папского посланника с обвинениями, что тот вымогает у людей обманным путем богатства, и вынудил того покинуть Норвегию.

Правление Сверрира продолжалось до 1202 г., новому королю удалось установить в стране общегосударственный институт сусломанов (*suslomann*), т. е. королевских управляющих, назначавшихся из незнатных людей и руководствовавшихся в своей деятельности повелениями короля. Выдвинувшиеся при Сверрире простолюдины и выходцы из Трёнделага неизменно оставались верными ему. Независимое поведение короля и весьма скромные правовые процедуры, сопровождавшие его восшествие на престол, могут быть объяснены мощной народной поддержкой этого короля.

²⁰ The Saga about Harald Gilli's Sons, 1980. Heimskringla. Moscow: Mysl, pp. 1120. P. 514–537.

²¹ G. M. Gathorne-Hardy, 1956. A Royal Impostor: King Sverre of Norway, Oslo, pp. 260.

²² The Saga about Sverre, 1988. Moscow: Nauka, pp. 276. Chapter 3.

²³ *Gunnnes E.*, 1971. Kongens aere. Kondemakt og kirke i 'En tale mot biscopene'. Oslo, pp. 342.

²⁴ Krag, Claus, 2005. Sverre – Norges stürste middelalderkonge. Oslo: H. Aschehoug & Co, pp. 341.

²⁵ The Saga about Sverre. Chapter 112.

Феномен самозванства не миновал и Россию²⁶. Но здесь он имел свои существенные особенности, касающиеся его причин и места в выступлениях против государственной власти.

Самозванчество в средневековой Европе представляло собой сложное, неоднозначное явление. Значение парламентских процедур, папского благословения и наследственного права на престол, значимое английского королевства, первого правового государства, теряет свое значение в северных землях. Для Норвегии определяющими являются широкая социальная поддержка и доверие народа к своему правителю, в котором видят защитника от злоупотреблений родовой знати и иерархов католической церкви. В России же основой прочной власти царя было своеобразное монархическое чувство, выражающееся в доверии и любви к своим государям, олицетворявшим саму Россию, бывшим основными блюстителями православной веры.

Аннотация. Статья посвящена феномену прихода к власти правителей с сомнительными правами на престол и последующей легитимизации их статуса монарха. Авторами анализируются материалы, связанные с эпизодами государственной истории Англии, Норвегии в XII–XVII вв. Выявляются особенности становления власти монарха и взаимосвязь с национальными традициями. Анализируется полемика, возникшая по поводу «парламентского титула короля» в Великобритании XIX–XX вв. Особое внимание уделяется обстоятельствам, связанным с интронизацией претендентов.

Ключевые слова. Монарх, власть, претендент, анархия, дворянство, народ, право, процедура.

Annotation. This article deals with the phenomenon of the coming to power of rulers with dubious rights to the throne and the subsequent legitimisation of their status as monarch. The authors analyse materials associated with episodes of the state history of England, Norway and Russia in the 12th–17th centuries. They identify particular features of the establishment of the power of a monarch and the relationship with national traditions. They analyse disputes in relation to ‘the king’s parliamentary status’ in Great Britain of the 19th and 20th centuries. Special attention is paid to the circumstances relating to the enthronement of pretenders to the throne.

Keywords. Monarch, power, pretender, anarchy, the nobility, the people, legislation, procedure.

²⁶ Романовская В. Б., Минеева Т. Г., Цыганов В. И. Феномен самозванства в истории российского государства // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. № 6. С. 211–214.

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ВОСТОКА РОССИИ В XIX ВЕКЕ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ИМПЕРИИ

THE CHRISTIANIZATION OF THE EAST OF RUSSIA IN THE XIX CENTURY AS A FACTOR OF SOCIAL STABILITY EMPIRE

Характер Российского государства со времен министра народного просвещения первой трети XIX в. графа С. С. Уварова принято определять триадой «самодержавие, православие, народность». Православная религия, как главный элемент российской самоидентификации и один из столпов государственности, служила объединению русского этноса в единое государство.

Период феодальной раздробленности, в который национальный состав княжеств был достаточно однородным, сменился начиная с XVI в. стремительным приращением России за счет освоения восточных земель и присоединения территорий на юге и западе. На тот период в государствах Западной Европы главным условием сохранения политической стабильности и территориальной целостности страны считалось наличие единой веры ее жителей¹. Отсюда – многочисленные религиозные войны периода Контрреформации XVII в., когда католичество боролось с новым религиозным течением – протестантством.

Россия не пошла по европейскому конфронтационному пути. Ее исторический опыт в условиях обширности территории и многонациональности, а следовательно, и поликонфессиональности, подсказал выход в виде национальной и религиозной терпимости. Российская власть в XVI–XVII вв. осуществляет управление многонациональными территориями, предоставляя право ее национальным элитам и населению придерживаться своих традиционных религий. Российской администрации на местах было дано строгое на то указание². Во многом эта терпимость носила вынужденный характер, так как любые религиозные притеснения могли вызвать серьезные межнациональные конфликты, обострить сепаратистские устремления. К тому же с XVII в. российское правительство начинает в массовом порядке приглашать в страну иностранных специалистов, которым невозможно было не предоставлять свободы исповедания своей веры³.

Однако наличие на территории страны нескольких религий вынудило власть установить правовой статус для каждой из конфессий. При этом во внимание было принято главенствующее положение русского православия. К началу XIX в. в России сложилась конфессиональная структура государства, в которую вошли все законодательно признанные религии. Иностранные христианские церкви имели общую организационную структуру с Русской православной церковью, что позволяло унифицировать систему контроля и управления ими с целью решения общегосударственной задачи интеграции. Правовая градация религиозных конфессий в Российской империи имела ту особенность, что все религии в государстве не

© С. В. Миненко, 2015

¹ Романовская В. Б. Духовность и правосознание (соотношение феноменов) // Вестник Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: право. 2001. № 1.

² ПСЗ-1. Т. 3. № 1329, 1542, 1351, 1585, 1591, 1670.

³ Глушаченко С. Б., Евсеев А. В., Канюкова Т. Е., Лядов А. О., Сальников М. В. Российское право. IX–XIX в.в. (исторические зарисовки) / Под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет», 2002; Сальников С. П. 1) Правовые идеалы российского общества второй половины XIX – начала XX веков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 1 (29-1). С. 107–108; 2) Развитие русской отечественной мысли конца XIV – начала XVI века // История государства и права. 2005. № 1. С. 49; 3) Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ). Дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2005.

были юридически равны между собой⁴. Российское законодательство оценивало и «ранжировало» религии по их «истинности», т. е. степени догматической близости к православию⁵.

В соответствии с этим принципом все вероисповедания делились на три иерархических уровня, каждому из которых соответствовал определенный объем прав, привилегий и ограничений. На первом уровне находилась Русская православная церковь, имеющая статус «первенствующей и господствующей». Вторую ступень правовой иерархии занимали так называемые признанные терпимые исповедания, к которым относились прежде всего христианские неправославные (или «инославные») конфессии: лютеранство, некоторые другие течения протестантизма и католицизм, а также ислам, буддизм-ламаизм, иудаизм, язычество. На третьем уровне – терпимые непризнанные – старообрядчество и сектантство, возникшее на почве православия.

С XVIII в. укрепление государственности стало рассматриваться российским правительством через призму распространения православия на всей территории империи, которое должно было стать прочным связывающим раствором, соединяющим территории и народы в единое целое под самодержавным правлением православного монарха.

При этом распространение православия (или политика русификации) обладало своей спецификой для территорий на западе и востоке империи. Если в восточной ее части она имела характер обращений в основном многочисленной массы населения, придерживающегося языческих верований, то в западных, где преобладало население, исповедующее католицизм, униатство и протестантизм, задача оказалась намного сложнее, так как существующие здесь римско-католическая, униатская и евангелическо-лютеранская церкви имели хорошо развитую церковную организацию и штат высокопрофессионального духовенства. Более того, церковное руководство этих церквей находилось за пределами границ империи, что вызывало опасение российской стороны в распространении сепаратистских устремлений среди населения присоединенной Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии.

Для миссионерской деятельности среди язычников Сибири уже в 1700 г. был издан указ о подборе среди духовенства Малороссии нескольких человек, один из которых должен был возглавить митрополию в Тобольске и координировать миссионерскую деятельность в регионе, а для других двух-трех «добрых и ученых не престарелых иноков» ставилась задача изучить местные языки и обычаи для того, чтобы «твердыми святого Евангелия доводами многие души... привести во свет познания Христа Бога нашего...»⁶. Поддерживалась и инициатива с мест, как это происходило с просьбами первопроходцев в Северной Америке Голикова и Шелихова о распространении среди местных аборигенов православия⁷.

Однако практика миссионерской деятельности показала российским властям малую эффективность православных священнослужителей русской национальности, пусть даже искусных в вере и «непорочного жития», однако мало знавших или не знавших вовсе местные языки и обычаи. Кроме того, многие обращенные в православие обращались к местным и центральным властям с жалобами на принуждение к принятию крещения. Постепенно центральная власть приходит к мысли о необходимости подготовки миссионеров из числа самих аборигенов. В 1740 г. принимается два указа о подготовке в семинариях юношей

⁴ Сальников М. В. 1) Национальное и универсальное начала в политико-правовой традиции (теоретико-правовой и аксиологический анализ) // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 10. С. 11–32; 2) Политико-правовая традиция и правовая культура общества: соотношение в теоретическом правоведении и юридической практике // Мир политики и социологии. 2013. № 9. С. 169–186; 3) Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. 2012. № 11. С. 47–66; Сальников М. В., Вележев С. И., Тищенко А. Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2004. № 4 (24). С. 29–31.

⁵ Красножен М. Иноверцы на Руси. Юрьев, 1903. Т. 1. С. 161; Романовская Л. Р. Особенности и эволюция вероисповедной политики правительства Российской империи в XIX веке // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2005. № 12.

⁶ ПСЗ-1. Т. 4. № 1800.

⁷ Там же. Т. 23. № 17135.

мордовского, чувашского, черемисского, самоедского, лопарского и других языческих народов с последующим направлением их в священническом сане для проповеди православия среди соплеменников⁸.

Важно отметить, что в деле христианизации языческого населения российское правительство едва ли не активнее православного духовенства организовывало и направляло эту деятельность. На эти цели шли средства из государственной казны, что ясно показывает заинтересованность светской власти в данном вопросе. Так, в 1836 г. для подготовки проповедников из остяков в Тобольской губернии решено было использовать пришедший в запустение Кондийский мужской монастырь. Учитывая важность предстоящей работы, были серьезно увеличены доплаты к жалованью настоятеля: к его 200 рублям добавили еще 800 рублей, двум иеромонахам – каждому к 20 рублям добавили по 480 рублей. Ежегодный расход на миссию утвердили в размере 500 рублей, а на содержание учеников в год – 1000 рублей. При таких расходах предполагалось обучать всего 10 учеников⁹.

30 июня 1842 г. в Казани была учреждена Духовная академия, в которой открыли два миссионерских отделения для подготовки проповедников православия среди мусульман и язычников¹⁰.

Несколько позже – в 1860 г. миссионерское движение было организовано и на Кавказе. При этом было обеспечено солидное покровительство образованному с этой целью «Обществу восстановления православия на Кавказе» – им стала императрица Мария Александровна. Непосредственное руководство обществом было возложено на кавказского наместника. Задачи были выдвинуты масштабные: 1) строительство и содержание церквей, 2) учреждение школ при церквях, 3) учреждение особых классов при семинариях (миссионерские классы из горцев), 4) отправление миссионеров (полагалось достойное жалованье), 5) перевод Священного писания и богослужебных книг на туземные языки¹¹. Через три года в Тифлисе была образована и типография по печатанию книг религиозного содержания на языках горских народов¹².

Не забыто было и поощрение деятельности миссионеров. В 1829 г. за обращение в православие из нехристианских религий не менее 100 человек было предусмотрено награждение орденом Святой Анны, что давало право на получение потомственного дворянства¹³.

Христианская миссия среди мусульман и язычников была подкреплена различными мерами, в том числе и материального порядка, за восприятие православной веры. Указ от 28 сентября 1743 г. определил целую программу по обращению язычников и иноверцев в православие. Прежде всего, он установил ответственным за данную деятельность казанского архимандрита Дмитрия Сеченова, которому поручалось организовать обращение на территории Казанской, Астраханской, Сибирской, Нижегородской и Воронежской губерний. Планировалось построить 30 деревянных церквей; создать фонд, из которого производить выплаты принявшим православие (правительство обязалось ежегодно перечислять в него по 10 000 рублей); отселять из деревень иноверцев, не пожелавших принять крещение; новокрещенным из мусульманства крепостным давать свободу и отселять от иноверных помещиков на его лучшие земли; освобождать на 3 года от всех податей и сборов, перекладывая их на иноверцев губернии; освобождать от уголовной ответственности за малые преступления¹⁴.

Указы разных лет устанавливали размер денежных выплат за восприятие православной веры: пленным полякам, туркам и татарам – по 18 рублей¹⁵; калмыкам – если пожелают селиться на казенных землях: наделять 30 десятинами на семью, освобождать от всех податей и повинностей на 10 лет, выплачивать по 50 рублей на семейного и по

⁸ Там же. Т. 11. № 8004, 8291.

⁹ ПСЗ-2. Т. 11. № 9269.

¹⁰ Там же. Т. 17. № 15803.

¹¹ Там же Т. 35. № 35897.

¹² Там же. Т. 38. № 40291.

¹³ Там же. Т. 4. № 3348.

¹⁴ ПСЗ-1. Т. 11. № 8792.

¹⁵ Там же. Т. 21. № 15263; Т. 22. № 16176.

25 рублей на холостого¹⁶; крымским татарам – желающим водвориться на казенные земли – на первоначальное обзаведение 50 рублей на семейного и по 25 рублей для холостого¹⁷; нижним воинским чинам из мусульман – награда в 7 рублей 15 копеек серебром¹⁸. Устав Рекрутский, принятый 28 июля 1831 г., всех принявших православие мусульман и язычников освобождал «навсегда от рекрутской повинности; но дети их, рожденные по принятии православия, подлежат оной на общих основаниях»¹⁹. Указ 1746 г. награждал состоящих на военной службе иноземцев «за принятие веры греческого исповедания следующими чинами»²⁰. Нижним чинам лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона указ 1851 г. сохранял право на отставку за выслугу 15 лет²¹. По мере христианизации языческих народов для упорствующих иноверцев ввели запрет на замещение ими должностей волостных и сельских старост, а также писарей²².

Российские власти за восприятие православной веры шли и на послабления в применении уголовных наказаний. Самой радикальной мерой стал Указ от 11 марта 1741 г., который за принятие крещения освобождал от смертной казни «иноверцев, оказавшихся в убийствах или в других тяжких винах»²³. Просуществовал, правда, он недолго: уже 15 декабря того же года его отменили²⁴. Вместо этой экстраординарной льготы стали освобождать от уголовной ответственности «за маловажные преступления», что впервые было установлено Указом от 28 сентября 1743 г. и подтверждено Указом от 26 октября 1761 г.²⁵ При этом освобождали с условием, что «ежели впредь в такие ж или в другие вины впадут, то с ними поступлено будет по указам неотменно...».

Принявших православие польских конфедератов по Указу 1773 г. не посылали на поселение в Сибирь и Оренбург и предоставляли свободу²⁶. Указ от 28 июля 1781 г. «за восприятие греческого исповедания» польских пленных «оставшихся в России... с женами их, хотя бы они и на крепостных... женаты были с детьми их быть свободными...»²⁷. А уже 19 ноября того же года данная льгота была распространена «на всех без изъятия, какой бы кто веры и закона ни был»²⁸.

Весьма подозрительно российский законодатель относился к принявшим православие евреям: Указ от 6 апреля 1828 г. запрещал за принятие христианской веры освобождать евреев из ссылки в Сибирь, хотя и сокращал ее срок в два раза²⁹. Для предотвращения «притворного принятия евреями христианской веры греко-российского исповедания» в 1831 г. были установлены жесткие правила перехода в православие: они должны были обращаться к епархиальным архиереям со специальным прошением, им назначался для наставления в православной вере священник, который должен был готовить их к крещению и который сам определял готовность наставляемого к принятию таинства, затем происходило испытание в консистории, только после которого следовало разрешение на крещение, которое обязательно проводилось в городской церкви³⁰.

Значительно позже – в 1861 г. были установлены правила и для иноверцев по принятию ими православной веры. Согласно этим правилам дети до 14 лет могли быть крещены только с согласия их родителей. Не достигшие совершеннолетия (21 года) наставлялись в

¹⁶ ПСЗ-2. Т. 5. № 3653.

¹⁷ Там же. Т. 9. № 7310.

¹⁸ Там же. Т. 26. № 23314.

¹⁹ Там же. Т. 6. № 4677.

²⁰ ПСЗ-1. Т. 12. № 9305.

²¹ ПСЗ-2. Т. 17. № 16291.

²² Там же. Т. 10. № 8021.

²³ ПСЗ-1. Т. 11. № 8349.

²⁴ Там же. № 8482.

²⁵ Там же. Т. 15. № 11348.

²⁶ Там же. Т. 19. № 13935.

²⁷ Там же. Т. 21. № 15198.

²⁸ Там же. № 15282.

²⁹ ПСЗ-2. Т. 1. № 1924.

³⁰ Там же. Т. 6. № 4355.

основах веры в течение 6 месяцев, если возраст был более 21 года – то в течение 40 дней. Обряд таинства крещения должен быть совершаем в церкви. Священник и «местное начальство, обязанное присутствовать при оном, должны тщательно удостовериться, что иноверец принимает Святое крещение добровольно и с должным разумением и без сего убеждения ни в коем случае не совершается и не допускается крещение»³¹.

Имперская власть в своем стремлении интегрировать общество на основе православия как государственной религии использовала широкий спектр мер экономического, организационного и законодательного характера, поощряющих переход в православную веру. Уделялось серьезное внимание формированию массового православного правосознания³². Насильственной христианизации была противопоставлена длительная и кропотливая работа по постепенному переходу коренного населения Сибири и Дальнего Востока в православие: основным направлением работы была подготовка православных миссионеров из местных жителей, доверие к которым у местного населения было куда более сильным, чем к приезжим русским священникам из центральной России. Использовались и дополнительные меры: экономические (освобождение от выплаты ясака на несколько лет, прямые денежные выплаты «за восприятие греко-российской веры»), организационные (запрет на замещение должностей государственной службы лицами иного, чем православие, исповедания), юридические (освобождение от уголовной ответственности за некоторые незначительные преступления в обмен за принятие православия). Дискриминационное положение в империи иных вероисповеданий, кроме православного, служило дополнительным стимулом к переходу в государственное вероисповедание – православие.

Аннотация. Статья посвящена решению сложной задачи обеспечения социальной стабильности Российского государства на освоенных территориях Сибири и Дальнего Востока за счет распространения православия как интегрирующей многонациональное общество силы.

Ключевые слова. Многонациональность, поликонфессиональность, конфессиональная система государства, язычество, православие, веротерпимость, миссионерская деятельность.

Annotation. The article is devoted to the challenge of ensuring social stability of the Russian state developed territories of Siberia and the Far East due to the spread of Orthodoxy as an integrating multicultural society forces.

Keywords. Multi-ethnic, multi-religious reality, the confessional system of government, paganism, Orthodoxy, religious tolerance, missionary activity.

³¹ Там же. Т. 36. № 37709.

³² Сальников В., Сальников М. Правовая онтология гражданского сознания // Юридический мир: истории и современность. 2005. № 11; Сальников В. П., Сальников М. В., Биктасов О. В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 3. С. 7–13; Захарцев С. И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. В. П. Сальникова. М., 2014; Захарцев С. И., Сальников В. П. Философия. Философия права. Юридическая наука: Монография. М., 2015; Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В. П. Сальникова, Р. А. Ромашова. СПб., 2004; Чукин С. Д., Сальников В. П., Балахонский В. В. Философия права: Учебник. М., 2002.

М. В. Сальников, А. И. Федюшкина
M. V. Salnikov, A. I. Fedyushkina

ПРАВОВЫЕ ИДЕИ В РАБОТАХ ХРИСТИАНА ТОМАЗИУСА

LEGAL IDEAS IN THE WORKS OF CHRISTIAN THOMASIUS

Ученые, занимающиеся правовыми исследованиями, а в особенности те из них, которые обращают свой взгляд на историю и философию права¹, неизбежно сталкиваются с необходимостью определения понятия права и отграничения его от смежных материй, таких как нравственность, религия, мораль. По существу, вопрос о природе права является краеугольным камнем всех теоретических исследований в области юриспруденции, а также первостепенным при построении любых рассуждений о правовых нормах, и без ответа на него невозможно выстроить прочное здание непротиворечивой научной гипотезы и тем более создать лаконичную научную теорию. В связи с этим очевидно необходимым, на наш взгляд, представляется обращение не только к современным концепциям правопонимания², широко разрабатываемым в российской и зарубежной науке, но и к истории правовых идей³.

В данном контексте наше внимание привлекла история жизни и учения мало известного отечественным исследователям немецкого философа Христиана Томазиуса (01.01.1655–23.09.1728). Томазиус представляет собой пример выдающейся личности своей эпохи, истинного деятеля Просвещения. Европейской науке Томазиус знаком как первый из немецких философов, начавших писать и выступать с лекциями на немецком языке. Он внес существенный вклад в изменение общественного мнения на процессы по делам о колдовстве (работа *De crimine magiae*, 1701) и во многом способствовал официальному запрещению охоты на ведьм в Германии. Творческое наследие Томазиуса отличается разносторонностью: в сферу его интересов входили проблемы философии (см. работы:

© М. В. Сальников, А. И. Федюшкина, 2015

¹ *Захарцев С. И.* Диалектический метод в оперативно-розыскной деятельности // *Юридическая наука: история и современность.* 2012. № 7. С. 62–69; *Захарцев С. И., Сальников В. П.* Философия. Философия права. Юридическая наука: Монография. М., 2015; *Захарцев С. И.* Некоторые проблемы теории и философии права / Под общ. ред. В. П. Сальникова. М., 2014; *Чукин С. Д., Сальников В. П., Балахонский В. В.* Философия права. Учебник. М., 2002; *История философии и права* / Отв. ред. А. П. Альбов, Д. В. Масленников, В. П. Сальников. СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998; *Захарцев С. И., Сальников В. П.* 1) Конвергенция в праве, русская ментальность и психология нищенства: философская и философо-правовая проблема // *Мир политики и социологии.* 2015. № 1. С. 166–179; 2) Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // *Юридическая наука: история и современность* 2013 № 11 С. 11–29.

² *Оль П. А., Сальников М. В., Тищенко А. Г.* Право народов на самоопределение как принцип правового государства, формирующегося в условиях полиэтнической структуры общества: историческая ретроспектива и современность // *Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России.* 2004. № 4. С. 21–28; *Оль П. А., Сальников М. В.* 1) Исторический дуализм в правопонимании: единство и противоречия естественного и волевого начал в праве // *История государства и права.* 2003. № 4. С. 5–7; 2) Правопонимание как феномен: понятие, уровни, критерии научности и основания типизации // *Юридический мир.* 2005. № 3. С. 68–75.

³ *Сальников В. П., Сальников М. В.* 1) Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // *Правовое государство: теория и практика.* 2014. № 3(37). С. 13–19; 2) Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // *Вестник Башкирского ун-та.* 2014. № 3. Т. 19. С. 1096–1099; 3) Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // *Юридическая мысль.* 2014. № 4(84). С. 70–86; *Сальников С. П.* Правовые идеалы российского общества второй половины XIX – начала XX веков // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.* 2006. № 1. С. 107–108; *Глушаченко С. Б., Сальников В. П., Макаров Д. А.* Особенности института императорской власти в византийской империи // *История государства и права.* 2004. № 4. С. 40–43; *Романовская Л. Р., Сальников В. П.* Профессор А. П. Куницын у истоков естественной школы права в России // *Правовое государство: теория и практика.* 2014. № 4. С. 23–26; *Курзенин Э. Б., Сальников В. П.* Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция // *Евразийский юридический журнал.* 2014. № 12. С. 120–122; *Романовская В. Б.* Духовность и правосознание (соотношение феноменов) // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Право.* 2001. № 1 (3). С. 149–152.

«Ausübung der Vernunft-Lehre», 1691; «Versuch vom Wesen des Geistes», 1699), вопросы права («Lehrbuch des Naturrechtes», 1687; «Institutionis Iurisprudentiae Divinae», 1688; «Fundamenta iuris naturae et gentium», 1705), преподавания юриспруденции («Summarischer Entwurf deren Grundregeln, die einem studioso juris zu wissen und auf Universitäten zu lehren nöthig», 1699) и даже журналистики (журнал Monatsgespräche, 1688–1690).

Не углубляясь в биографические подробности жизни Томазиуса, которые так или иначе описаны в других источниках, в данной статье мы предпримем попытку отразить наиболее значимые его идеи, представив, таким образом, краткий обзор всего его творчества.

Начать следует, конечно же, с идеи естественного права, которая красной нитью проходит через все работы Томазиуса и является определяющим, исходным началом всего его мировоззрения. Основные взгляды Томазиуса по этому вопросу изложены им в двух его больших работах «Institutionis Iurisprudentia Divinae» (1688 г.) и «Fundamenta Iuris naturae et gentium» (1705 г.). Критики творчества Томазиуса указывают на то, что здесь он в точности повторяет идеи Гроция и Пуфендорфа, не проявляя при этом самостоятельности и просто перелагая их на новый лад⁴. Отмечая колоссальное влияние на творчество Томазиуса работ Гроция и особенно Пуфендорфа, с которым он был лично знаком и вел продолжительную переписку, мы все же не можем согласиться с отсутствием личного вклада Томазиуса в развитие этой идеи. На почти тысяче страниц он подробно и последовательно излагает основные постулаты теории естественного права, развивая и дополняя некоторые мысли, высказанные Пуфендорфом, и выдвигая новые оригинальные идеи.

Отправной точкой размышлений Томазиуса является идея о естественном законе. Все законы он делит на два вида: божественные позитивные (откровенные) и естественные, которые также происходят от Бога. Критерием деления является их непосредственный источник: «законы, – пишет Томазиус, – разделяются по основанию, из которого они исходят (principio cognoscendi); в естественном законе этим основанием является разум, но в божественном позитивном законе – божественное откровение»⁵. Таким образом, несмотря на то что первичным источником естественного права у Томазиуса является божественная воля, разум выступает основным критерием, на основании которого может быть установлено содержание естественного закона. Поскольку Бог наделил человека способностью разумно мыслить, то на основании своего разума человек способен определить, что предписал ему делать Бог, так это обосновывает Томазиус: «из природы вытекает, что Бог желал, чтобы человек был разумным и исходя из этого хотел подчинить свои поступки одному общему руководящему началу, из чего следует <...> что Бог хотел потребовать совершения таких поступков, которые разумная природа [человека] считает необходимыми, и запретить совершение тех, которые ей противоречат»⁶. Однако, делает оговорку Томазиус, действие человека согласуется с разумом только в том случае, если оно само по себе требуется для сохранения мира и спокойствия человеческого рода, когда же оно их нарушает, оно противоречит разумной природе человека и, соответственно, естественному закону⁷.

Эту мысль Томазиус развивает и далее, рассматривая обязанности человека по отношению к самому себе (ч. 2 книги 1 «Institutionis»). Он выводит следующее общее требование: «стремись вести себя так, чтобы ты мог устанавливать общий порядок человеческого рода»⁸. Поэтому, пишет Томазиус, в своем поведении человек должен использовать такие средства, которые согласно предписаниям человеческого общества необходимо требуются. Те же средства, которые нарушают сами по себе общий порядок человеческого рода, человек для сохранения своей жизни использовать не может. Наконец, те средства, которые порядок человеческого рода и не нарушают, и не являются для него необходимо

⁴ См., напр.: Романовская В. Б. Период Высокого Средневековья в Европе – век инноваций в юридическом образовании // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. № 6. Ч. 1 (3). Н. Новгород: Издательство ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2013; Чичерин Б. Н. История политических учений. Т. 2. СПб., 2008.

⁵ Herrn Christian Thomasii. Drey Bÿcher der Gÿttlichen Rechtsgelahrheit, Hall im Magdeburgischen: Renger, 1709. S. 65 (160).

⁶ Ibid. S. 67 (162).

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. S. 133 (228).

требуемыми, человек в силу естественного права, если божественное право не предусматривает иного, может использовать или не использовать⁹.

Таким образом, размышления Томазиуса о естественном законе и о природе человека вылились в прообраз категорического императива Канта («поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы стать всеобщим законом»), сформулированного немецким философом только в 1785 г. В дальнейшем Томазиус в своих сочинениях, особенно в «Fundamenta», очень много внимания уделяет именно нравственной философии, рассматривая вопросы соотношения воли души и тела, души и разума, рассматривая различные человеческие страсти в их взаимовлиянии, и эти его размышления базируются на идее естественного закона. Для нас особенно интересным является то, что все упомянутые выше вопросы рассматриваются им с позиций рационализма. Божественная воля для Томазиуса уже не является определяющей, контролирующей все силой, она выступает только в качестве первоисточника, перводвижателя. В остальном Томазиус признает за человеком свободу воли и свободу выбора того или иного варианта поведения. Подобный взгляд на проблему отражает принадлежность Томазиуса к новой парадигме научного мышления, к философии рационализма, навсегда отделившейся от темной схоластической традиции Средневековья и открывшей дорогу мыслителям Нового времени.

Так же очевидным является и то, что в области юриспруденции идея о естественном праве была рупором просвещения, именно она сделала возможным дальнейшее развитие философии права, ограниченное ранее рамками схоластики, и стала основным толчком для дальнейших позитивных изменений в юридической практике. Заметим, что основателем естественной школы права в России признается профессор А. П. Куницын¹⁰.

Однако Томазиус не остановился только на подробной разработке и обосновании идеи естественного права. Он довольно активно занимается реализацией своих идей на практике. Считая, что юридическое образование должно быть доступно для студентов независимо от их имущественного положения, знаний латыни и должно определяться исключительно их личными качествами и способностями к обучению, Томазиус начал читать лекции в университете Лейпцига, где он к тому времени был профессором, на немецком языке. Помимо этого, он допустил до своих занятий малообеспеченных студентов, которые были не в состоянии оплачивать обучение, но обладали способностями и знаниями. Естественно, в консервативно настроенном Лейпциге это вызвало эффект разорвавшейся бомбы. В конце концов конфликт Томазиуса с лейпцигской профессурой привел к его увольнению из университета, что, однако, не привело к прекращению его преподавательской деятельности, которую он продолжил в Галле, где под покровительством одного из немецких курфюрстов основал новый университет¹¹.

Основные размышления о юридической профессии и об обучении студентов-юристов Томазиус изложил в своей работе 1699 г. «Summarischer Entwurf deren Grundregeln, die einem studioso juris zu wissen und auf Universitäten zu lehren nöthig» (в переводе: «Общий план тех основополагающих правил, которые необходимо знать студенту-юристу и которым должны учить в университетах»). В этой работе Томазиус закрепляет на бумаге принцип равного доступа к образованию, который он отстаивал еще в университете Лейпцига. В предисловии, описывая особенности организации образовательного процесса своих студентов, Томазиус пишет, что в случае, если студент беден и «гонорар [выплачиваемый за обучение] покажется ему слишком большим, ему не стоит начинать торговаться, даже если у него нет в наличии таких средств, я не потребую с него вообще ничего, а позволю

⁹ Ibid.

¹⁰ Романовская Л. В., Сальников В. П. Профессор А. П. Куницын у истоков естественной школы права в России // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 4(38). С. 23–26; Сальников В. П., Романовская Л. Р. Санкт-Петербургская школа естественного права: начало большого пути // Правовое поле современной экономики. 2013. № 11.

¹¹ Подробнее о педагогической деятельности Х. Томазиуса см.: Федюшкина А. И. Христиан Томазиус: новации юридического образования в Германии (конец XVII – начало XVIII вв.) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 3–2. С. 245–248.

ему при соблюдении определенных условий посещать коллегию бесплатно»¹². Условием, которое здесь упоминает Томазиус, являлась успешная сдача экзамена; кроме того, студенты отчислялись, если они становились «ленивыми, невнимательными и безалаберными, либо вели себя бесчестно»¹³. Необходимость этих условий Томазиусом обосновывалась тем, что «то, что достается безвозмездно и бесплатно, уважается менее всего»¹⁴.

Организационно обучение в университете строилось на основе разделения на 4 факультета: юридический, теологический, свободных искусств и медицинский¹⁵. Преподаватели обладали определенной самостоятельностью в вопросе организации обучения студентов конкретных групп: они выбирали форму и продолжительность проведения занятий, место, в котором они проходили, определяли конкретную программу обучения. Томазиус проводил свои занятия в трех формах: в форме публичных лекций, занятий *privat collegium* и *collegium privatissimum*¹⁶. Публичные лекции проводились в лекционном зале университета Галле. Поскольку Томазиус вел все свои занятия исключительно на немецком языке, в лекционный зал допускались не только студент, но и простые горожане¹⁷.

Privat collegium была традиционной формой организации занятий в университетах средневековой Европы. Она объединяла небольшую группу студентов, проходивших обучение под руководством одного профессора. Европейские профессора, в том числе и Томазиус, предпочитали проводить занятия *privat collegium* у себя дома¹⁸.

Программа обучения юристов, по Томазиусу, должна была разделяться на 4 части: 1) философские учения, которые должны быть положены в основу юриспруденции; 2) частное право (*jure privato*); 3) публичное право (*jure publico*); 4) церковное право (*jure ecclesiastico*)¹⁹. На изучение каждой из этих частей Томазиусом отводилось полгода, полный цикл обучения юристов, соответственно, длился два года²⁰.

Таким образом, краткий обзор основных идей Томазиуса дает нам основание отнести его к передовым мыслителям своего времени, ознаменовавшим переход от средневековой парадигмы мышления к философии Нового времени. Перед взглядом исследователя Христиан Томазиус предстает смелым, самостоятельно мыслящим исследователем, обладающим известной долей гражданского мужества и смелости, воплощающим в жизнь свои идеалы, истинным деятелем эпохи Просвещения.

Аннотация. Статья посвящена анализу правовых идей немецкого юриста и философа Христиана Томазиуса. Автором рассматривается концепция естественного права, изложенная Томазиусом в работах «*Institutionis Jurisprudentiae Divinae*» и «*Fundamenta iuris naturae et gentium*», анализируется соотношение этических и правовых категорий в работах Томазиуса, рассматриваются взгляды философа по вопросам юридического образования.

¹² *Thomasius Christian*. *Ausgewählte Werke*, Band 13. *Summarischer Entwurf deren Grundregeln, die einem studioso juris zu wissen und auf Universitäten zu lehren nützlich*. Hildesheim-Zürich-New York: Georg Oms Verlag, 2005. S. 53.

¹³ *Ibid.* S. 54.

¹⁴ *Ibid.* S. 53.

¹⁵ Романовская В. Б. Период Высокого Средневековья в Европе – век инноваций в юридическом образовании // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. № 6. Ч. 1 (3). Н. Новгород: Издательство ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2013. С. 175.

¹⁶ *Eskildsen Kasper Risbjerg*. *Christian Thomasius, invisible philosophers, and education for Enlightenment* // *Intellectual History Review* 18 (3) 2008. P. 328; *Thomasius, Christian*. *Ausgewählte Werke*, Band 13. *Summarischer Entwurf deren Grundregeln, die einem studioso juris zu wissen und auf Universitäten zu lehren nützlich*. Hildesheim-Zürich-New York: Georg Oms Verlag, 2005. S. 50–51.

¹⁷ *Eskildsen Kasper Risbjerg*. *Christian Thomasius, invisible philosophers, and education for Enlightenment* // *Intellectual History Review* 18 (3) 2008. P. 330.

¹⁸ *Ibid.* P. 332.

¹⁹ *Thomasius Christian*. *Ausgewählte Werke*, Band 13. *Summarischer Entwurf deren Grundregeln, die einem studioso juris zu wissen und auf Universitäten zu lehren nützlich*. Hildesheim-Zürich-New York: Georg Oms Verlag, 2005. S. 42.

²⁰ *Ibid.* S. 51.

Ключевые слова. Христиан Томазиус, естественное право, право и мораль, юридическое образование.

Annotation. The article is devoted to the legal ideas of a German jurist and philosopher Christian Thomasius. The author considers the concept of natural rights set forth in the works of Thomasius «Institutionis Iurisprudentiae Divinae» and «Fundamenta iuris naturae et gentium», analyzes the relationship of ethical and legal categories in the works of Thomasius, considers the views of philosopher on legal education.

Keywords. Christian Thomasius, natural law, law and morality, legal education.

АЛЕХИНА ОЛЕСЯ ВИТАЛЬЕВНА

Студентка юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактная информация для переписки: olessya_alyokhina@list.ru

ALEKHINA OLESYA

Student of law faculty of St.-Petersburg State University of Economy.

E-mail: olessya_alyokhina@list.ru

АНДРЕЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА

Доцент кафедры финансового и административного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Кандидат юридических наук.

Контактная информация для переписки: elenaandreeva09@mail.ru

ANDREEVA ELENA

Senior lecturer of chair of financial and administrative law, law faculty of St.-Petersburg State University of Economy.

Candidate of jurisprudence.

E-mail: elenaandreeva09@mail.ru

АНАНСКИХ ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Председатель комитета по физической культуре, спорту и делам молодежи Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Контактная информация для переписки: fonduniver@bk.ru

ANANSKIKH IGOR

Chairman of the Committee for Physical Culture, Sport and Youth Affairs of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation

E-mail: fonduniver@bk.ru

ВЕРХОГЛЯД АЛЕКСАНДР

Родился в 1986 в г. Ленинск-Кузнецк Кемеровской области. Окончил юридический факультет Кубанского государственного аграрного университета.

Аспирант кафедры государственного и международного права Кубанского государственного аграрного университета.

Контактная информация: a.verkhoglyad@gmail.com

VERKHOGLYAD ALEXANDER

Was born in 1986 in Leninsk-Kuznetsk of Kemerovsk region. Graduated from faculty of law of the Kuban State Agrarian University.

Postgraduate of the chair of state and international law of Kuban State Agrarian University.

E-mail: a.verkhoglyad@gmail.com

ЗАХАРЦЕВ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ

Профессор кафедры организации правоохранительной и правозащитной деятельности Псковского государственного университета.

Доктор юридических наук.

Контактная информация для переписки: Sergeyivz@yandex.ru

ZAKHATRZEV SERGEY

Professor of the chair of law enforcement organizations and advocacy of Pskov State University.

Doctor of jurisprudence.

E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

ИВАНОВ ДМИТРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

Родился в г. Ивангород Ленинградской области.

Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета.

Старший преподаватель кафедры финансового и административного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Кандидат юридических наук.

Контактная информация для переписки: ivanov.main@gmail.com

IVANOV DMITRIY

Was born in Ivangorod of Leningrad region. Graduated from the faculty of law of St.-Petersburg State University. Senior lecturer of the chair of financial and administrative law of St.-Petersburg State University of Economy.

Candidate of jurisprudence.

E-mail: ivanov.main@gmail.com

КАЛИНИНА ЕВГЕНИЯ ВАЛЕРЬЕВНА

Доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Доктор юридических наук, доцент.

Контактная информация для переписки: mikhal.bern@rambler.ru

KALININA EVGENIYA

Senior lecturer of chair of theory and history of state and law of the Nizhny Novgorod State University by N. I. Lobachevsky.

Doctor of jurisprudence, senior lecturer.

E-mail: mikhal.bern@rambler.ru

КИРЮШКИНА НАТАЛЬЯ ОЛЕГОВНА

Научный сотрудник Центра правовых исследований «Эклитос».
Контактная информация для переписки: illuzia.1980@yandex.ru

KIRYUSHKINA NATALIA

Fellow at the Center of Legal studies «Eklitos.»
E-mail: illuzia.1980@yandex.ru

КУНИЦЫН АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ

Родился в 1948 г. в Курске. Окончил исторический факультет Курского государственного педагогического института и юридический факультет Московского государственного социального университета.

Доцент кафедры государственного и муниципального управления Курского государственного университета.

Кандидат исторических наук.

Контактная информация для переписки: kunitsin-law@mail.ru

KUNITSYN ALEXANDER

Was born in 1948 in Kursk. Graduated from the faculty of history of Kursk State Pedagogical Institute and from the faculty of law of Moscow State Social University.

Senior lecturer of the chair of state and municipal administration of Kursk State University.

Candidate of jurisprudence.

E-mail: kunitsin-law@mail.ru

КУРЗЕНИН ЭДУАРД БОРИСОВИЧ

Доцент института бизнеса и делового администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Кандидат юридических наук, доцент.

Контактная информация для переписки: edw2006@yandex.ru

KURZENIN EDUARD

Senior lecturer of Institute of Business Administration of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Candidate of jurisprudence, senior lecturer.

E-mail: edw2006@yandex.ru

КУЧЕРОВА ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА

Студентка юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактная информация для переписки: lida.kucherova.92@mail.ru

KUCHEROVA LYDIA

Student of law faculty of St.-Petersburg State University of Economy.

E-mail: lida.kucherova.92@mail.ru

ЛЕВИТАНУС БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1979 г. в Ленинграде. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

Доцент кафедры финансового и административного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Кандидат юридических наук, доцент.

Контактная информация для переписки: bobson79@inbox.ru

LEVITANUS BORIS

Was born in 1979 in Leningrad. Graduated from the faculty of law of St.-Petersburg Humanitarian University of Trade Unions.

Senior lecturer of the chair of financial and administrative law of St.-Petersburg State University of Economy.

Candidate of jurisprudence, senior lecturer.

E-mail: bobson79@inbox.ru

МИНЕЕВА ТАТЬЯНА GERMANOVNA

Профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Доктор юридических наук, доцент.

Контактная информация для переписки: fonduniver@bk.ru

MINEEVA TATIANA

Professor of the chair of theory and history of State and law of the Nizhny Novgorod State University by N. I. Lobachevsky.

Candidate of jurisprudence, senior lecturer.

E-mail: fonduniver@bk.ru

МИНЕНКО СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Доцент кафедры социальных, гуманитарных и правовых дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Дзержинский филиал.

Кандидат юридических наук.

Контактная информация для переписки: sever2711@yandex.ru

MINENKO SERGEY

Senior lecturer of social, humanitarian and legal disciplines of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Dzerzhinsky branch.

Candidate of jurisprudence.

E-mail: sever2711@yandex.ru

МОРОЗОВ АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ

Начальник отдела безопасности УФНС России по Архангельской области и Ненецкому автономному округу.

Контактная информация для переписки: avmorozoff29@rambler.ru

MOROZOV ALEXEY

Head of the Federal Tax Service of Russia for the safety of the Arkhangelsk region and Nenets Autonomous District.

E-mail: avmorozoff29@rambler.ru

НИКОНОВА МАРИЯ ЮРЬЕВНА

Родилась в г. Мурманск. Окончила Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов.

Аспирант кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Юрисконсульт в ООО «ТД «Агроторг».

Контактная информация для переписки: nikol-20.04@mail.ru

NIKONOVA MARIA

Was born in Murmansk. Graduated from St.-Petersburg State University of Economy and Finance.

Postgraduate of the chair of civil law of St.-Petersburg State University.

Legal Adviser in the «TD «Agrotorg».

E-mail: nikol-20.04@mail.ru

ПАВЛОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА

Аспирант кафедры теории и истории права и государства Тувинского государственного университета.

Помощник судьи Арбитражного суда Республики Тыва.

Контактная информация для переписки: anna77pavlova@mail.ru

PAVLOVA ANNA

Postgraduate of the chair of theory and history of law and the state of Tuva State University.

Assistant Judge of the Arbitration Court of the Republic of Tuva.

E-mail: anna77pavlova@mail.ru

РЕУФ ВЛАДИСЛАВ МАРКОВИЧ

Доцент кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института ФСИН России.

Кандидат юридических наук.

Контактная информация для переписки: vladreuf@rambler.ru

REUF VLADISLAV

Senior lecturer of the chair of theory and history of state and law of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Candidate of jurisprudence.

E-mail: vladreuf@rambler.ru

РОГАЧЕВСКИЙ АЛЕКСАНДР ЛЬВОВИЧ

Родился в 1965 г. в Ленинграде. Окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета.

Профессор кафедры международного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Доктор юридических наук, профессор.

Контактная информация для переписки: zadanie@mail.ru

ROGACHEVSKIY ALEXANDER

Was born in Leningrad in 1965. Graduated from the law faculty of Leningrad State University. Professor of the chair of international law of St.-Petersburg State University of Economy.

Doctor of jurisprudence, professor.

E-mail: zadanie@mail.ru

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА

Заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им Н. И. Лобачевского.

Доктор юридических наук, профессор.

Контактная информация для переписки: vera_borisovna@mail.ru

ROMANOVSKAYA VERA

Head of the chair of theory and history of state and law at of the Nizhny Novgorod State University by N. I. Lobachevsky.

Doctor of jurisprudence, professor.

E-mail: vera_borisovna@mail.ru

РОМАНОВСКАЯ ЛЮБАВА РОСТИСЛАВОВНА

Доцент кафедры конституционного и административного права Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Кандидат юридических наук, доцент.

Контактная информация для переписки: Elza_r@mail.ru

ROMANOVSKAYA LYUBAVA

Senior lecturer of the chair of constitutional and administrative law of the Nizhny Novgorod State University by N. I. Lobachevsky.

Candidate of jurisprudence, senior lecturer.

E-mail: Elza_r@mail.ru

САЛЬНИКОВ ВИКТОР ПЕТРОВИЧ

Главный редактор – Председатель редакционного совета журнала «Юридическая наука: история и современность».

Доктор юридических наук, профессор.

Контактная информация для переписки: fonduniver@bk.ru

SALNIKOV VICTOR

Chief editor - Chairman of the editorial board «Jurisprudence: history and present».

Doctor of jurisprudence, professor.

E-mail: fonduniver@bk.ru

САЛЬНИКОВ МИХАИЛ ВИКТОРОВИЧ

Президент фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет».

Доктор юридических наук, профессор.

Контактная информация для переписки: fonduniver@bk.ru

SALNIKOV MICHAEL

President of the Foundation to support of science and education in the field of law enforcement «University».

Doctor of jurisprudence, professor.

E-mail: fonduniver@bk.ru

СЭРУА ВАЛЕНТИНА САУЛОВНА

Доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Кандидат юридических наук, доцент.

Контактная информация для переписки: fonduniver@bk.ru

SERUA VALENTINA

Senior lecturer of the chair of of theory and history of state and law, law faculty of the Nizhny Novgorod State University by N. I. Lobachevsky.

Candidate of jurisprudence, senior lecturer.

E-mail: fonduniver@bk.ru

ФЕДЮШКИНА АРИНА ИГОРЕВНА

Аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.

Контактная информация для переписки: tigpnngu@yandex.ru

FEDYUSHKINA ARINA

Postgraduate of the chair of theory and history of state and law, law faculty of the Nizhny Novgorod State University by N. I. Lobachevsky.

E-mail: tigpnngu@yandex.ru

ХЛУСОВ ТИМУР МИХАЙЛОВИЧ

Заместитель начальника – начальник отделения содействия интеграции и работы с соотечественниками отдела по вопросам вынужденных переселенцев и беженцев Управления Федеральной миграционной службы по Санкт - Петербургу и Ленинградской области, адъюнкт кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

E-mail: playsolo@mail.ru

KHLUSOV TIMUR

Deputy head - head of the department of promotion of integration and work with compatriots Department for IDPs and refugees of Department of the Federal Migration Service in St. - Petersburg and Leningrad Region, Associate Department of History of State and Law of the St. Petersburg University of the Russian Interior Ministry.

E-mail: playsolo@mail.ru

ХРАМОВА ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА

Окончила факультет права НИУ Высшая школа экономики (г. Москва). Получила степень европейского магистра экономического анализа права (LLM) по объединенной магистерской программе в университетах Роттердама, Гамбурга и Вены.

Аспирант кафедры конституционного и муниципального права НИУ Высшей школы экономики.

Контактная информация для переписки: tanushkas22@yandex.ru

KHRAMOVA TATIANA

Was born in 1985 in Arzamas-16. Graduated from National Research University Higher School of Economy, faculty of law. Received a degree of European Master in Law and Economics (LLM) from the Universities of Rotterdam, Hamburg and Vienna.

Is currently a PhD candidate at National Research University Higher School of Economics, Department of Constitutional and Municipal Law.

E-mail: tanushkas22@yandex.ru

ЦЫГАНОВ ВИКТОР ИВАНОВИЧ

Декан юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Кандидат юридических наук, доцент.

Контактная информация для переписки: fonduniver@bk.ru

TSYGANOV VICTOR

Dean of the faculty of law of the Nizhny Novgorod State University by N. I. Lobachevsky.

Candidate of jurisprudence, senior lecturer.

E-mail: fonduniver@bk.ru

ЯЛЫШЕВ СТАНИСЛАВ АЛИМОВИЧ

Профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российской академии правосудия.

Доктор юридических наук, профессор.

Контактная информация для переписки: yalishev@bk.ru

YALYSHEV STANISLAV

Professor of the criminal and procedural law of the Northwest Branch of the Russian Academy of Justice.

Doctor of jurisprudence, professor.

E-mail: yalishev@bk.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Ученые записки юридического факультета» Санкт-Петербургского государственного экономического университета приглашает к сотрудничеству авторов научных работ – правоведов, юристов-практиков, сотрудников органов государственной власти и местного самоуправления.

Присланные авторами статьи проходят обязательное рецензирование. Материалы студентов, аспирантов и соискателей принимаются при наличии рекомендации научного руководителя.

Для публикации необходимо представить в редакцию рукопись в двух формах – на бумажном и электронном носителях. Средний объем рукописи 0,5–1,0 авторских листа (20 000–40 000 знаков, включая пробелы). Текст рукописи должен быть представлен в формате: Word for Windows, формат страницы А4 (210x297), поля – 20 мм, шрифт Times New Roman, размер шрифта (кегель) – 14, интервал – полуторный. Пристатейный библиографический список оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Кроме файла с основным текстом статьи, должен быть представлен отдельный файл с информацией об авторе/ах:

- фамилия, имя, отчество автора;
- год и место рождения;
- образование (с указанием высшего учебного заведения и факультета);
- место работы, должность;
- ученое звание, ученая степень (если имеются);
- контактная информация (почтовый адрес, контактный телефон и адрес электронной почты).

В приложении к тексту статьи должны быть представлены следующие сведения **на русском и английском языках:**

- фамилия, имя, отчество автора;
- название статьи;
- ключевые слова (5-6 слов) и аннотация, отражающая содержание статьи (50–250 слов).

Фотография автора/ов (отдельным файлом в формате jpeg с высоким разрешением) обязательна.

Редакция оставляет за собой право не рассматривать рукописи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями.

Контактная информация:

Почтовый адрес: 190005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 6/8

Телефон: (812) 602-23-65

E-mail: zapiski@finec.ru; pravo@finec.ru

Научное издание

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
юридического факультета

Научный редактор А. А. Ливеровский
Выпуск 36 (46)

Редакторы *Ю. К. Мамедова, Р. Я. Гучмазова*
Компьютерная верстка – *С. В. Павлова*

Свидетельство ПИ № 77-57278 от 12 марта 2014 г. выдано Северо-Западным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Лицензия № 040050 от 15.08.96.

Подписано в печать 20.05.2015 г. Формат 60x84¹/₈ Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,5. Уч.-изд. л. 17,5.

Тираж 500 экз. Заказ 861.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ
191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21